

**ПРИОРИТЕТНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ»
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

М.М. МЧЕДЛОВА

**РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ:
ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА**

Учебное пособие

Москва

2008

*Инновационная образовательная программа
Российского университета дружбы народов*

**«Создание комплекса инновационных образовательных программ
и формирование инновационной образовательной среды,
позволяющих эффективно реализовывать государственные интересы РФ
через систему экспорта образовательных услуг»**

Экспертное заключение –

доктор исторических наук, профессор *А.Ю. Шутов*

Мчедлова М.М.

Российская цивилизация: вызовы XXI века: Учеб. пособие. – М.: РУДН, 2008. – 187 с.

В учебном пособии рассматриваются актуальные вопросы определения места России в современном мире в методологических координатах цивилизационного подхода. Особое внимание уделено проблемам соотношения исторического опыта России и современных трансформаций, а также вариантам стратегий России в условиях качественных изменений социально-политических параметров мира.

Для магистров, аспирантов и всех интересующихся проблемами российской цивилизации в условиях современного мира.

Учебное пособие выполнено в рамках инновационной образовательной программы Российского университета дружбы народов, направление «Развитие мультикультурной образовательной среды международного классического университета», и входит в состав учебно-методического комплекса, включающего описание курса, программу и электронный учебник.

© Мчедлова М.М., 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Цивилизационный подход к объяснению социальной реальности: история и современная парадигма.....	5
1.1. Цивилизационный подход как методология исследования социальной реальности.....	5
1.2. Эволюция цивилизационного подхода.....	8
1.3. Современная цивилизационная парадигма.....	14
1.4. Идеология цивилизации.....	22
Глава 2. Российская цивилизация: онтология и ключевые характеристики	29
2.1. К методологии исследования.....	29
2.2. Специфические черты российской цивилизации	34
2.3. Устойчивость российской цивилизации	41
2.4. Менталитет как цивилизационная доминанта.....	47
Глава 3. Цивилизационная идентичность России.....	50
3.1. Общероссийская идентичность.....	50
3.2. Культурная самобытность народов России.....	59
Глава 4. Полиэтничность и поликонфессиональность как характеристики российской цивилизации.....	65
Глава 5. Политические императивы российской цивилизации.....	74
5.1. Политическая власть и государство.....	74
5.2. Государство и гражданское общество: российская традиция.....	80
5.3. Государственное управление и политические элиты.....	82

5.4. Национальные интересы и модернизация.....	84
5.5. Российская цивилизация: политическая организация в XXI веке ...	88
Глава 6. Вызов политики как вызов XXI века.....	93
6.1. Новые субъекты политики.....	94
6.2. Транснациональный мир и власть.....	97
Глава 7. Российская цивилизация и вызов идентичности.....	102
Глава 8. Вызов толерантности: российская цивилизация и религиозные различия.....	126
Глава 9. Россия в современном диалоге цивилизаций.....	142
Литература.....	149
Описание курса и программа	151

ГЛАВА 1

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ОБЪЯСНЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА

1.1. Цивилизационный подход как методология исследования социальной реальности

Если обратиться к истории общественной мысли, то неизбежно бросается в глаза закономерность: как правило, идеи приобретают доминирующий характер в связи с общественными потребностями и совпадением интересов больших групп людей. В наше время можно наблюдать значительное распространение теорий и концепций, касающихся развития современной цивилизации, а также возможностей и необходимых условий сосуществования различных цивилизационных образований. При этом в ряде регионов данный процесс сопровождается не только поисками оптимального социального устройства общества, но и драматической ситуацией переоценки взглядов и ценностей, связанной с отказом от старых идеалов, иллюзий, ориентаций, погибающих вместе с разложением прежних социальных порядков и распадом нежизнеспособных государственных формирований.

Почему же именно слово «цивилизация», наделенное особой магией, заставляющее, по выражению одного из последователей Сен-Симона Ш. Дюверье, «дрожать самые благородные струны нашего сердца и вдохновлять на самые лучшие чувства»¹, сейчас является наиболее востребованным и популярным практически во всех современных дискурсах?

Современный этап мирового исторического развития, социальной организации требует и новых методологических подходов к его

¹ См: *Beneton Ph. Histoire des mots: culture et civilisation – P., 1975. – P. 43.*

осмыслению. Налицо связь с актуализацией кризиса традиционных представлений о будущем человеческой цивилизации и о переоценке внутренней аксиологической нагруженности и перспектив различных цивилизаций. Это обусловлено, во-первых, структурными изменениями мирового социального пространства, характеризующегося определенным интегральным состоянием: не «мир», но «мир миров»; во-вторых, исчерпанием конструктивного потенциала традиционно-действенных подходов и алгоритмов к разрешению междивизиационных конфликтов. Интегральная направленность цивилизационного процесса в современную эпоху и стремление включенных в него социальных образований к унификации, имплицитно содержит в себе ряд негативных последствий, что и обуславливает необходимость теоретического осмысления и выработки новых технологий разрешения меж- и внутрицивилизационных противоречий (на политическом, социокультурном, этническом уровнях) как в планетарном масштабе, так и в отдельных регионах.

Если мы обратимся к логике и движению гуманитарного знания, то следует отметить, что в общественном знании бывают ситуации, когда понятия и категории, не будучи синонимами, все же имеют в известной мере совпадающее содержание. Рассматривая одну и ту же социальную реальность, они, однако, отражают ее с разных сторон, фиксируют, схватывают разные аспекты и срезы, поэтому у них различная познавательная функция, различная смысловая и эвристическая нагруженность. Так, один и тот же социальный объект может быть рассмотрен и как общество (т.е. вся совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей), и как государство (акцент в таком случае смещен в сторону властных отношений), и как гражданское общество (акцент уже на самодеятельности граждан, гражданских групп), и как формация (т.е. внимание сосредоточивается на социально-экономическом строе, существующих классовых отношениях),

и как цивилизация... Какую же особую методологическую и познавательную функцию несет это понятие?

И понятие «цивилизация», и цивилизационный подход к изучению социально-политической и исторической реальности в силу своей популярности, фундаментальной и универсальной применимости стали жертвами своего успеха. Ситуация доходит до абсурда, когда слово «цивилизация» превратилось даже не в козырного туза, а в джокера, которого достают в необходимые моменты и для объяснения практически всех социальных процессов, и для оправдания или осуждения определенной политики.

В современном обществознании существует большое число определений понятия «цивилизация». Его содержание зависит от целей и задач исследователя, от его методологических и гносеологических принципов, от специфики той отрасли гуманитарного знания, которую он представляет. Например, формирование цивилизации антропологи и этнографы рассматривают в тесной связи с антропогенезом и этногенезом, выделяя этапы формирования человека, общие способы и средства труда, роль систем поведения, привычек, норм в развитии той или иной общности; у философов, социологов и историков в большей мере наблюдается связь цивилизации с социальным прогрессом, с этапами развития культуры – использование письменности, разделение умственного и физического труда, появление городов, государств и т.д.

В современной мировой философско-социологической и исторической литературе цивилизациями принято характеризовать устойчивые социокультурные общности, существующие в определенных пространственно-временных координатах. Главной особенностью подобных социокультурных образований, несмотря на наличие сотен определительных трактовок, констатируется стабильность материальных, духовных, социальных ценностей. Каждый конкретный тип цивилизации

определяется возможностью и способностью продуцировать общезначимые ценности, отличные от порождаемых другими социокультурными общностями. Так, например, характеризуя китайскую цивилизацию, в первую очередь отмечаем их достижения – изобретение и применение пороха, магнитной стрелки, учение дао и т.д.; цивилизацию шумеров – изобретение и применение клинописного письма, плуга, колеса и т.д.

1.2. Эволюция цивилизационного подхода

Сама идея цивилизации, возникшая во времена античности, была связана с наличием социальной упорядоченности, и, прежде всего в городе и государстве. Она предполагала противопоставление существующего в городе несравнимо более высокого общественного порядка, с одной стороны – природе, с другой – варварству как символу отрицательной социальной организации. Не случайно, семантически понятие «цивилизация» связано со словами город, городской, гражданственность и гражданский, что свидетельствует об их определенном смысловом родстве. Этимологические истоки находятся в латинских «civis», «civitas», «civilis» – гражданин, гражданственность, гражданский, являющиеся наследниками греческого «полиса». Политическая жизнь античного полиса не была слишком ограниченной, как жизнь варварских племен, ни слишком растянутой, как бытие восточных монархий, а существовавший в нем политический строй (полития) был одинаково далек как от анархии, так и от тирании. Подобный политический строй создавал условия для расцвета культуры и искусства, совершенствования нравственных ценностей. «Все это заключается в одном слове – «цивилизация», смысл которого раскрывается в его происхождении от civis – гражданин, член общества. Все перечисленное служит тому, чтобы сделать жизнь города, т.е. городской общины – иначе говоря, общественную жизнь, – возможно

более легкой и приятной. Если мы вдумаемся в перечисленные элементы цивилизации, мы заметим, что у них одна и та же основа – спонтанное и все растущее желание каждого гражданина считаться со всеми остальными. Цивилизация – прежде всего добрая воля к совместной жизни. Человек, который не считается с другими, не цивилизованный человек, а варвар. Варварство направлено к разложению общества. Все варварские эпохи были периодами человеческого рассеивания, распада общества на мелкие группы, разобщенные и взаимно враждебные². Таким образом, идея цивилизации связывалась с городской организацией жизни, постепенно становящейся все более и более легитимной не только посредством традиций и нравов, но и через юридические и политические законы, подтверждающие возникновение позитивного социального дифференцирования. (Действительно, первые известные нам цивилизации – шумерская, вавилонская, греческая и др. – имели полисную организацию социальной структуры).

Целесообразно, хотя бы вкратце, проследить генезис и изменение содержания достаточно молодой категории «цивилизация», ибо в движении понятий отражается движение идей. Только в 1768 г. маркиз де Мирабо, давая определение новому понятию в эскизах произведения «Друг женщин, или Трактат о цивилизации», писал: «Я удивляюсь ... насколько ложны наши взгляды в отношении того, что мы принимаем за цивилизацию, из-за ложности во всех пунктах поисков. Если бы я спросил у большинства, в чем, по вашему мнению, состоит цивилизация, то мне ответили бы: цивилизация есть смягчение нравов, учтивость, вежливость и знания, распространяемые для того, чтобы соблюдать правила приличий и чтобы эти правила играли роль законов общежития; все это являет мне

² *Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 145.*

лишь маску добродетели, а не ее лицо, и цивилизация ничего не совершает для общества, если она не дает ему основы и формы добродетели»³.

Как явствует из этого определения, Мирабо наполняет понятие цивилизации более глубоким содержанием, понимая под ним определенные параметры общественного «добродетельного» устройства, его основы и формы. Именно эти основополагающие элементы общества позволяют цивилизовать другие народы, привести их к благопристойному существованию.

Господство новой философии – философии Просвещения не только способствовало рождению понятия цивилизации в XVIII в., но и характеризовало собой известный разрыв в истории идей, в социальных теориях. Оно ознаменовало собой наступление и начало господства нового взгляда на историю общества: идеи исторического динамизма, всеобщего прогресса, «цивилизации». Однако в век Просвещения возникает представление о цивилизации как о рациональном абсолюте, едином и единообразном. Это была «цивилизация – идеал, цивилизация – совершенство, которую все люди того времени так или иначе держали в уме и в сердце как доминирующую, но отнюдь не ясную идею. Разумеется, в то время ни у кого не возникало желания конкретизировать ее, поставить пределы ее универсальной применимости. В них безмятежно живет, не вызывая никаких сомнений, абсолютное и унитарное представление о человеческой цивилизации, которая способна установить единообразие этнических групп...»⁴.

Цивилизация стала обозначать Абсолютную рациональную ценность для всех времен и народов, тот единственный способ существования, тождественный социальной организации и ценностной структуре государств Западной Европы XVIII в. Дикая племена, или

³ См.: Цветков А.П. *К истории понятия «цивилизация»// Цивилизация как проблема исторического материализма. Ч.1. М., 1983. С.13–14.*

⁴ *Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С.261.*

варвары, цивилизуются посредством распространения на них европейской модели, включающей в себя и светские, и религиозные христианские характеристики. Таким образом, следует отметить, что с момента своего возникновения понятие «цивилизация» имело нормативный характер, представляя собой определенный идеал, что в значительной степени сохранилось в общественном сознании и до настоящего времени.

Однако парадигмы гуманитарного знания, интерпретации различных социальных феноменов, кроме собственных глубинных причин приращения знания, зависят и от общественно-исторической практики, и прежде всего от ее поворотных моментов. Поэтому великие потрясения в Европе конца XVIII – начала XIX вв., преломившись в общественном сознании, явились причиной потери понятием «цивилизация» своего единственного первоначального значения Абсолютной Ценности. По словам Л. Февра, «Революция и Империя показали ... что Цивилизация может умереть»⁵. В результате цивилизация потеряла предикат абсолютности, статичную сущность идеального состояния, однако сохранила нормативный характер, добавив к нему идею своего эволюционного развития.

Широкое употребление слова «цивилизация» с момента возникновения отражало совпадение подходов представителей различных областей знания к идеям прогресса и эволюции. Уходя истоками в философию Просвещения, теория цивилизации была дополнена, развита, углублена новыми философскими системами с их историческим и позитивистским взглядом на развитие общества, исследованиями антропологов и этнографов, открытиями биологов.

В рассматриваемом значении цивилизация представляла собой определенную стадию эволюции, в которую вовлечены все социальные и этнические образования, чьим воплощением, моделью является Западная

⁵ *Февр Л. Указ. Соч.. С. 262.*

Европа и Северная Америка, выполняющую прозелитскую миссию: поскольку между высшими европейскими культурами и дикарями существует лишь временной разрыв, разница в уровнях развития, но никак не чуждость принципов существования, то Европа должна стать распространителем цивилизации и помочь примитивным обществам достичь уровня европейских народов. Идея превосходства и миссионерской, прозелитской деятельности цивилизации преодолевала даже различные идеологические баталии. Для представителей различных религиозных институтов и определенной части европейского общества Европа несла нецивилизированным народам преимущества христианской религии, определенные моральные и нравственные ценности. Для другой части общества – цивилизация передавалась в светском варианте – в виде социальных институтов, норм права, справедливости, достижений медицины, науки и т.д. Но в любом случае можно сказать, соглашаясь с М. Моссом, что в данной концепции Европа смешала свою цивилизацию, приняв ее за меру, с цивилизацией вообще⁶.

Повышению интереса к анализу цивилизации, кроме общественно-политических изменений в Европе, также способствовали этнографические экспедиции рубежа XIX–XX вв., когда соприкосновение с бытом и культурой других народов позволили выявить устойчивые – глубинные и поверхностные – характеристики, отличные от «общепринятых» европейских. Одновременно развитие исторического знания, этнологии, культурной антропологии, археологии расширили представления о количестве и сущности настоящих и древних цивилизаций.

Это послужило отправной точкой для возникновения, наряду с устойчивым нормативным пониманием цивилизации, его

⁶ *Mauss M. Les civilisation: elements, formes et aires de civilisation // Civilisation: le mot et l'idee. P., 1930. P.104.*

противоположного, исторического понимания, что выразилось, в частности, в употреблении данного понятия во множественном числе. Таким образом, было признано существование не цивилизации, а цивилизаций. И методология исследования, а также интерпретация сущности конкретных цивилизаций стала отличаться от классической.

Новый аспект в понимании цивилизации был связан с развитием и углублением позитивистской парадигмы в изучении общественного процесса. Возникло много определений цивилизации, носящих научный или дескриптивный характер. Так, известный социолог Э. Литтрэ под цивилизацией понимал «совокупность характерных черт, принадлежащих некоторому обществу, сгруппированному на некоторой территории в некоторый момент истории»⁷. Для социологической школы Э. Дюркгейма цивилизация есть «совокупность социальных феноменов, которые не являются связанными с определенным социальным организмом; они простираются на пространства, которые выходят за национальные территориальные границы и которые развиваются в течение определенного периода времени, охватывающего историю нескольких обществ. Они живут сверхнациональной жизнью»⁸. В русле этнографической концепции, цивилизация суть совокупность материальных, интеллектуальных, моральных, политических и социальных способов бытия и деятельности определенной человеческой группы⁹. Для Ф. Броделя цивилизация представляет собой совокупность, всеобщность ценностей, культурных черт, феноменов¹⁰.

⁷ *Littre E. Dictionnaire de la langue française. P., 1889. P. 670.*

⁸ *Durkheim E., Mauss M. Note sur la notion de civilisation // L'Année sociologique. T. XII, 1909–1912. P., 1913.*

⁹ *Niceforo A. La civilisation. Le problème des valeurs // Civilisation: le mot et l'idée. P., 1930. P. 114.*

¹⁰ *Braudel F. Ecrits sur l'Histoire. P., 1969. P. 292.*

1.3. Современная цивилизационная парадигма

Современная интерпретация цивилизации, преодолев классический нормативный характер, вышла за государственные, национально – этнические, конфессиональные рамки и стала рассматриваться как определенная целостность, совокупность определенных всеобщих феноменов, ценностей – материальных, духовных, политических, моральных, эстетических и др. Цивилизация является реальностью «коллективного порядка», «типом гиперсоциальной социальной системы», надэтническим, надгосударственным и прочим образованием, связанным с универсальными культурными чертами; она больше не телеологическое состояние, которое необходимо достигнуть, но представляется определенным наследием, совокупностью устойчивых характеристик и ценностей, передающимся через специфическую традицию, обеспечивающую ее целостность. *Атрибутами цивилизации признаются ее длительность, протяженность во времени, наличие определенного пространственного положения и устойчивость по сравнению с остальными социальными и историческими образованиями.* В подобном контексте цивилизациями признаются такие социокультурные общности, которые в русле нормативной концепции были далеко не цивилизованы.

Одновременно следует особо отметить, что, с другой стороны, деление цивилизационного процесса на различные конкретные типы связано и с возникновением новых гносеологических принципов исследования социальной реальности и ее генезиса, а именно с методологическим признанием дискретности исторического процесса.

Концепции локальных цивилизаций – общее название для ряда теорий, представляющих собой один из самых значимых подходов к интерпретации цивилизационной теории. Основной методологической установкой подобных концепций является признание прерывности и

флуктуационности исторического процесса, свершающегося посредством некоего конгломерата социальных целостностей. Н.Я.Данилевский называет их культурно-историческими типами, О. Шпенглер – развитыми культурами, А. Тойнби и С. Хантингтон – цивилизациями, П. Сорокин – метакультурами. Подобные социальные и культурные суперсистемы не совпадают с национальными или государственно-политическими образованиями, преодолевая расовые и географические пределы. Каждое такое социальное образование является предельно широким социокультурным образованием, определяющим как специфику исторических явлений и процессов, так и субъективные реалии (менталитет или поведение индивидов), и в то же время конечным, проходя путь развития, сравнимый с циклом жизнедеятельности живого организма.

Основной эвристический акцент концепций локальных цивилизаций относится к познанию конкретных исторических цивилизационных типов, посредством которых свершается история. Именно подобные гносеологические схемы выявляют самобытность той или иной цивилизации, ее основные культурные, религиозные, этнические и другие особенности, составляющие ее сущность, позволяют фиксировать специфику проявления общих цивилизационных тенденций в конкретных образованиях. В данных координатах становится возможным определение соотношения общего и особенного в цивилизационном процессе, осмысление механизмов взаимодействия различных цивилизаций и возможностей их диалога.

Все вышеизложенное подвело к двум наиболее важным методологическим проблемам, фиксирующим особенности цивилизационного процесса. Во-первых, соотношение цивилизации с культурой или ее составными частями. Во-вторых, вопрос о возможности

существования и взаимодействия мировой цивилизации и ее конкретных типов.

Практически во всех концепциях и категория цивилизации, и понимание специфики той реальности, которая описывается данным понятием, непосредственно определяется либо через культуру, либо через ее отдельные черты. В данном контексте возможны различные модификации и подходы, однако в любом случае цивилизация – это культурная общность, культурная целостность. Ф. Бродель полагал, что цивилизация есть, прежде всего, культурная зона, «жилище», внутри которого существуют различные подсектора культурных черт, начиная от языка, религии, искусства, политики, заканчивая специфическими чертами образа жизни и психологическими реакциями. А. Тойнби, утверждал, что формообразующим цивилизационным фактором является не этническая составляющая, не политическая реальность, а именно культурный феномен – религия. С. Хантингтон отмечал, что цивилизация – это широчайшие культурные общности, в которых язык, антропологические особенности, религия, образ жизни, социальные институты являются теми объективными моментами, которые определяют цивилизацию. Таким образом, сущность цивилизации связывается не с политическими или этническими реалиями, но с культурой, с наиболее устойчивыми, фундаментальными культурными характеристиками, позволяющими работать определенным цивилизационным механизмам.

В то же время существенно отметить, что в различных национальных научных традициях соотношение и наполненность понятий цивилизации и культуры воспринимается по-разному. Так, для передачи смысла немецкого слова «kultur» (культура), во Франции пользуются понятием «civilisation» (цивилизация). Действительно, немецкая парадигма изучения двух этих понятий несколько отличается от устоявшейся общепринятой, поскольку в ней существует достаточно жесткий

водораздел между культурой и цивилизацией: еще И. Кант настаивал на необходимости разведения данных понятий: цивилизация – это сфера материальных, экономических, технологических, организационных характеристик, тогда как за культурой остается иная сфера – нравственности, морали, эстетики, духовных ценностей¹¹. Во французской традиции, наоборот, цивилизация подчас выступает синонимом культуры, либо определяется через нее, причем культура понимается как совокупность определенных достижений, в том числе и материальных.

Рассматривая вопрос о существовании мировой и локальных цивилизаций, следует подчеркнуть определенные методологические трудности, связанные с отмеченной многозначностью самого термина, поскольку понятие цивилизации как в научной литературе, так и в бытовой лексике употребляется в различных значениях. Во-первых, им обозначают целую иерархию социально-культурных общностей, обладающих необходимыми признаками, находящихся на разных уровнях. Это могут быть по существу этносоциальные организмы (например, цивилизация майя, вавилонская, шумерская и т. д.), т. е. сравнительно однородные в этническом отношении общности. Во-вторых, понятием цивилизации могут обозначаться и социально-культурные общности более широкого масштаба, включающие и ряд этнических групп, в силу своих социокультурных характеристик принадлежащих к одному и тому же культурному ареалу (цивилизация эллинская, европейская, латиноамериканская и т. д.). В-третьих, нередко цивилизация обозначает и всю сумму исторически однотипных социально-культурных общностей, принадлежащих к одной формации (цивилизация рабовладельческая, феодальная и т. д.). Наконец, понятие «цивилизация» может быть

¹¹ *Кант И. Идея всеобщей истории во всемирном гражданском плане // Собр. соч. в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 23.*

использовано для обозначения всех социальных и культурных достижений человечества, здесь речь идет уже о мировой цивилизации.

Действительно, цивилизация, будучи исторической, модифицирующейся в зависимости от смены определенных глубинных факторов реальностью, прежде всего и непосредственно связана с социальным прогрессом. Цивилизация фиксирует, синтезирует социальные, материальные и духовные достижения всего человечества вне зависимости от конкретных региональных, этнических, культурных, политических особенностей. Рассматривая в данном срезе цивилизацию, мы отмечаем механизмы социального наследования и преемственности, обуславливающие сохранение и трансляцию коллективного общественного достояния, единого для всего человечества.

Из сказанного очевидно, что цивилизация вообще, мировая цивилизация абстрагируются от особенностей реальных социокультурных общностей, существующих в определенных пространственно-временных характеристиках (локальные цивилизации). В обществознании существует спор: мировая цивилизация – это реальность или абстракция, процесс или идея? Вероятно, можно предположить, что мировая цивилизация является и свершается посредством определенных исторических или “фактических” типов, имеющих определенный набор характеристик, что позволяет определить их как цивилизации: им присущи довольно устойчивые черты, признаки (традиционная культура, язык, среда обитания, общность экономической или духовных сфер и т.д.), что обуславливает особенности проявления в данной общности общечеловеческих достижений.

Но во всех случаях любая конкретная форма цивилизации обычно выражает позитивные ценности и явления для определенного пространства и времени (поскольку эти ценности и явления исторически обусловлены, то со временем в ходе развития они могут быть преодолены). Социальные

явления, которые с самого начала являются непрогрессивными, с понятием “цивилизация” чаще всего не связывают, так как это понятие призвано выделять исторический момент восходящего развития, акцентировать внимание на вкладе данной цивилизации в единую мировую.

Какими же основными сущностными чертами должна характеризоваться социокультурная общность, определяемая как локальная цивилизация, как исторический тип? Цивилизации – это реальности длительной исторической протяженности, они живут гораздо дольше, чем иные социокультурные общности, развиваются через внутренние собственные законы, через бесчисленные противоречия социальных образований, включенных в них. Цивилизации, как правило, не имеют конца, они переживают все другие «коллективные реальности», они не исчезают бесследно, передавая последующим цивилизациям определенную позитивную часть своих достижений. Цивилизация может меняться внутри, но сохраняет почти все нюансы и отличительные особенности по отношению к другим цивилизациям, поэтому акцент делается на механизмах преемственности и устойчивости, присущих цивилизациям.

Временная устойчивость цивилизаций предполагает наличие определенного культурного ареала, характеризующегося не только пространственными границами, часто достаточно размытыми, но и совокупностью характерных культурных феноменов, материальных и духовных ценностей, определяющих специфику и сущность данной цивилизации: язык, религия, искусство, традиции, обычаи и др. Каждый из подобных культурных феноменов развивается и функционирует по собственным законам, говорит на «внутреннем языке», который совсем не такой, как у всеобщей истории, однако все они охватываются цивилизацией – как интегративной целостностью, включающей в себя множество общностей и социальных образований. Цивилизация суть

«total», всеобщее, предельная целостность, «они охватывают все, не будучи охваченными другими»¹².

Цивилизационная устойчивость проявляется и передается не только посредством отмеченных объективных форм, но и определенными глубинными психологическими механизмами, бессознательными и отрефлектированными, связанными с определенными поведенческими и психическими стереотипами, духовной идентификацией, коллективными представлениями общества. По словам С. Хантингтона, цивилизация – это самое широкое МЫ, где человек чувствует себя в культурном отношении дома, отличающее человека от остальных и являющееся для него родным¹³.

Сущность, глубинная специфика конкретной формы цивилизации проявляется с разной интенсивностью по границам и в центре, ядре культурной зоны. Именно на ее границах чаще всего находятся наиболее характерные, сущностные черты цивилизации и именно здесь происходят контакты и взаимодействия цивилизаций, выражающиеся либо в отказах, либо в ассимиляции духовных, материальных, социальных ценностей, предлагаемых другими социокультурными общностями.

Методология вычленения и изучения конкретных типов цивилизаций как реальностей, их взаимосвязь и взаимовлияние, соотношение с общечеловеческой предполагает познание не только поставленных проблем, но и более глубинных принципов общественного развития. Во-первых, это может быть утверждение прерывности исторического процесса, и нельзя сбрасывать подобные, уже отмеченные нами концепции со счетов, ибо они имеют глубокий эвристический потенциал.

¹² Braudel F. *Ecrits sur l'Histoire*. P., 1969. P. 291.

¹³ Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций // Pro et Contra*. Т. 2, № 2. 1997. С. 117.

Во-вторых, это может быть признание единого поступательного развития человечества, имеющего универсальный характер, и общей направленности цивилизационного процесса как прогрессивного развертывания позитивных потенций, объединяющего в едином восходящем движении все народы и культуры. В данный поступательный процесс вклад каждой цивилизации уникален, однако вместе они создают общечеловеческое наследие, которое благодаря определенным социальным механизмам преемственности сохраняется и становится трансцивилизационным.

Как известно, развитие общественной, в том числе философской и политической, мысли – это противоречивый процесс, связанный со столкновением различных взглядов, идей, концепций, предпочтений, приоритетов. Так, возникли концепции «индустриальной цивилизации», «технологической цивилизации», «городской цивилизации», «цивилизации досуга», «цивилизации счастья» и др., получила распространение теория «духовного кризиса цивилизации»; в результате подобного бума и значения понятия, и области его применения стали настолько многочисленными, что вплотную приблизили его к неопределенности. Можно сказать, что понятие «цивилизация» поплатилось своей ясностью за свой успех. Например, в политической сфере рассматриваемое понятие употребляется с различными оттенками. Так, для космополита и националиста понятие «цивилизации» обладает единым смыслом, но содержание его для них различно. В свои рассуждения типа «цивилизацию нужно защищать» они вкладывают во многом один и тот же смысл: цивилизация есть наследие и наследование материальных и духовных ценностей, позитивных достижений. При этом его значение различно: какие ценности необходимо защищать, какие достижения сохранять?

С момента своего возникновения термин «цивилизация» приобретал все большую известность и притягательность, став к настоящему времени

едва ли не самым популярным и употребляемым представителями всех гуманитарных наук, идеологами, политиками, журналистами, а также людьми, далекими от науки и политики.

1.4. Идеология цивилизации

В последнее время за понятием цивилизации закрепляется применение его для характеристики достижений материальной и экономической культуры, для выражения уровня техники, комфорта, образа жизни, для определения степени развитости образования, воспитания и досуга, для закрепления позитивных накоплений в духовно-интеллектуальной сфере, в качестве основного признака общественно-политического устройства стран развитых демократий и проч., т.е. определенный уровень цивилизованности. ***Исходя из этого можно говорить об идеологии цивилизации, связанной с классической нормативной концепцией.*** Поразительно, но идеология цивилизации оказалась более устойчивой по сравнению с ее философско-методологическим фундаментом, что свидетельствует о ее адекватности основным императивам западной модели общества.

Действительно, теория цивилизации возникла в форме идеологии, оправдывающей и закрепляющей превосходство одних обществ над другими, что породило череду не только позитивных, но и деструктивных событий. Идеологией цивилизации, необходимостью ее защиты, степенью цивилизованности оправдывалось уничтожение целых культур, практика колониализма, войны и проч. Идеологией цивилизации продолжает оправдываться в настоящее время экономическая и политическая экспансия развитых стран, трансляция и насаждение соответствующих ценностей, религиозных и моральных императивов, гражданских и политических институтов (нельзя не отметить такие концепции, как европоцентризм в различных его модификациях,

американоцентризм и др.). Существование данных идейных течений подпитывается и современными реалиями. Речь идет о возрастающей тенденции к унификации мира, характеризующейся “наплывом цивилизации и «реваншем» одной над многими»¹⁴, порожденной не только глубинными цивилизационными процессами, но также новыми основаниями: технологическими (с одной стороны – оптимальными, с другой – массовыми, что обуславливает их идентичность и распространение), культурными (прежде всего связанными с явлениями стандартизации в культуре, глобальными проблемами), политическими (существование универсального мирового политического пространства). В ходе реализации данной тенденции стираются и даже в известной мере уничтожаются особенности различных цивилизаций, как следствие возникает риск смешать Цивилизацию (в данном случае либеральную западную) с цивилизациями.

Однако с неизбежностью встает вопрос: а на каком фундаменте зиждется подобное объединение и подобные унификации? Не исчезают ли отдельные цивилизации, уступая место цивилизации единой или единственной? Цивилизация (понятая и продолжаемая пониматься в идеологии и практике в нормативном смысле) предлагает многие блага, но цивилизации не всегда в состоянии ими воспользоваться, ибо «Цивилизация предлагает, но не всегда дает... она не распространяется поровну»¹⁵. И тогда между цивилизациями и Цивилизацией возникают противоречия.

Противоречия возникают и непосредственно в реальности, и как следствие находят свое отражение в общественном сознании. Воспринятые теми или иными цивилизациями достижения всегда принимают специфический, особенный характер, что зависит от человеческого,

¹⁴ Braudel F. *Ecrits sur l'Histoire. P., 1969. P. 312.*

¹⁵ *Ibid. P.307.*

политического, социального, даже «мистического» контекста. Так, например, небоскребы Москвы совсем не то же самое, что небоскребы Чикаго, а попытки строительства институтов гражданского общества в России демонстрируют их разительное отличие от подобных процессов в странах западных демократий. Часто невозможность безболезненной ассимиляции определенных ценностей и достижений, говоря словами Ф. Броделя «добродетелей и ужасов» современной цивилизации, вследствие их чуждости и насильственного привнесения порождают различные идеологические течения, стремящиеся оградить свою историческую и цивилизационную специфику.

Подобные тенденции, связанные, с одной стороны, с экономическим и политическим лидерством европейской цивилизации и, с другой – с осознанием своей роли и специфики других обществ, привели к изменению не только цивилизационной идеологии, но и технологий взаимоотношений между цивилизациями. Вероятно, логичным было бы предположение, что в современную эпоху отношения между цивилизациями продвинулись от фазы, когда преобладало однонаправленное влияние одной цивилизации на все остальные, попадающие в орбиту ее экспансии, к фазе интенсивного устойчивого взаимодействия всех цивилизаций. То есть, главные устойчивые характеристики предшествующей эры межцивилизационных отношений начали исчезать: «экспансия Запада» кончилась и начался «бунт против Запада»¹⁶.

Таким образом, в настоящее время особую актуальность приобрела необходимость определения цивилизационного статуса для различных стран. Современные объективные и навязываемые унификационные тенденции в мире с неизбежностью порождают ответные реакции – различные способы сохранения своей культурной самобытности,

¹⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // *Pro et Contra*. Т.2, № 2. 1997. С.120–121.

определение цивилизационной идентичности вплоть до самых деструктивных (например, всевозможные фундаменталистские и националистические идеологии). Не случайно, по мнению С. Хантингтона, цивилизационные войны в будущем будут иметь целью именно сохранение культурных самобытностей противоположных участников конфликта. В силу отмеченных тенденций особую популярность и актуальность приобрела геополитическая проблематика, объединяющая цивилизационное устройство общества и политический процесс.

Среди достаточно широкого спектра аналитических геополитических моделей следует, на наш взгляд, остановиться на двух важнейших, находящихся на полюсах вариативной шкалы. Во-первых, на миропорядке, задаваемом параметрами многополярного мира. Исходя из подобной модели следует признать многовариантность существования человеческих сообществ и невозможность приведения подобного различия к общему знаменателю, пусть даже являющемуся интересами сверхдержавы. Говоря о многополярном мире следует также иметь в виду и переосмысление наполнения силовых методов во внешней политике, когда наряду с военной силой в качестве составных частей интегративных силовых регуляторов стали признаваться территория, экономический и научный потенциал, демографический фактор, внутривнутриполитическая стабильность, четкие социокультурные идентификации.

Во-вторых, актуальна и всеми возможными способами осуществляется на практике однополюсная структура мирового порядка, где центром униполярности выступает единственная сверхдержава (США). Благостные ожидания многих политиков и аналитиков, что в связи с уходом в прошлое биполярного мира якобы исчезла угроза национальным интересам различных обществ, оказались иллюзией и заблуждением, ибо униполярная геополитическая модель является прямым продолжением

идеологии цивилизации нормативного порядка, рожденной мировоззрением эпохи Просвещения.

Понимание современного мира как многополярного, как «мира миров», рассматриваемое как культурное и цивилизационное разнообразие с необходимостью бросает вызов западной, особенно американской вере в универсальность западной культуры, которая подкрепляется объединительными интегративными тенденциями: в экономической, финансовой, информационной, правовой и других сферах. Запад последовательно, на протяжении уже столетий веков смешивает «свою цивилизацию с цивилизацией вообще». Он уверен, что люди всех обществ хотят усвоить западные ценности, институты и практику, поскольку они самые лучшие, самые рациональные, самые просвещенные, самые свободные и проч., т.е. сменить свои идентичности на либеральные. При отсутствии такого желания, при желании сохранить свою культурную самобытность, при отстаивании своих национальных интересов, те или иные страны и их население объявляются в лучшем случае заблуждающимися, в худшем – врагами демократии и как следствие реальной угрозой всему миру. Подобная политика, основанная на нормативном отношении к либерально-западным ценностям, подкрепленным могучим экономическим и научно-технологическим потенциалом, манифестируется не только в стратегии «мягкой гегемонии», но и в открытом применении силовых методов, оправдываемых высшими идеалами.

Оправдание любых действий высшими идеалами полностью соответствует пониманию цивилизации как Идеала¹⁷. Провозглашаемое свершение политики во имя и на основе идеалов на деле оборачиваются чаще всего неоднозначностью. Так, западная цивилизация во имя своего

¹⁷ Подобная стратегия политического и культурного поведения получила название «идеалполитика».

Идеала ее самой постепенно уничтожила и уничтожает многие культуры, стремясь переделать их под свои стандарты.

Поучительными, на наш взгляд, являются в этой связи несколько эпизодов из истории контактов европейской и неевропейских цивилизаций. Первый сюжет касается покорения крошечным в 160 человек отрядом Ф. Писарро огромного отлаженного государства – империи инков. Принимая во внимание подавляющее многотысячное превосходство своих войск, последний император инков Атуальпа, по-видимому, даже не предусмотрел возможности, что пустяковый отряд испанцев предпримет попытку напасть на него и его огромную армию в самом центре его могущественного государства. Будучи не способным проникнуть до конца в менталитет захватчиков, Атуальпа не имел никакого представления об уверенности самого Писарро и его людей в их превосходстве над всеми народами Нового Света, которые всех считали варварами. Они черпали свое мужество в непоколебимом убеждении, что за их спиной Бог, империя Карла V и постоянно прогрессирующая европейская цивилизация¹⁸.

Второй сюжет наглядно демонстрирует аналогичное убеждение в идеальности и универсальности европейской цивилизации Ф. Кортеса. Ф. Кортес, знакомясь в столице империи ацтеков Теночитлане (200000 жителей, в несколько раз больше, чем крупнейшие города Европы того времени) с их достижениями, писал: «Их действия и поведение *почти* на таком же уровне, что в Испании. Принимая во внимание то, что они варвары, лишены знания о Господе и о других цивилизованных народностях, примечательно видеть то, что они создали»¹⁹.

Последний пример связан с Первой мировой войной, которую нередко оправдывали идеалами цивилизации, связанной с христианскими

¹⁸ См.: *Инки: владыки золота и наследники славы (Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации»)*. М.: Терра, 1997. С. 26.

¹⁹ См.: *Ацтеки: Империя крови и величия (Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации»)*. М., Терра, 1997. С.30.

ценностями, а также с определенными правовыми и политическими институтами. Официальное признание этот процесс получил в конце войны 11 ноября 1918 г., когда Клемансо с трибуны Палаты депутатов произнес: «Франция вчера являлась солдатом Бога, сегодня – солдатом Права, но всегда – солдатом Идеала»²⁰. Право, Цивилизация как Идеал (светский эквивалент Бога) присутствовали в общественном сознании, как светском, так и религиозном, являясь теми ценностями, которые следует не только защищать, но и во имя которых следует воевать.

Современных примеров подобных алгоритмов поведения Запада, подкрепленных идеологией цивилизации, самой прекрасной из возможных, несть числа.

Нынешнее социальное пространство представляет собой «мир миров», где каждая составляющая имеет свою собственную, культурную, этническую, религиозную, политическую специфику, поэтому и интерпретация цивилизационной сущности имеет широкое вариативное поле. Основной полиаспектной проблемой современной цивилизационной теории является разрешение противоречия между одной цивилизацией и многими, что связано с глубинными разнонаправленными цивилизационными процессами: унификации и сохранением культурной самобытности. В объяснении подобных процессов следует констатировать корреляцию философской парадигмы с динамикой идеологических конструкций. Причем не всегда корреляция является прямой и однозначной. Скорее сказывается извечное противоречие между «должным» и «сущим», для каждого из которых теория цивилизации поставляет аналитическое оправдание. ***В этом и проявляется эвристичность и познавательная функция цивилизационного подхода к социальной реальности, фиксирующего восходящий путь человеческой истории.***

²⁰ In: Ch a u n u M. Qu'est-ce que la civilisation? P, 1973. P. 89.

ГЛАВА 2. РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ОНТОЛОГИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

2.1. К методологии исследования

Современные реалии порождают потребность в определенных обобщенных представлениях о сути процессов, свойственных российскому обществу, потребность осмысления места и роли России в мировом процессе.

Социально-культурные характеристики любой цивилизации исторически устойчивы, постоянны, они действуют на протяжении длительного времени, легко переживая не только смену очередных политических режимов, но и общественных систем. Об относительной независимости цивилизации от общественного строя говорит уже то, что время жизни цивилизации обычно несколько тысячелетий, а у конкретного общества отсчет идет лишь на века, нередко – на десятилетия. Но главное состоит в том, что цивилизационный анализ предполагает вычленение – при всех идеологических и социальных различиях – именно глубинных факторов, архетипических черт, долговременных признаков (культурные, религиозные, этнические характеристики, исторические традиции, особенности ментальности и т.д.). Среди этих факторов и глубинные психологические явления, связанные с определенными поведенческими и психическими стереотипами, духовной идентификацией, коллективными представлениями общества, включающего группы с различными социальными и идеологическими ориентациями. И эти долговременные явления нельзя смешивать с сиюминутными факторами, очередными политическими перипетиями, узкими частными интересами.

Каждая цивилизация, при всей своей специфике и своеобразии, – суть лишь составная часть единой целостной общности – человечества. Единству всемирно-исторического процесса способствуют, наряду с

традиционными мировыми культурными контактами, современные интенсивные процессы глобализации в различных сферах – науке, технике, информатике, политике и т.д. Поэтому, подчеркивая традиционное своеобразие локальных цивилизаций, в нашем случае – российской, важно при этом не «перегибать», учитывать, что каждая из них эволюционирует и развивается, модернизируется, как и то, что наряду с дискретностью исторического процесса есть и его непрерывность, действуют общечеловеческие глобальные закономерности.

С учетом вышесказанного очевидно, что у нас нет намерения противопоставлять западную и российскую цивилизации, но сильно желание объективно показать их взаимодополнительность, не игнорируя при этом их «хорошие» и «плохие» традиции.

Существуют различные подходы к пониманию российской цивилизации:

1. Первый подход представляет Россию как арену столкновения Западной и Восточной суперцивилизаций, что и составляет глубинную основу ее несимфоничности, расколотости, что указывает идею державной антиномичности: внедрение западных ценностей идет сугубо нажимными восточными способами. Россия квалифицируется как несамостоятельная цивилизация, пребывающая на перепутье инновационного Запада и традиционного Востока и дрейфующая в зависимости от обстоятельств (вмешательства государства) то в одну, то в другую сторону.

2. Вторая позиция – проект вестерна – утверждает, что Россия – периферия западной цивилизации. Ее надо вернуть, включить в последнюю, рассматривающуюся стандартом существования, поэтому ставится задача соответственного устройства России в соответствии с установлениями Запада.

3. Третья линия определяет Россию как не цивилизацию, а становящееся образование, как желанную модель мира в будущем. Европа

акцентирует «цивилизацию», Россия «культуру», Запад имеет конкретные заслуги в технологиях налаживания жизни, что ведет к нравственному оскудению, мещанству. Тело Запада, душа России, прагматизм и духовность – магистраль будущего²¹.

4. Совершенно отличный статус России придает И.Л. Солоневич, который утверждает следующее: «Россия – не Европа, но и не Азия, и даже не Евразия. Это – просто – Россия. Совершенно своеобразный национальный государственный и культурный комплекс, одинаково четко отличающийся и от Европы, и от Азии. Основные черты этого комплекса достаточно отчетливо определились раньше, чем европейское влияние или азиатские нашествия могли наложить на Россию свой отпечаток. На эти черты никакого влияния не оказала и Византия»²².

5. Существует подход идеализации российской цивилизации, всего ее прошлого, причислением ей лишь всевозможных положительных качеств, наделением мессианскими свойствами. Подобные взгляды представлены, например, в книге О. Платонова «Русская цивилизация», в которой наряду с верными обобщениями, искренней любовью к русскому народу и русской истории присутствуют априорные телеологические представления об особой избраннической миссии русского народа, которому фатально предрешен «счастливый исход». К сожалению, многие сегодняшние реалии – от геополитических до демографических – свидетельствуют о возможности другого, «несчастливого» варианта, что в значительной мере зависит от самого народа и особенно его политиков.

6. Распространенный в последнее время подход характеризовать российскую цивилизацию по одному религиозному – православному – признаку или считать религиозный фактор определяющим. Разумеется,

²¹ См. подробнее: **Ильин В.В.** *К пониманию российской цивилизации // Обновление России: трудный поиск решений. Выпуск 7. Годичные научные чтения «Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты».* М.: РНИСиНП, 1999. С. 158–159.

²² **Солоневич И.Л.** *Народная монархия.* Мн.: Лучи Софии, 1998. С. 15.

воздействие традиционной для любого народа или группы народов религии (в данном случае православия) на их образ жизни, литературу, изобразительное искусство, архитектуру, философию, этику, психологию, сознание, всю культуру колоссальное. Однако недостаточность определения специфики России по православному признаку особенно проявляется, если в полной мере учитывать, что общий культурный ареал (евразийские просторы России) включает разные, но в равной мере автохтонные этноконфессиональные общности. Разумеется, по степени воздействия на историю, культуру России с православием не может сравниться ни одна иная религия, да и по количеству последователей существует значительная разница (в РФ, согласно нашим социологическим исследованиям, среди верующих в Бога [около 45% населения] насчитывается православных 74%, мусульман – 19%, буддистов и всех протестантов – по 2% и т.д.). Но в России – в отличие от многих стран – верующие, исповедующие традиционные религии, проживают компактно, связаны с территорией. Так, например, живут последователи ислама в Поволжье, на Северном Кавказе, буддисты – в Калмыкии, Бурятии, Туве. Поэтому в контексте концепции российской цивилизации важно не только выделять и обосновывать место и роль определенных традиционных религий в создании и поддержании специфических этноконфессиональных ценностей, но и освещать взаимовлияние и взаимообогащение этноконфессиональных общностей, совместное созидание, поддержание и защиту ими общих ценностей в одном «общем Доме» – едином географическом, политическом, экономическом и духовном пространстве.

7. За последнее время проявились тенденции превратного подхода к отечественному опыту и опыту иных сообществ, механического заимствования из мировой истории готовых, оправдавшихся в иных обществах норм и форм социально-политической жизни. Не случайно в ходе осуществления нынешних реформ на первом плане, среди прочего,

естественно, оказалась проблема оптимального сочетания отечественных традиций и достижений, реализованных в иных обществах, сочетания традиционной отечественной культуры и ценностей модернизации.

Наличие различных подходов к пониманию российской цивилизации подчеркивает насущную проблему определения ее специфики. Взаимоотношения социокультурных общностей в горизонтальном срезе, в пространстве предполагает внимательный дифференцированный подход. Разумное социальное наследование – это удержание всего положительного в отечественном развитии, выдержавшего проверку временем и соответствующего менталитету народа, его привычкам и традициям, конкретным национальным, культурным, конфессиональным и иным ценностям. К сожалению, в последнее время и процессы социального наследования, и восприятие иноземного социального опыта в России приняли неконструктивный характер.

При всей самобытности российской цивилизации она, – будучи в рамках современной мировой цивилизации, не может не воспринимать ее лучшие достижения, ценности, нормы. Но реализовывать их, как правило, целесообразно через развитие отечественных институтов, при использовании положительного потенциала *своих* форм социальной жизнедеятельности, *своих* форм взаимодействия с природой, что, разумеется, вовсе не снимает проблемы последовательного отказа от всего "своего", но уже отжившего век, мешающего развитию.

Анализ цивилизационных особенностей российского общества предполагает освещение глубинных факторов устойчивых традиций, свойственных его истории, специфике политико-экономической деятельности, общественной мысли, идеологии, духовной жизни и т.д. Главное здесь – анализ механизмов социального наследования и

преимущественности, обуславливающих сохранение и трансляцию общероссийского достояния.

2.2. Специфические черты российской цивилизации

Каковы же те внутренние, глубинные основания, позволяющие говорить о российском обществе как о конкретном типе цивилизации.

Прежде всего, на наш взгляд, необходимо остановиться на определенной – временной и пространственной – устойчивости российской цивилизации, позволяющей ее подвести под определение «реальности большой длительности». Подобная характеристика предполагает наличие инвариантных глубинных составляющих по сравнению с историческими типами государства, этническими образованиями и проч., переживающих последние. К их числу следует отнести социокультурное наследие, проявляющееся в наиболее общих – объективных и субъективных – формах (таких, как способы коллективного бытия, стереотипы поведения, архетипы и т.д.), составляющее тот фундамент, на котором основываются остальные социальные образования. Пространственную устойчивость можно рассматривать в нескольких аспектах. Во-первых, как определенные территориальные границы, названные Ф. Броделем географическим ареалом распространения, «жилищем» цивилизации. Во-вторых, как явление «радиации культуры» (А. Тойнби), предполагающее эманацию цивилизационной основы, восприятие и включение в нее социокультурных образований исторически ей не принадлежавших: «история России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней»²³. Особенностью России в данном контексте является, с одной стороны, занимаемая ею огромная

²³ *Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9-ти т. Т. 1. М., 1987. С. 50.*

территория с концентрацией основного населения на ее меньшей части. С другой, в отличие от подобных европейского и американского императивов поведения, – распространение своей цивилизационной модели преимущественно мирным путем. Эти две особенности российской цивилизации подчеркивал еще Н.М.Карамзин: «народ, который смелостию и мужеством снискал господство над седьмой частью мира, открыл страны никому дотоле неизвестные, внес их в общую систему Географии, Истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейства, употребленных другими ревнителями Христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего»²⁴.

Временная устойчивость подразумевает, с одной стороны, длительное существование цивилизационного образования, с другой – постановку вопроса о механизмах трансляции из поколения в поколение социокультурного наследия, являющегося основанием любого конкретного типа цивилизации. Здесь, вероятно, целесообразно говорить о традиции, как о приоритетном способе передачи цивилизационного наследия, обеспечивающем стабильность и постоянство социальных образований.

Каков же возраст российской цивилизации? На наш взгляд, в данном случае следует также остановиться на двух аспектах поставленной проблемы. Речь идет, прежде всего, о возрасте цивилизациообразующего русского суперэтноса. По мнению Л. Гумилева, его возникновение можно датировать XIV в., тогда как европейские народы, выполняющие ту же миссию, родились на 500 лет ранее. Можно также сослаться на мнение Х. Ортеги-и-Гассета, подчеркивавшего более молодой, по сравнению с западноевропейскими, возраст русского народа «еще не перебродившего, молодого»²⁵. Другой аспект связан с разновозрастностью

²⁴ Карамзин Н.М. История государства российского. В 12-ти т. Т. 1. М., 1989. С. 15.

²⁵ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1984, № 4. С. 131.

– физической и социально-исторической – различных этносов, населяющих Россию. Сошлемся опять на мнение Н.М. Карамзина: «...чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разнородных, и столь удаленных друг от друга в степенях образования. Подобно Америке Россия имеет своих Диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни»²⁶.

Это подводит к выводу о наличии единого цивилизационного знаменателя, являющегося необходимым фундаментом для общего существования столь различных этнокультурных образований, ибо «цивилизация – прежде всего добрая воля к совместной жизни»²⁷. Одновременно встает вопрос о возрасте российского государства, исходя из соображений, во-первых, методологического порядка: цивилизация суть социальная упорядоченность, манифестацией которой является государство. Во-вторых, спецификой российского типа социума является инициирование государством формирование типа общества (в отличие от противоположной тенденции, прослеживающейся на Западе, где общество продуцирует определенный тип государства). Проследивая историческую перспективу российского государства (от Древней Руси до XX века), можно выделить ряд перманентных черт, несмотря на синусоидную кривую его истории: патерналистский характер, жесткая централизованность, выполнение государством функций, обеспечивающих стабильность и выживаемость общества.

Вернемся к вопросу о социокультурном наследии российского типа цивилизации, формировавшемся под воздействием ряда факторов. Прежде всего, самобытность российской цивилизации определяется ее формированием исходя из собственных внутренних потенций. Если западные цивилизации наследовали – в прямой или опосредованной форме

²⁶ Карамзин Н.М. *История государства российского. В 12-ти т. Т. 1. М., 1989. С. 15.*

²⁷ Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс // Вопросы философии. 1984, № 3. С. 145.*

– достижения цивилизации греко-римской, питались ее идеями, пользовались ее плодами, если «бродячий германец усаживался среди развалин, которые прямо ставили его вынесенные из лесов привычки и представления под влияние мощной культуры, в среду покоренных ими римлян или романизированных провинциалов павшей империи, становившихся для него живыми проводниками и истолкователями этой культуры»²⁸, то племена, вне зависимости от их этнической принадлежности, осваивавшие территорию, ставшую Россией, оказались в «стране ненасиженной и нетронутой, прошлое которой не оставило пришельцам никаких житейских приспособлений и культурных преданий, не оставило даже развалин, а одни бесчисленные могилы в виде курганов, которыми усеяна степная и лесная Россия»²⁹. Подобные стартовые условия естественным образом стимулировали специфический характер бытия российской цивилизации, проявившийся в замедленных, по сравнению с западными темпах развития (ввиду отсутствия первоначальной культурной базы) и в ярко выраженном традиционализме, позволявшем сохранять и транслировать создаваемый в непрерывной борьбе собственный социальный опыт. Но многие исторические свидетельства говорят о яркой культуре Древней Руси – «прекрасно украшенная Русь», что доказывает наличие и творческую силу внутреннего конструктивного потенциала российской цивилизации, ослабленного впоследствии рядом внеположенных ей факторов (монгольское иго, необходимость постоянного напряжения сил для отражения атак с Запада и Востока, модернизация и проч.).

Второй мощной составляющей социокультурного ядра российской цивилизации является заимствованное и интериоризированное вместе с православием культурное наследие Византийской империи. Оно было

²⁸ *Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9-ти т. Т.1. – М., 1987 – С. 48.*

²⁹ *Там же.*

настолько комплексным, что позволило многим теоретикам цивилизации (А. Тойнби, С. Хантингтон) определять российскую цивилизацию как «православную», хотя в византийском влиянии на Россию можно выделить как бесспорно позитивные черты, плодотворно и всесторонне исследованные, так и негативные. Отрицательная роль заключена, прежде всего в воспринятой традиции жесткой духовной и светской оппозиции Западу, а также в гашении собственных имманентных импульсов развития, свойственных молодым этносам и цивилизациям, замещенных на уже одряхлевшую культурную парадигму (в данном случае можно сослаться на оценки В. Розанова, В. Ключевского и др.). Хотя, следует отметить, и наличие иного подхода к оценке цивилизационного статуса России и роли византийского наследия. Например, известный французский ученый Ален Безансон в отклике на статью С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» вполне аргументировано показывает, что исторические корни «православной цивилизации» менее древние и прочные, чем кажется, чтобы можно было бы о ней говорить как о типе цивилизации.³⁰

И, наконец, постепенно, с трудом, но все-таки становящиеся непосредственным достоянием российской цивилизации – привнесенные, в силу отмеченной традиции, государством, европейские модернизационные ценности, связанные прежде всего со сферами экономического и гражданского. Внедряемые на протяжении 300 лет, эти ценности постоянно вступают в противоречие с устоявшимся собственным социокультурным багажом, однако постепенно к нему приспособляются, подчас модифицируются, в конце концов, ассимилируются. Подобное наличие в цивилизационной основе полярных ценностей позволяет ряду исследователей говорить о России как о расколотой стране, что с методологической точки зрения заслуживает, на наш взгляд, внимания, ибо позволяет решить ряд достаточно важных проблем.

³⁰ *Besancon A. La "civilisation occidentale" est-elle solide? // Commentaire. Ete 1994. № 66. P. 256.*

Цивилизационная устойчивость в ее отмеченных проявлениях связана с еще одной проблемой, на которой следует, вероятно, остановиться, говоря о России как о цивилизационном типе. Речь идет о соотношении центра – периферия. Здесь, пожалуй, важным является то, что наиболее характерные черты цивилизации находятся именно на периферии и границах культурной зоны³¹. Можно привести мнение по этому вопросу В. Ключевского, емко выраженное в его афоризме: «В России центр на периферии»³². Подобная концентрация цивилизационной специфики на периферии является следствием большей восприимчивости центра к различным (чаще всего западным) заимствованиям и инновациям, обуславливающих его изменчивость (вероятно для изучения подобных тенденций полезно оперировать понятием расколотости). Вместе с тем нельзя не отметить роль центра как активного субъекта управленческой и административной деятельности в поддержании цивилизационной устойчивости, в частности, для утверждения (посредством централизованного государства) социального единства на огромных географических просторах, для объединения в интегральную целостность различных социокультурных образований, вовлекаемых в орбиту российской цивилизации, для сохранения ее специфики в процессе ответа на «вызовы» окружающей среды, в конечном счете, для обеспечения стабильности и выживаемости социума.

Ярко выраженные тенденции к централизованности российского общества, а также основные специфические черты социальной онтологии российской цивилизации (общинность, этатизм, традиционализм, консерватизм) явились следствием влияния двух важнейших факторов, имеющих глубинный характер: природно-климатического и геополитического. Остановившись на первом из отмеченных факторов,

³¹ Braudel F. *Ecrits sur l'Histoire*. P., 1969. P. 290-291.

³² Ключевский В.О. *Материалы разных лет* // Соч. в 9-ти т. Т.9. М., 1990. С. 385.

следует подчеркнуть неблагоприятные климатические условия для земледелия, породившие его экстенсивный путь развития: прежде всего необычайно короткий сезон, пригодный для полевых работ – 4-5 мес., тогда как в странах Западной Европы его длительность составляла 8-10 мес., в сочетании с малопродуктивными почвами даже при вложении громадного труда, не обеспечивавших необходимого количества урожая, а также основные формы обработки земли – подсек, перелог и трехполье, обусловившие необходимость постоянного территориального расширения посредством привлечения все новых и новых производственных площадей. Таким образом, постоянная нехватка ресурсов, недостаточность совокупного прибавочного продукта, необходимого для воспроизводства, а тем более для расширенного воспроизводства общества, в сочетании с максимальным напряжением всех сил определило не только выраженное замедление темпов общественного развития (в подавляющем большинстве сфер), но и закрепило в качестве компенсационного механизма общинный способ бытия и выраженную традиционность. Любопытно, что подобная традиционность, проявляясь в методах ведения сельского хозяйства, еще больше снижала вероятность получения большого урожая: например, «сенокос в Вологодском крае непременно связывался с днем Петра и Павла (29 июня по стар. стилю) и, ... несмотря на незрелость травы, ее все равно косили «следуя единственно застарелым обычаям»... То же в Тульской губернии: «Косится почти в одно время, несмотря, поспела трава или еще нет»³³.

Что касается геополитического фактора, то следует отметить географическое положение России, что предопределило, во-первых, совмещение принципов бытия Запада и Востока, а, во-вторых, необходимость постоянного отражения агрессии с обеих сторон – набегов кочевников и экспансии Европы (в этой связи уместно привести пример

³³ *Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 32.*

XIII века, когда Россия одновременно сражалась с татарами, Литвой и Ливонским орденом). Подобная неблагоприятная ситуация, заданная внешними параметрами, требовала одновременно с хозяйственной деятельностью постоянной мобилизации и траты всех ресурсов общества, что также не способствовало быстрому продвижению российской цивилизации по пути общественного прогресса. Одновременно России приходилось и приходится форсировать темпы своего развития, чтобы обеспечить свое выживание и не быть поглощенной более удачливыми западно-европейскими конкурентами. Отмеченные моменты, наряду с некоторыми другими, наложили естественный отпечаток на цивилизационную специфику России – замедление темпов исторического развития (по отношению к Западу) и, как следствие, необходимость догоняющей стратегии, состояние постоянной мобилизации и концентрации основных ресурсов общества, а также ярко выраженная тенденция ко внутреннему объединению во всех его проявлениях, позволяющая сохранить качественные особенности и самобытность российской цивилизации.

Таковы глубинные детерминанты российской цивилизации, но, не менее важным является фиксация и осмысление их современных проявлений в системе хозяйствования, политических и властных отношениях, духовной сфере, требующих основательного теоретического и практического анализа.

2.3. Устойчивость российской цивилизации

Важной характеристикой любой цивилизации является возможность и необходимость выбора между ее исторически сложившейся формой и способностью обеспечивать свою выживаемость в усложняющемся мире. Обращение к проблемам российской цивилизации вызвано возникновением потребности в определенных обобщенных

представлениях о процессах, в частности, о процессе реформирования, свойственных российскому обществу на протяжении его истории, желанием осмыслить место и роль России в мировом сообществе. Большинство исследователей едино во мнении, что Россия удовлетворяет цивилизационному критерию, т.е. это совокупность однотипных обществ (или одно общество), демонстрирующих на протяжении своей истории устойчивые экономические, социокультурные, политические характеристики.

Устойчивость российской цивилизации поддерживается приверженностью большинства населения к сохранению своих традиционных ценностных представлений, своей концепции бытия, которая, формируясь на протяжении веков, характеризовалась приоритетом идей коллективного спасения, общественных интересов над личными, расположением к духовным ценностям, и важной централизующей ролью государства. Все это способствует общественной сплоченности, нейтрализации дезинтеграционных факторов. Уникальность российской цивилизации состоит в том, что ее существование, с одной стороны, немислимо представить без русского основания (в том числе объединительной роли русского языка), но в то же время нет России и без добровольного союза других исконных этноконфессиональных общностей, традиционно живущих на ее территории. В российской цивилизации русский народ сыграл интегрирующую, собирательную роль, что позволяет говорить о присущих ему таких чертах, как терпимость, толерантность, склонность к взаимообогащению культур, оказанию поддержки и помощи.

Кажется недостаточным определение российской цивилизации и по православному признаку. Безусловно, по силе и степени влияния на историю, культуру России с православием не может конкурировать ни одна иная религия, однако нельзя не признать наличие других

этноконфессиональных общностей, традиционно живущих на определенных территориях, что свидетельствует о взаимовлиянии и взаимообогащении, совместном создании, поддержании и защите общих ценностей и государственных структур в одном общем географическом, политическом, экономическом и духовном пространстве, что формирует у полиэтнического и многоконфессионального населения чувство сопричастности судьбам России, общие, глубинные для психологии и сознания российских этноконфессиональных общностей представления. Данное обстоятельство позволяет утверждать концепцию единого русского народа, слагаемого из всех его равноправных этноконфессиональных объединений, и говорить о существовании русской цивилизации.

Специфические признаки русской цивилизации («раскол» и отсутствие «нормативной срединности») представляют проблему цивилизационной принадлежности России, обуславливают соответственно тип и характер развития цивилизации, объясняют ее амбивалентность, столкновение и взаимодействие восточного и западного начал, западной и восточной суперцивилизаций (т.е. Запад и Восток, символизируя разные пути движения человечества по истории, разные миры, порядки, универсумы, разные системы поддержания, вершения жизни, употребляются не как географические понятия, а как социософские, цивилизационные). Западное начало означает объективную потребность развития, модернизацию, оно представлено спектром понятий частнособственнической, правовой, гражданско-демократической культуры деятельностного обмена, а восточное демонстрирует иное явление, ибо Восток формировался на иной генеративной основе, где акцент делался на таких комплексах, как деспотизм, централизм, администрирование, этатизм, общинность.

Концепция эта не нова, ее придерживался В.О. Ключевский, рассматривавший исторический путь России как столкновение «почвы» и «цивилизации». Сегодня эти взгляды исповедуют большинство обществоведов, придерживающихся цивилизационного подхода. В частности, в подтверждение нашего мнения мы хотим привести соображения В. Согрина, который пишет, что ««расколотость» российской цивилизации со свойственными ей противоречивыми и противоборствующими началами прослеживается со времен Киевской Руси. А поскольку западное начало искони присутствовало в обществе, применение теории модернизации к российской истории оказывается правомерным: ведь модернизация пестовала это самое начало, удовлетворяя объективную потребность развития. Признание же восточного начала в российской цивилизации позволяет выявить факторы, препятствовавшие и продолжающие препятствовать модернизации.

В эпоху Киевской Руси западное и восточное начала в известной мере уравнивали друг друга. Восточное, безусловно, возобладало и стало доминировать в эпоху монголо-татарского господства. Его последствия российская общественно-политическая и историческая мысль оценивала по-разному. Многие полагали, что, подрубив западные корни и связи России, монгольское иго отбросило ее назад, другие же никаких изменений в магистральной линии российской истории не усматривали. Наконец, третьи (среди них евразийцы) утверждали, что его воздействие было плодотворным, ибо Московская Русь позаимствовала у монголо-татар централизованные государственные начала (*позволим себе сделать небольшое дополнение, отметив, что государственные механизмы были выбраны еще с принятием Россией византийского наследия.* – Прим. авт.), послужившие основой возвышения и превращения России в мощную европейскую и мировую державу... Со времен Московского царства центральное место в российской истории заняло самодержавие,

государственная власть стала безусловно верховенствовать в общественно-политическом развитии страны, поставив как индивидов, так и классы в подчиненно-подданническое отношение к себе...

Следует обратить внимание на то, что лежит в основании российской цивилизации, каков ее характер, а именно уяснить тот факт, что на оформление российской цивилизации оказал влияние блок вполне объективных причин, которые предопределили и обусловили тот факт, что в качестве составляющей ядра российской цивилизации было выбрано византийское начало. С одной стороны, российской цивилизацией были усвоены, патернализм, православие, этатизм, авторитаризм, бюрократизм как тип организации власти, греко-римское античное наследие, но, с другой стороны, это привело к деформации аутентичного пути развития.

Среди объективных причин выделяется, во-первых, геоклиматический фактор, т.е. речь идет о том, что Россия представляла собой страну, ведущую хозяйственную деятельность в неблагоприятных климатических условиях на территориях в значительной степени малопродуктивных. Данное обстоятельство объяснимо «бродячим» характером российского общества, нацеленностью на колонизацию, которая в свою очередь открывала путь консервации господства экстенсивных форм деятельности, преобладанию эмоционально-инверсионного подхода к решению проблем, что противостояло поиску меры, срединной культуры. Во-вторых, отмечается географический фактор, а именно тот факт, что Россия – континентальная держава в массе своей с неосвоенной территорией, суровым климатом, с ограниченным доступом к океаническим зонам. Отдаленность от морей, гигантские расстояния минимизировали возможность торговли, которая не только не превратилась в основу хозяйственной деятельности, образа жизни, но, наоборот, ее развитие вызвало ненависть к ней производителей, так как, начиная с дани князьям и до советской власти, торговля была связана с

давлением на производителя. Историческая слабость торговли как позитивной ценности означала слабую возможность превращения «архаического человека... в субъекта интенсивной культуры»³⁴. В-третьих, рассматривается геополитический фактор, который указывает на определенное расположение России – между Востоком и Западом (колонизация идет на Восток, варвары идут на Запад), что определило характер ее военно-политических действий, «милитаризацию жизневоспроизводящих циклов»³⁵. Начиная с набегов кочевников до наполеоновского и гитлеровского нашествий, современной экономической экспансии, значительные пространства и природные богатства России служили объектом вековых притязаний. Подобная ситуация постоянной необходимости отражения различных форм внешней агрессии, также как и отмеченные неблагоприятные природно-климатические факторы, требуют мобилизационного режима развития, траты колоссальных ресурсов, что исторически задерживало и ныне задерживает модернизацию, придавая ей догоняющий характер. В-четвертых, указанные факторы оформили этатистскую версию «державоорганизации». Жесткая централизация (для обеспечения нужд страны) имплицировала стратегию выживания: авторитаризм, абсолютизм сверху и общинность, коллективизм снизу. Подобное сочетание обостряло внутреннюю конфликтность, раскольность социального целого. В дальнейшем ощущение отставания от Запада в уровне и эффективности хозяйствования выражалось в стремлении быстро его преодолеть посредством реформ «либерально-модернистскими» ценностями, используя гипертрофированные административные методы управления, которые под влиянием массового традиционализма принимали гибридные формы и при решении задач развития, повышения

³⁴ *Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энци. словарь / Ред. кол.: М.П. Мчедлов и др. М.: Республика, 2001. С. 485.*

³⁵ *Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 133.*

эффективности деятельности, проведения реформ, борьбы с дезорганизацией были крайне слабыми.

К основным чертам российской цивилизации следует отнести нестабильность, поликонфессиональность, полиэтничность, расколотость, патернализм, коллективизм, автократизм, усеченность правовой ответственности, централизм. Именно эти собственные цивилизационные основания предопределили вектор всех последующих разноуровневых и разнопорядковых трансформационных изменений российского социума, модель модернизации, характер взаимоотношений государства (власти) и общества, специфику проводимых реформ.

2.4. Менталитет как цивилизационная доминанта

Тональность современных российских трансформаций определяется модернизацией догоняющего типа, которая вступала в противоречие с элементами традиционной культуры, создавая и усугубляя социокультурный раскол. Важным моментом в этой связи является то, что цивилизационная устойчивость (и на сущностном уровне, и на уровне явлений), ее онтология поддерживаются социальными механизмами, в том числе и на субъективном уровне. Речь идет об особенностях ментальных структур, являющихся закреплением на психологическом уровне оптимальных приспособительных механизмов. *Менталитет можно охарактеризовать как глубинный пласт общественного сознания, совокупность механизмов психологических реакций и базовых представлений, характерных для разных социальных общностей.* В понятие «менталитет» включаются неосознанно и автоматически воспринятые установки, общие в целом для эпохи и социальной группы, коллективные представления, имплицитно содержащиеся в сознании ценности, мотивы, модели поведения и стереотипы реакций, лежащие в

основе рационально построенных и отрефлектированных форм общественного сознания. Менталитет одновременно характеризуется отсутствием систематизации и невосприимчивостью к деятельности индивидуального сознания. Менталитет является некой системой неосознанных представлений, имеющей социальный характер. В силу подобных объективных особенностей менталитет выступает базовой характеристикой различных социокультурных общностей, вплоть до цивилизационных. Таким образом, базовыми характеристиками менталитета выступают его коллективность, неосознанность или неполная осознанность и устойчивость. *Устойчивость менталитета порождена тем, что, являясь реальностью большой длительности, она остается неизменной по отношению к различным социальным образованиям и структурам общественного сознания. В силу этой черты менталитет определяет единство алгоритмов поведения на протяжении многих поколений.* Отмеченные характеристики менталитета показывают его онтологичность по отношению к отрефлектированным формам общественного сознания, более подверженным изменениям. К особенностям российского менталитета можно отнести такие архетипические константы как интегративность и преобладание моральной составляющей, экстенсивный характер и «мобилизационно-кризисный» режим выживания, коллективно-общинный тип жизнедеятельности и этатизм, которые обусловлены соответственно расово-этническими качествами общности, естественно-географическими условиями ее существования, результатами взаимодействия данной общности и социокультурных условий ее проживания. *Следовательно, менталитет есть выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны, единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании.* Это – психологическая

детерминанта поведения людей, остающихся верными сложившемуся исторически «коду» в любых обстоятельствах.

Очевидно, что выживаемость общества зависит от способности людей совершенствовать свою реакцию на усложнение мира и проблем, подлежащих разрешению. И реформы в России, по сути дела, зачастую в неявном виде пытались нащупать в обществе какую-то новую опору, спровоцировать сдвиги в ментальности, найти качественно новые нравственные и культурные основания для решений и действий, однако процесс этот осуществлялся «сугубо нажимными» методами, что свидетельствует о «несимфонийности», пронизывающей российское общество, но одновременно представляется аутентичным, поскольку только такие ментальные черты, как поиск общественного идеала, идеологической основы, и общинность как способ жизнедеятельности, могли породить только такие попытки перевода общества в иной режим функционирования. Следовательно, цивилизационные координаты для исследования российского общества являются эпистемиологически значимыми, поскольку позволяют не только оптимизировать гуманитарную рефлексию, но и более адекватно изучать специфику российского социально-политического процесса.

ГЛАВА 3.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ

3.1. Общероссийская идентичность

Общероссийская идентичность, фиксирующая социо-культурную самобытность российской цивилизации, является предельно широким уровнем культурного самоотождествления индивидов, представляется одним из наиболее важных критериев определения самобытной российской цивилизации.

В современном обществознании ясно прослеживается традиция употребления понятия «идентичность» в качестве категории собственно социального знания, прежде всего при исследовании социокультурных общностей различного порядка. На наш взгляд, можно провести аналогию между термином «идентичность» и такими понятиями как «самоопределение», «самоотождествление», «самобытность». Одновременно хотелось бы подчеркнуть наличие широкого спектра интерпретации содержания данного понятия при достаточно устойчивом смысле.

Идентичность – есть конечный результат процесса идентификации – самоотождествления, самоопределения индивидов.

Как правило, идентификации связаны с главными общественными институтами, и, как следствие, разрушение последних влечет за собой потерю смысла жизни, дезориентацию и деидентификацию. С подобной точки зрения основными критериями идентичности выступают:

1) обособление одной однородной общности от другой, проведение определенной границы между ними, 2) чувство сопричастности, соотнесения с той или иной общностью, которая базируется на историческом прошлом, опирается на настоящее, стремится к будущему. В основании этого чувства или состояния идентичности лежит

сформировавшееся сходство в мировоззрении, ценностях, традициях, образе жизни. Это чувство формируется в сравнении «своего» и «чужого», и, естественно, это «чужое» оказывает влияние на свое собственное восприятие. В следствие таких сравнений чувство идентичности может либо укрепляться, либо разрушаться в том случае, если какие-либо черты «своего» перестают отвечать устоявшимся представлениям, базирующимся на прошлом опыте. В данном случае может произойти переосмысление «своей» идентичности, ее видоизменение или поиск и замена на новую, «более сильную». Одновременно следует подчеркнуть, что в основе идентификации индивида или общности всегда лежат достаточно реальные объективные характеристики.

Идентичность в настоящее время употребляется с определенным предикатом, в зависимости от которого эксплицируется содержание самого понятия. Еще раз отметим, что данное понятие фиксирует некую самобытность социокультурных общностей различного масштаба. Рассматривая проблему общероссийской идентичности, можно выделить несколько ее уровней и аспектов рассмотрения.

Прежде всего следует остановиться на цивилизационном уровне, обеспечивающем общий знаменатель для всего многообразия культур России. Актуализация проблематики цивилизационной общероссийской идентичности связана как с внешними, так и с внутренними проблемами. В общецивилизационной перспективе четко прослеживается противоречивая тенденция: с одной стороны, стремление мира к унификации, обусловленное объективными современными реалиями, с другой – стремление цивилизаций сохранить свою культурную самобытность, то самое большое МЫ, где человек чувствует себя в культурном отношении дома и одновременно отделяет то, что отделяет его от «них», «чужих» – тех, что вовне (С. Хантингтон). Это приводит к

кризису традиционных представлений о будущем человеческой цивилизации, к пониманию его как «мира миров», что с необходимостью предполагает выработку иных технологий политического разрешения меж- и внутрицивилизационных конфликтов – от обособленности и экспансии к диалогу. Как следствие – деструктивные ответы на навязывание унификационных тенденций, только возрождающих старую как мир оппозицию «свой» – «чужой» на уровне цивилизаций.

Определение общероссийской цивилизационной идентичности связаны и с внутренними причинами, прежде всего с необходимостью определения ее специфики по отношению к европейской идентичности. Если исходить из понимания России как расколотой страны, то и на уровне политической элиты, и на уровне народа не существует единства: одни тяготеют к Западному миру, стремясь превратить ее в европейскую державу, другие активно выступают против ее вестернизации и отказа от традиционных ценностей. То же можно отнести и к существующему разрыву между культурами высших и низших слоев общества, интеллигенции и народа. Эта проблема наиболее остро встала в современных условиях, когда кризис российской идентичности выступает едва ли не в самой болезненной форме. После крушения Советского Союза – фундаментальной основы самоидентификации народа, в центр дискуссий об определении общероссийской идентичности встал вопрос о выборе варианта развития России: путь неприятия и противопоставления Западу или опора и слепое копирование западного опыта. Этот же вопрос может прозвучать и как возможность совместимости сугубо западно-либерального и самобытно-национального вариантов развития России. Решения, находящиеся на полюсах вариативной шкалы, не являются конструктивными, поскольку угрожают России либо тупиком поспешной и подражательной модернизации, либо потерей ее традиционной идентичности.

Европейская цивилизационная идентичность связана с культурно-цивилизационным наследием Античности, гражданско-правовыми устоями Римской империи, политическими традициями Великой Французской революции, универсалистским экспансионизмом современной Европы, а также осознанием данного единства, стремлением укрепить и сохранить его перед лицом внутренних и внешних вызовов. Несомненно, ни в прошлом Россия не была, да и вряд ли в будущем станет чисто европейской державой. Уместнее говорить о цивилизационной самобытности России, являющейся «переходной страной, посредницей между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа наложила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее к Азии или к ней влекли Азию» (В.Ключевский).

Другой аспект в рассмотрении цивилизационной идентичности России предполагает признание существования того общего, что являлось и является цементирующим основанием для совместного бытия, того, что называется цивилизацией. Признание этого факта определяет наличие инвариантных глубинных составляющих по сравнению с историческими типами государства, этническими образованиями и проч., переживающих последние. Несмотря на такие особенности российского социума, как **поликонфессиональность, полиэтничность, антиномичность, расколотость, государственная дискретность**, которые в принципе должны были бы сыграть пагубную роль, Россия остается устойчивым образованием, названным В. Соловьевым «великим собирательным существом», в котором система отмеченных особенностей становится критерием ее самобытности. Это подводит к выводу о наличии единого цивилизационного знаменателя, являющегося необходимым фундаментом для общего существования столь разных социокультурных образований, позволяющего рассматривать российскую цивилизацию в качестве предельно широкой степени идентификации.

Говоря об общероссийской идентичности, нельзя не остановиться на проблеме территориальной идентичности, в цивилизационных координатах понимаемой, во-первых, как культурно-географический ареал распространения, «жилище»; во-вторых, как явление «радиации культуры» (А.Тойнби), предполагающей эманацию цивилизационной основы, восприятие и включение в нее социокультурных образований, исторически ей не принадлежавших. Территориальная идентичность устанавливается, как результат двух процессов: объединения и различения в общественной жизни, что выражается в образовании топонима (Я – европеец, Я – россиянин). Территориальная идентичность напрямую связана со специфическим смысловым пониманием идентифицируемой территории, которое происходит в результате восприятия и осознания индивидами социокультурных черт, характеризующих данную территориальную общность как свою. Главный аспект этого процесса – масштабные границы той территориальной общности, с которой индивид себя соотносит. Это может быть ограниченное пространство (малая родина), либо более обширное – СНГ, Россия, Евразия. Актуализировавшаяся в последнее время проблема сепаратизма и возможности пересмотра границ (Курильские острова, пограничные территории с Китаем и Прибалтийскими республиками и др.) является столь болезненной и в силу устойчивости территориально-цивилизационной идентичности, когда все пространства воспринимаются как свои, родные.

Проблема общероссийской национальной, понимаемой как общей для всех ее граждан идентичности является наиболее многозначной и многоаспектной из всех, связанных с определением российской специфики. Это связано, во-первых, с отсутствием единства в подходах к определению этноса и нации; с тесным переплетением этнокультурных и национальных идентичностей; с чисто лингвистическими трудностями, поскольку существительным «нация» и «национальность» (этнос)

соответствует одно и то же прилагательное – национальный. Во-вторых, объективными критериями национальной идентичности выступают язык, культура, образ жизни, особенности поведения, общность традиций и обычаев, наличие этнонима, государство. Исходя из отсутствия однородного культурно-ценностного поля в российском обществе и в горизонтальном (наличие разновозрастных этносов), и в вертикальном (разрыв между культурами различных социальных групп) срезах, а также из-за ярко выраженной государственно-державной идентификации, исследования общероссийской национальной идентичности концентрируются в двух сферах – культурной и государственной.

Кроме отмеченных теоретических трудностей, сложность определения общероссийской национально-культурной идентичности объясняется и рядом ее специфических особенностей. Прежде всего следует отметить свойственное России этническое многообразие, предопределяющее отсутствие этнокультурного единства, поскольку 20% нерусского населения занимает половину ее территории, идентифицируя себя с ней, что обуславливает невозможность характеристики России как национального государства. Во-вторых, это разновозрастность этнокультурных образований, включенных в цивилизационное поле России, определяющее его выраженную традиционность. В-третьих, в наличии государства и цивилизациообразующего этноса – русского народа, являющегося доминантной развития российской цивилизации. В-четвертых, в уникальном сочетании многоэтнического состава и единого государства, выступающего одним из наиболее устойчивых и значимых идентификационных оснований. В-пятых, в поликонфессиональности российского общества, где православие отнюдь не является единой религией для всех народов, в противоположность тому, что и А. Тойнби, и С. Хантингтон определяли российскую цивилизацию как православную.

Отсюда проистекают различия существующих вариантов трактовки сущности общероссийской идентичности: а) интересы нельзя идентифицировать с интересами ни одной из образующих ее этнокультурных общностей, так как они наднациональны, следовательно, речь может идти только о геополитических координатах;

б) тождественность интересов России интересам доминирующего государствообразующего этноса, т.е. русского; в) национальная идентичность России трактуется не по этно-культурному, а по государственно-правовому принципу. Но в любом случае, даже при отсутствии, с одной стороны, ярко выраженной гражданской доминанты, что не позволяет провести идентификацию России в соответствии с либеральным вариантом, и с наличием причудливого симбиоза государственного и этнического, а подчас и архаизации традиционных этнических отношений – с другой, основой национального самосознания России является государственность, скрепляющая все многообразие этнических и религиозных общностей. Вероятно, целесообразнее подходить к проблеме национальной идентичности с исторической точки зрения, рассматривая ее как результат взаимодействия совокупности доминант развития данной общности, задающих ее цели развития на всех уровнях. *Следовательно, можно говорить о динамичном характере национальной российской идентификации, представлении о МЫ, основанном на более глубоком цивилизационном фундаменте.*

Разрушение всех прошлых принципов общероссийской национальной идентичности: династической («сонм народов, скрепленных династией»), имперской, идейно-политической, ввергло российский социум в состояние кризиса идентичности: с чем соотносить, отождествлять Россию? В данном контексте как никогда необходимы поиски новой идеологии и определение национальных интересов.

Общероссийская идентичность может быть рассмотрена и сквозь призму личностных идентификаций. Речь идет прежде всего о самоотождествлении с определенной системой ценностей, являющейся интегративной основой и для любого индивида, и для любой большой или малой социальной группы. При ее расколе, или разрушении происходит потеря личностной идентификации, что ведет к деструктивным последствиям как на уровне личности, так и на уровне коллектива. Потерю личной идентичности можно рассматривать как проявление психического нездоровья социума на всех уровнях социальной психики: утрачиваются идеалы, смысл, цель существования, т.е. теряется образ желаемого будущего, происходит негативация прошлого и, как следствие, разрушение исторической памяти, что вызывает изменения в образе «МЫ» социума. Эти процессы характерны для сегодняшней России.

Со структурной точки зрения утрата личностной идентификации проявляется как несоответствие поведения нормативным требованиям социальной среды: например, традиционные ценности чистой совести и честности, коллективизма, жертвенности перестают соответствовать новой реальности, порождаемой проводимыми реформами. Идентификация формируется в процессе социализации и может быть утрачена по двум причинам: в результате кардинальных психических изменений и в результате значительных и быстрых изменений в окружающей среде. Как правило, идентификации институционализированы, т.е. взаимосвязаны с основными институтами, такими как семья, государство, экономика, церковь и проч. Поэтому резкое содержательное изменение или даже разрушение институтов, в которых были социализированы индивиды, вызывает массовую утрату идентификации.

Систематическое разрушение институтов советского общества сыграло решающую роль в процессах деидентификации, в разрушении образа «своего». Но утрата идентичности должна предполагать некую

реабилитационную работу – восстановление целостного и упорядоченного мира, пусть даже если он станет другим, ибо «...наличие целостной и устойчивой системы ценностей важнейшее условие как внутреннего социального мира, так и мира международного. Когда их единство, усвоение и гармония ослабевают... увеличиваются шансы международной и гражданской войны» (П. Сорокин). Разрушение традиционных ценностных институтов в России в процессе осуществления либерально-модернизационных преобразований не сопровождалось появлением сколь-нибудь равноценных новых, в результате прямым его порождением стал раскол социального сознания. В результате выявляются три группы ценностного сознания, каждая из которых в определенном смысле подвержена риску кризиса, поскольку наиболее сильно выражена отрицательная составляющая идентификационного процесса: носители индивидуалистической системы ценностей (20–22%), носители традиционной системы ценностей (45–47%), группа с противоречивым типом ценностного сознания (30–35%).

Другой гранью личностной идентификации является наличие культурных образцов, являющихся средством социокультурной интеграции и представляющие собой успешные биографии – традиционная ориентация на успех в рамках сложившихся институтов, сопровождающихся общественным признанием. Разрушение подобных биографий ведет к прогрессирующей деидентификации и дезинтеграции общества. Наименее страдают в такой ситуации либо индивиды с низким уровнем притязаний, либо авантюристы, чья жизнь складывается из плотных отрезков, лишенных необходимой внутренней связи, и которые не обладают долговременной устойчивой мотивацией.

Сложившийся кризис идентичности – это прежде всего конфликт с новыми реалиями, повлекший за собой бурный процесс отказа от прежних социальных ролей, национальных

самоопределении, идеологических масок. Люди «меняют кожу», ослабевает их чувство сопричастности с основаниями общероссийской идентичности, что актуализирует проблему воссоздания целостности общероссийского МЫ с учетом его цивилизационных особенностей.

3.2. Культурная самобытность народов России

Культурная самобытность народов России представляет собой многообразие этнокультурных идентичностей, являющихся основанием российской цивилизации.

Определение многогранной и многоаспектной проблемы культурной самобытности целесообразно провести сквозь призму соотношения общего и особенного. В данном контексте первая группа проблем описывает специфическую сущность самосознания этнокультурной общности. Основным в феномене этничности является понятие идентичности, близкое по смыслу понятию этнического самосознания в русскоязычной литературе, чьим основным критерием является наличие этнонима, выступающего смысловым концентратом одновременно и этноконсолидирующих, и этнодифференцирующих признаков: общие язык, культура, история, менталитет, образ жизни, особенности поведения, традиции и обычаи и др. Рассматривая этнокультурную идентичность в синонимическом контексте с понятием этнического самосознания следует отметить невозможность ее существования без соотнесения, сравнения себя с другими: этнокультурные идентичности, образы “своего” существуют вследствие существования «других», «чужих». Восприятие народами друг друга осуществляется посредством сложившихся этнокультурных стереотипов – обобщенных представлений о типичных чертах, характеризующих тот или иной народ. «Широкая русская душа», «кавказский темперамент», «восточная неторопливость» – эти выражения являются воплощением известных культурных стереотипов.

Целесообразным представляется различение между автостереотипами – представлениями индивидов о своем народе и гетеростереотипами, относящимися к другим народам. Оба эти вида этнокультурных стереотипов укореняются в массовом сознании в качестве общепринятых традиционных взглядов. Как правило, гетеростереотипы более критичны, чем автостереотипы, вследствие чего восприятие иного народа сквозь призму этнокультурной специфики служит источником национальных предубеждений и предрассудков.

Этнос характеризуется существованием жестких культурных и социальных механизмов интеграции, которые обуславливают стремление личности видеть основную ценность в своем растворении в сообществе, поэтому древнейшее деление на «своих», воплощающих добро, и «чужих», отождествляющихся со злом, остается основанием этнокультурных идентичностей и выплескивается при конфликтных ситуациях. В современных кризисных условиях архаизация межэтнических отношений является прямым следствием потери в известной мере общероссийской идентичности на всех уровнях и порождает череду регрессивных явлений: этнический сепаратизм, возврат к традиционным формам регуляции общества (например, введение Степного Уложения в Калмыкии, возрождение Советов старейшин и проч.).

Вторая группа проблем определения культурной самобытности народов России связана с собственной цивилизационной спецификой российской цивилизации и прежде всего с ее полиэтничностью. С одной стороны – это разновозрастность, физическая и социально-историческая, различных этносов, населяющих Россию. В отличие от судьбы полиэтничного конгломерата американских переселенцев – «национального плавильного котла», в России, где сохранились все автохтонные общности, существует содружество народов с глубокими этническими и историческими корнями, привязанностью к определенной

территории, имеющих в ряде случаев даже традиции самостоятельного государственного развития).

С другой стороны – это наличие в России доминирующего цивилизациообразующего этноса, основного исторического носителя государственности – русского, что позволило Н. Данилевскому определить российскую цивилизацию как славяно-русский тип, характеризующийся такой своеобразной чертой, как терпимость и прирожденная гуманность: «... не интерес составляет... главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное развитие, медленно подготовляющееся в его духовном организме, но всецело охватывающее его, когда настанет время для его практического обнаружения и осуществления».

В России существует доминирующая культура, которая однако не является единственной, исключаящей все остальные. Это предполагает эманацию цивилизационной основы (явления «радиации культуры»), восприятие и включение в нее социокультурных оснований, исторически ей не принадлежавших, обладающих собственной культурной самобытностью: «история России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» (В. Ключевский).

Особенностью России является, во-первых, огромная территория, где 20% нерусского населения занимают ее половину, проживая на исконно исторических площадях. Во-вторых, распространение цивилизационной специфики, в отличие от экспансионистско-насильственных европейского и американского императивов поведения, преимущественно мирным путем. Подобный процесс не подавляет, а, наоборот создает основания для укрепления национального самосознания и культурной самобытности.

Третья группа проблем, связанных с соотношением общего и особенного в определении культурной самобытности народов России, затрагивает различные аспекты механизмов объединения столь разных по культурным и ментальным особенностям народов. Несомненно, важнейшую роль в подобных процессах играет государство, обеспечивающее социальное и политическое единство различных этнокультурных образований. Отличительной чертой российской государственности является его многонациональность, предполагающая не соперничество народов и их столкновений и конфликтов по поводу создания собственных моноэтнических государств, а сотрудничество этносов в рамках общего государства, обеспечивающего им не только равноправное сосуществование, но и равномерное и хрономерное цивилизационное развитие.

В рамках такого понимания интересен вопрос о различии и единстве исторической судьбы как одного из основополагающих критериев культурной самобытности. С подобной точки зрения русскими являются те, кто принял в 988 году православное христианство, перенесли и освободились от татаро-монгольского ига, воссоединились вокруг Москвы, пережили царствования Ивана Грозного и Петра Первого, одержали победу над Наполеоном и т.д. Своей особенной исторической судьбой обладают и все остальные российские этносы. В этой связи встает вопрос об единой объединяющей судьбе, обеспечивающейся прежде всего наличием единого государства, для всех этносов выступающего критерием сильной и устойчивой идентификации. Идея наднационального государства, являющегося условием сохранения и развития включенных в него культурных самобытностей, оставалась неизменной при всех политических режимах.

То же можно сказать и о «русской идее», которая при своем возникновении не заключала этноцентристского или националистического

содержания. По мнению В. Соловьева, Россия представляет собой единую и великую державу, созданную не ради материального существования народов, а ради их достойного существования в соответствии с высшей моральной целью, лежащей за пределами национального бытия отдельных этносов

В связи с особой ролью государства в обеспечении культурной самобытности народов России всякое следование европейской национальной традиции, когда каждый этнос создает собственное государство, обеспеченное общим цивилизационным пространством, способно обернуться трагедией как для России, так и для включенных в нее этнокультурных образований. Также неприемлем и либеральный проект, предполагающий отказ от признания многоэтнической специфики России и введение в качестве общего признака единое гражданство, поскольку подразумевает механическое перенесение на российскую почву стандартов некоторых западных стран. Это влечет за собой этнический нигилизм, недооценку самобытных особенностей народов, запечатленных в их сознании, языке, культуре, образе жизни.

Последняя группа проблем, связанная с изучением культурной самобытности российских народов, затрагивает способы и варианты фиксации признаков этнокультурной идентичности на личностном уровне. Индикаторами их культурной самобытности являются этноконсолидирующие и этнодифференцирующие признаки идентичности. В современном российском обществе основными признаками, сплачивающими этнокультурную общность, являются: государство, образ жизни, язык, которые ориентирует на этатическую идентичность, социальные характеристики менталитета и наиболее очевидный уровень этнокультурной идентичности (язык). Язык становится основным этноконсолидирующим признаком в иноязычной среде. Факторами

сплочения выступают общее историческое прошлое, а также народные традиции и обычаи.

Основными признаками этнической дифференциации выступают прежде всего различия в обычаях и традициях (по всей вероятности «чужая» традиция фиксируется четче, чем «своя»), а также в особенностях поведения. Характерно, что в качестве объекта неприязни со стороны русских в изменившихся реалиях к представителям народов Кавказа выступают такие чуждые русскому поведению особенности, как вспыльчивость, темперамент и проч. Интересно отметить, что религия, в качестве критерия идентичности играет в ряду этнодифференцирующих признаков минимальную роль.

Проблема культурной самобытности народов России состоит в уникальности ее многонациональной культуры, следующей особым путем к межнациональному согласию, когда этнические образы «своего» и «чужого» не вступают в неразрешимую конфронтацию.

ГЛАВА 4

ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ И ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ключевыми характеристиками российского социума как субъекта истории является полиэтничность и поликонфессиональность

Зарождение и развитие российской цивилизации – длительный процесс, берущий истоки в культурной деятельности восточных славян, в условиях первого восточнославянского государства – Киевской Руси (9 в.). Постепенно вокруг великорусского народа образовалась устойчивая полиэтничная (в настоящее время почти 150 национальностей) и многоконфессиональная (свыше 60 религиозных направлений) общность, опирающаяся на соединение культур Запада и Востока. Поскольку Россия оказалась между самобытными, но застойными обществами Востока и более развитым и Запада, то ее развитие, естественно, больше питалось европейской культурой, во взаимодействии с культурами Востока. Значительная роль в становлении и развитии российской цивилизации принадлежит объединительной функции русского, а затем российского государства, границы которого изменялись в разные периоды истории.

Базовая особенность российской цивилизации в том, что ее ядром, интегрирующим началом является русский народ – один из крупных, развитых и богатых культурой этносов мира. Благодаря подобным объективным факторам, а также таким интеграционным чертам, как самоограничение, подвижничество, терпимость, склонность к справедливости и совестливости, к взаимообогащению культур, оказанию помощи, служению человечеству и др., русский народ стал собирателем и объединителем других этносов России (ныне составляющих около 20%

населения), центром культурного притяжения не только для славянских, но и тюркских, финно-угорских и других народов³⁶.

К основному ядру – великорусскому этносу – в разные исторические периоды присоединялись добровольно или в результате войн, но в основном путем мирной колонизации, многие европейские и азиатский этносы, живущие на своих исконных землях. Эти окраинные территории благодаря политическим перипетиям со временем могли отпадать, вновь присоединяться, снова отпадать, разрывая установившиеся социокультурные связи. Порывая с прежним цивилизационным ядром, они могли дрейфовать в сторону иных цивилизаций, но большинство этносов, вовлеченных в единое культурное пространство, приобщенных к русской культуре, скрепленных языком межнационального общения – русским языком, стали участниками единого культурного процесса, создателями общих ценностей в едином географическом, политическом и духовном пространстве. Многие из них и сегодня находятся в лоне российской цивилизации, о чем свидетельствует их внутренняя самооценка, культурно-историческое самочувствие их представителей. Подвижность пространственных границ российской цивилизации связана также с тем, что она не всегда совпадает с государственной территорией России, с государственной принадлежностью того или иного народа на данный период. ***Цивилизационную принадлежность каждого народа определяют исторически сложившиеся социокультурные характеристики, которые более долговечны, чем конкретные политические реалии, в том числе существующие в определенное время государственные границы.***

³⁶ Содержательно раскрыты особенности русского национального характера и самосознания в книге Дмитрия Лихачева «Заметки о русском» (М., 1984), во многих исследованиях Вадима Кожина. Некоторые из них вышли отдельной книгой (В.В. Кожин. О русском национальном сознании. М., 2002). Особый интерес книге придает полемика автора со своими идейными оппонентами.

Евразийский характер веками складывающейся российской социокультурной общности (при гетерогенной религиозной и этнической основе) – важная особенность российской цивилизации, не сводимой к механической сумме ее европейских и азиатских составляющих, а выражаемой в новых качествах, чертах.

Показательны результаты современных исследований в ряде республик Российской Федерации, посвященных проблемам национальной и территориальной идентичности. Двойная и более идентичность – часто явление. Так, более 40% русских в Татарстане и Башкортостане чувствуют себя в равной мере и россиянами, и татарстанцами, башкортостанцами, а более 30% татар и башкир – и теми, и другими или даже больше россиянами³⁷. Сдвоенную идентичность имеет и значительная часть русских, живущих в других республиках РФ (якутяне, тувинцы). Аналогичная идентичность свойственна представителям многих диаспор, исторически существующих в России. Характерны данные, определяющие отношение евреев к России, русской культуре: 84% считают Россию своей страной, а 99% считают родным русский язык. Российская идентичность проявляется в парадоксальных словосочетаниях («русский татарин», «русский немец», «русский еврей» и т.д.), даже в понятиях, связанных с конкретным политическим устройством («советский народ»). Вместе с тем гетерогенность составляющих российской цивилизации, их нахождение на разных ступенях эволюции делает ее отчасти размытой (особенно на окраинах), порождает особую потребность в механизмах цивилизационной и политической интеграции. Дихотомия центр–регионы, противоборство унитарных и центробежных тенденций, ослабление территориальных связей – извечная проблема российского социума, резко обостряющаяся в кризисные периоды.

³⁷ Данные опросов по проекту «Социально-экономическая дифференциация этнических групп и проблемы интеграции в России» (1999 г., руководитель проекта Л.М. Дробизева. Выборочная совокупность в Татарстане – 1000 чел., в Башкортостане – 1317 чел.).

Географическое, природно-климатическое разнообразие, специфические исторические условия бытия способствовали формированию этносов с различным физическим обликом, с различными культурами, религиями, менталитетом. В отличие от колонизаторской политики западной цивилизации, приведшей к исчезновению ряда этносов на разных континентах и соответственно их культур и религий, в России сохранились народы, жившие здесь с древних времен. Колонизация окраинных территорий русскими, их поселение рядом с коренными народностями, привнесение более высокой воспроизводственной культуры при уважительном взаимодействии с ними привели к смешению разных этносов и их взаимной культурной адаптации, к формированию самобытного цивилизационного пространства с разнообразными, специфичными культурами многих народов, находящихся в тесном взаимодействии в рамках единой российской многонациональной культуры. Общее достояние российского суперэтноса, складываясь из разных культур больших и малочисленных этносов, воспринимается как предмет их общей гордости. Русская культура – фундамент великой российской суперэтнической культуры, снискавшей мировое признание, внесшей существенный вклад в общечеловеческое достояние.

Наряду с полиэтничностью, российской цивилизации свойственна и многоконфессиональность. Особая роль в формировании и развитии российской цивилизации принадлежит православной церкви. Она оказала значительное воздействие на образ жизни русского народа, его историю, литературу, изобразительное искусство, философию, нравственность, психологию, всю культуру. Благоприятные возможности для патриотической, духовно-культурной деятельности Русской православной церкви были созданы переплетением, начиная с крещения Руси, религиозных и государственных начал, значительной ролью церкви в собирании и защите российских земель, в просветительской деятельности

(особенно значимой тогда, когда еще были слабы светские очаги культуры), медленным распространением в России до XX в. – в отличие от Запада – процессов секуляризации. Немаловажно и то, что в России православными являются – помимо славянских народов – большинство верующих коми, карелов, марийцев, мордвы, осетин, чувашей, хакасов, якутов и ряда других. Это позволяет православию, последователи которого ныне составляют почти три четверти верующего населения, выступать одной из цивилизационных основ огромной конфессиональной полиэтнической общности, сближать культуру, быт, помогает ощущать солидарность друг с другом этих народов. Аналогичные функции выполняют и другие традиционные религии России, в первую очередь – ислам (мусульманами являются большинство верующих татар, башкир, северокавказских народов), буддизм (калмыки, буряты, тувинцы). Частью российской культуры стали и другие веками существующие здесь религии – иудаизм, лютеранство и др.

Общий культурный ареал России включает разные, но в равной мере автохтонные этноконфессиональные общности, которые проживают на своей исторической территории по преимуществу компактно, а частью в дисперсии по всей России. В этом специфика поликонфессиональности российской цивилизации, характеризуемой чересполосицей мест в той или иной степени компактного традиционного проживания больших этноконфессиональных общностей. Так, например, живут последователи ислама в Поволжье, на Северном Кавказе, буддисты – в Калмыкии, Бурятии, Туве. Под их воздействием формировались самосознание, обычаи, нравственные предписания ряда российских этносов. А от этноконфессиональных традиций никто не склонен отказываться; наоборот, все – особенно в наши дни – преисполнено решимости их развивать.

Поэтому в контексте концепции российской цивилизации важно не только выделять и обосновывать место и роль определенных традиционных религий в создании и поддержании специфических этноконфессиональных ценностей, но и освещать взаимовлияние и взаимообогащение этноконфессиональных общностей в одном общем Доме – едином географическом, политическом, экономическом и духовном пространстве³⁸. Взаимодействие этноконфессиональных общностей, совместное создание и защита ими общих ценностей и государственных структур – все это формирует у полиэтнического и многоконфессионального населения чувство сопричастности судьбам России, ряд общих, ставших глубинными для психологии и сознания российских этноконфессиональных общностей, представлений, предпочтений, ориентации. Подобные общероссийские предпочтения немыслимы без целенаправленной политики, ставящей своей целью упрочение в общественном сознании и государственно-правовой сфере концепции единого русского народа, слагаемого из всех его равноправных этноконфессиональных общностей. Имеющие место различные дискриминационные действия, игнорирование особенностей жизни в том или ином регионе, ущемление чувств, самосознания этносов – неизменно наносят ущерб устойчивости всего русского социума, межконфессиональному, межэтническому согласию. Подобные действия питают националистические, сепаратистские тенденции.

Для общественного настроения и поведения во все периоды истории российской цивилизации было характерно, как правило, терпимое отношение к людям других верований и убеждений, их лояльные или же доброжелательные взаимосвязи в разных сферах личной и общественной жизни. Показательно, что в России не было религиозных войн, что

³⁸ История взаимоотношений традиционных религий в России содержательно раскрыты, например, в книге А.Г. Шевченко «Ислам и христианство: исторический опыт и перспективы сотрудничества». М., 2004; Ю.А. Гаврилов (Алов), А.Г. Шевченко (Владимиров), Ф.Г. Овсиенко. Мировые религии. М., 1998.

подтверждает цивилизационную совместимость разных конфессий в общероссийской среде. Мирное сосуществование конфессий в последнее время не поколебали и кровопролитные события в конце XX – начале XXI вв. в Чечне. Имевшие в истории место случаи притеснения провоцировались представителями светской власти или высшей церковной иерархии. В отличие от последних, большинство верующих (в настоящее время 75% среди православных и 68% среди мусульман) не соглашаются с идеей исключительности той или иной религии, тем более с выступлениями против других религий.

Устойчивость российской цивилизации – вопреки всем историческим перипетиям – поддерживает приверженность большинства населения к сохранению своей концепции бытия, своих традиционных ценностных представлений. Это способствует известной общественной сплоченности, во многом нейтрализующей существующие противоречия. Показательно, что в настоящее политически переходное время попытки ряда политиков механически заимствовать нормы и формы социально-политической жизни, свойственные западной цивилизации, не находят поддержки среди большинства российского народа в первую очередь из-за их несоответствия его традиционным представлениям и ценностям, национально-культурной и религиозной идентичности. Однако это не значит, что последним противоречат базовые демократические свободы и права человека, социально ориентированная рыночная экономика, удачно реализованная как в ряде стран Запада, так и Востока. Модернизация немыслима без гражданских свобод; и она вовсе не предполагает отказа от особенностей своей цивилизации, а требует открытости мировым достижениям, свидетельствует об усилении сходства между разными цивилизациями, распространении общечеловеческих ценностей.

Не всегда до конца понимается особый смысл многоконфессионального и полиэтнического характера нашей страны.

Можно справедливо поставить вопрос: а разве в США или Франции не многоконфессиональное население? Но все дело в том, что у нас – в отличие от США или Франции – верующие, исповедующие традиционные религии, проживают преимущественно компактно на своих исторических землях, занимающих около половины территории государства. (Заметим, что – как показывает мировая практика – военные конфликты с религиозной окраской, как правило, возникают не там где имеется пестрый религиозный состав верующего населения, а там, где они компактно проживают на определенной территории: Пакистан – Индия, Босния – Сербия и т.д.).

Вопреки высказываниям ряда социологов, преимущественно зарубежных (С. Хантингтон и др.) о неизбежности в современном мире тотального противостояния, конфронтации разных типов культуры, связанных с христианством и исламом³⁹, евразийская Россия изначально – даже своими географическими особенностями, в частности чересполосицей местоживания больших общностей православных и мусульман – обречена на то, чтобы избежать любого противостояния по конфессиональному признаку.

В пользу этого тезиса говорит и то, что *здесь имеются вековые традиции толерантного сосуществования при сохранении самобытности этноконфессиональных культур.*

У мусульман России эта традиция во многом заимствована и от Золотой Орды, при которой русская православная церковь не платила подати, имела право осуществлять судебные функции над своими людьми, пользовалась свободой при избрании на духовные должности⁴⁰.

³⁹ Например, подобные типичные для Самюэля П. Хантингтона рассуждения о возникновении по линиям цивилизованного разлома конфликтов между христианством и исламом как на глобальном уровне, так и в рамках одного государства, в том числе бывшего Советского Союза, развиваются в его вышедшей в 1996 г. книге «Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка».

⁴⁰ См.: *Карташов А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1993. С. 277–288.*

В свою очередь у православной России также в активе многие традиции не только толерантного сосуществования, но и поддержки иноплеменного и иноверного населения. В. Ильин подчеркивал, что это большая ответственность «не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь; не задушить иноплеменную и инославную жизнь; а дать всем жизнь, дыхание и великую родину для всего этого разноголосого человеческого моря, всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему, и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство. Но для этого мы должны были – прежде всего – сами расти, молиться, творить и петь. И вот, Россия подъяла и бремя своих народностей, подъяла и понесла его – единственно в мире явление...»⁴¹. *Так была создана единая великая российская многоцветная культура, которая внесла значительный вклад в общечеловеческое достояние, в мировую цивилизацию.*

⁴¹ Цит. по: Литература русского зарубежья. Антология. Т. 3. М., 1997. С. 356–357.

ГЛАВА 5.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

5.1. Политическая власть и государство

Природно-климатические, культурные и внешнеполитические особенности развития общества определили историческое своеобразие политических и хозяйственных структур российской цивилизации. Так как проблемы обороны и безопасности с самого возникновения Русского государства доминировали над всеми остальными потребностями, то власть с необходимым потенциалом насилия выдвигала на первое место среди всех остальных источников развития общества политические факторы.

Действительно, многие исследователи видят причину образования в России сильного государства с явно авторитарными тенденциями в неблагоприятной внешней обстановке, которая только усугублялась бедностью страны. Так, П.Н. Милюков прямо указывает на то, что, начиная с XV в., «русская государственная организация развивалась ... под влиянием быстро возраставшей нужды в войске и в деньгах»⁴², и все «существенные реформы... в конце концов всегда вызываются этими двумя главными нуждами»⁴³. Подобного мнения придерживается и В. Ключевский: «Великороссия объединилась под властью московского государя не вследствие завоевания, а под давлением внешних опасностей, грозивших существованию великорусского народа. ... Итак, политическое объединение Великороссии вызвано было необходимостью борьбы за национальное существование»⁴⁴.

⁴² Милюков П.Н. *Очерки по истории русской культуры*, М.: Прогресс, 1994. С. 193.

⁴³ Там же. С. 149.

⁴⁴ Ключевский В.О. *История сословий в России // Сочинения в 9 т.* М.: Мысль, 1987. Т. VI. С. 310.

Но сложное внешнеполитическое положение, грозившие не только потерей суверенитета, но и дезинтеграцией всего государства, есть постоянная константа российского геополитического бытия. Мы можем констатировать, что проблемы обороны и государственной безопасности являются главной исторической силой, динамизирующей развитие всего российского общества с далеко прошлого вплоть до настоящего⁴⁵.

Важная роль в функционировании российской цивилизации принадлежит государству⁴⁶. Это обусловлено и природными, и социально-психологическими реалиями, и необходимостью нейтрализации дезинтеграционных факторов. Патерналистские традиции общинности, огромные, в значительной мере малонаселенные пространства, наличие десятков этносов с самобытной культурой, отсутствие стабильных экономических рыночных связей и правовых отношений, недостаточное развитие дорог, транспортных средств, распространение среди местных элит сепаратистских настроений, навыков и психологии удельных правителей («моя вотчина»), при которых стерты границы между властными и имущественными полномочиями, – все это порождает потребность в сильном централизованном государстве, могущем скреплять воедино резко отличающиеся друг от друга регионы, ограничивая клановые интересы или пресекая политику этноконфессионального сепаратизма, а также обеспечивать выживание наиболее слабых и бедных из них.

Государство, основанное на федеральном принципе организации власти, исторически проверенная структура, способная преодолевать

⁴⁵ См. подробнее: **Волобуев О.В.** Национальные интересы России в их взаимосвязи с приоритетами государственной политики империи Романовых и Советского Союза // *Россия в условиях трансформаций. Материалы научного семинара. Выпуск № 3.* М.: ФРПЦ, 2000. С. 5; **Шелохаев В.В.** Национальная идея и национальные интересы в их сопряженности // *Россия в условиях трансформаций. Материалы научного семинара. Выпуск № 3.* М.: ФРПЦ, 2000. С. 45.

⁴⁶ Проблемы государства как культурной ценности и политического инструмента выживания нации, сохранение безопасности и жизнеспособности России подробно рассмотрены в монографии А.Н. Кольева «*Нация и государство. Теория консервативной реконструкции*». М., 2005.

противоречия между интересами различных российских этносов. Они вызываются экономическими реалиями (например, интересам коренных жителей тундры не соответствует развертывание здесь добычи нефти и газа), различиями в степени экономического развития, уровня образования и т. д., что вызывает необходимость протекционистской поддержки слаборазвитых народов и регионов за счет более развитых. В отличие от западной традиции, в России не общество производит определенный тип государства, а в значительной степени государство – устройство структур общества.

Подобные факторы порождают среди русского, других народов России государственнические убеждения, веру в необходимость сильной центральной власти (безотносительно к ее форме). История евразийской России с ее прочными патерналистскими ориентациями и авторитарными методами руководства показывает, что многое здесь зависит от личности, действий, общей культуры первых лиц в государстве. Российская политическая культура еще не выработала механизма сдерживания их произвола. Это наблюдалось и в условиях самодержавия, и при советской власти, и в период перестройки, и после нее. Отсутствие должного общественного контроля над властной – центральной и местной – элитой, чиновничеством, слабость ростков гражданского общества, распространение среди властных структур традиций нетерпимости неизмеримо повышает значение личных нравственных, правовых и политических способностей лидера, его возможности предопределять разрушительные или созидательные процессы в обществе. Устоявшаяся практика инициирования импульса развития «сверху» неизбежно приводит к тому, что кризис центральной власти оборачивается кризисом общества.

Особенностью России явилось доминирование политических факторов и, как следствие, гипертрофированная роль государства в лице правительства или центральной власти. Последние, используя различные меры контроля, опеки, попечительства, принуждения и прочих регламентаций, стремятся решить встающие проблемы, беря инициативу на себя. Поэтому российское общество всегда строилось сверху вниз, посредством политической системы, стержнем которой является сильная государственная власть, необходимая для форсирования естественного социально-хозяйственного роста страны и извлечения требуемых ресурсов.

Образованию государства способствует целый ряд объективных и субъективных факторов и развитие политико-экономических отношений, под воздействием которых происходит социализация публичной сферы жизнедеятельности общества⁴⁷. Любое государственное устройство можно охарактеризовать определенным типом государственности, который описывает отношения между властью и человеком, экономическую, политическую, идеологическую и культурную ориентацию общества. Для того чтобы установить тип государственности, С.В. Рогачев предлагает проанализировать различные факторы, среди которых форма политической системы, взаимоотношения государства и общества, государства и органов самоуправления, принципы формирования правящей элиты⁴⁸.

Так как тип государственности не является априорно-заданным фактором, логично предположить, что в ходе исторического развертывания событий в России установилась та форма государственности, которая наиболее адекватно отвечала конституирующим принципам социального существования. Многие исследователи указывали на имперский тип институционализации как на

⁴⁷ **Рогачев С.В.** *Российская государственность в системе трансформационных координат.* М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. С. 11.

⁴⁸ Там же. С. 10.

аутентичный способ сохранения, «самоподдержания национального тела»⁴⁹. Согласно В.В. Ильину, империя представляет собой, «высококачественный продукт исторического развития, представляющий властно консолидированный, державно продвинутый социум, располагающий а) развитой военно-бюрократической машиной; б) выраженной тенденцией к тем или другим формам ценностного идентитета (мощные единительные духоцентричные идейные комплексы)»⁵⁰. При этом российская империя, благодаря сильной и дееспособной государственности, целеустремленно выстраивалась в течение веков как наиболее эффективный способ жизнепроизводства в условиях тотальной мобилизации. Именно угрозы выживаемости общества заставляли людей объединяться в различные сообщества, чтобы противостоять дезинтеграции и выработать соответствующие программы деятельности.

Метафизика российской государственности, согласно А.С. Ахиезеру, предполагает наличие авторитарного и соборного идеалов⁵¹. Авторитарный идеал основан на абсолютизации отца-батюшки, которая превращается во власть монарха, генерального секретаря, президента. Соборный идеал служит одним из оснований формирования власти и управления, специфика которого выражается в том, что представителями власти могут выступать различные коллективы и группы, воспринимаемые обществом как выразители народной воли. При этом необходимость для государства подтверждать свое право сохраняться в качестве всеобщей формы общества зависит от господствующего идеала, поэтому в случае России представление о том, что первое лицо является «божьим помазанником» и несет перед ним ответственность, «может

⁴⁹ Ильин В.В., Ахиезер А.С. *Российская цивилизация: содержание, границы, возможности*. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 90.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 226–227.

интерпретироваться..., что уже в самом факте существования власти заложена нравственная санкция на ее сохранение»⁵².

Приоритетной сферой государственной деятельности является политика, а от полноты воплощения политических интересов зависит не только удержание власти, но и стабильность в обществе. Поэтому можно согласиться с С.В. Рогачевым, что важнейшей задачей государства становится обеспечение ранжирования и консенсуса различных и разноуровневых интересов при проведении эффективной политики⁵³.

*Россия всегда нуждалась в жесткой политической системе, которая была бы способна противостоять дезинтеграционным тенденциям под действием внешних и внутренних факторов*⁵⁴. В периоды кризисов государственной политики потребность в сильной властной системе ощущалась более всего, так как ее наличие становилось исключительным, если не основным условием выживания социума. Например, приход большевиков к власти в 1917 г. показал, насколько важным было их присутствие на российской политической арене того времени. По существу они были единственной силой, «способной навести минимальный порядок и предложить обществу реальную мобилизационную модель развития»⁵⁵, основными задачами которой было восстановить государственные структуры, форсировать развитие страны, имеющее целью преодолеть отставание. Да и в настоящее время, согласно исследованиям, проведенным А.Ю. Мельвилем, в массовых настроениях

⁵² Там же. С. 285.

⁵³ **Рогачев С.В.** *Российская государственность в системе трансформационных координат.* М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. С. 20.

⁵⁴ **Волобуев О.В.** *Национальные интересы России в их взаимосвязи с приоритетами государственной политики империи Романовых и Советского Союза // Россия в условиях трансформаций. Материалы научного семинара. Выпуск № 3.* М.: ФРИЦ, 2000. С. 6.

⁵⁵ **Галкин А.** *Общественный прогресс и мобилизационная модель развития // Коммунист, №18.* С. 26.

россиян «растет крен в сторону поддержки сильной власти, способной навести порядок в стране»⁵⁶.

На протяжении всей российской досоветской и советской истории, как уже отмечалось, не общество создавало государство, а государственная власть методами администрирования в значительной мере сама формировала общественные отношения и группы, которые складывались не в силу необходимости регулирования проявившихся совместных социально-экономических интересов, а как порождение бюрократического аппарата. Не случайно Бердяев Н.А. определил Россию как самую государственную и самую бюрократическую страну в мире, где все превращается в орудие политики⁵⁷.

5.2. Государство и гражданское общество: российская традиция

Расстановка реальных полномочий в системе «государство - общество» обнаруживает способ конструирования государственной организации и возможные каналы влияния на нее со стороны социума.

В Западной Европе адекватным балансом противоречивых сил выступило гражданское общество, характеризующееся определенными социальными отношениями, на основе которых возникают социальные институты, функционирующие независимо от политической власти и способные на нее воздействовать. Социально-историческим основанием гражданского общества стало появление автономного и независимого индивида с его неотъемлемыми правами и свободами. В результате общественные организации получают возможность прямого влияния на формирование государственного аппарата. Данный тезис позволяет сделать вывод, что западноевропейские государства строились снизу вверх посредством активного участия общественных структур.

⁵⁶ *Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. №2. 1998. С.34.*

⁵⁷ *Бердяев Н.А. Судьба России // Русская идея. Судьба России. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. С. 231.*

В России мы находим инверсию западной модели взаимоотношения государства и общества. Те гражданские учреждения, которые обычно связываются с гражданским обществом, имеют в России незначительную степень развития структур, форм поведения и идей, но происходит это не потому, что они еще не достигли определенного уровня развития, а потому что они не выявляют полного соответствия системообразующим принципам российской действительности, в основе которой лежит идея державности с сильной политической властью, способной консолидировать общественный потенциал в целях сохранения национальной идентичности. Совершенно справедливо на сущность данной проблемы указывает А. Городецкий, говоря о том, что «сформировать гражданское общество с присущей ему стройной и независимой парламентарной системой народного представительства в мобилизационном порядке и насильственным образом нельзя»⁵⁸.

Следовательно, российское общество формировалось сверху вниз под постоянным государственным контролем, «причем государство в данном случае выступает не **как** чисто *функциональный* институт, но еще и как *смыслополагающая* инстанция, задающая «соборное» понимание того, что именно мы делаем и куда движемся»⁵⁹. Данный организационный принцип отражает суть тотальной этатизации социума. В силу этого обстоятельства, согласно О.В. Гаман-Голутвиной, «к России не применима модель изучения общества посредством дихотомии «государство – гражданское общество»⁶⁰.

Несмотря на явную тенденцию к авторитаризму, в политическом устройстве России могут присутствовать признаки либерализации.

⁵⁸ Городецкий А. Об основах институциональной трансформации (теоретический аспект) // Вопросы экономики. 2000. №10. С. 126.

⁵⁹ Андреев А. Российское общество и либеральный проект // Москва. 2002. Январь. С. 165.

⁶⁰ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: Интеллект, 1998. С. 53.

Правда, исторический опыт XIX–XX вв. показывает, что многочисленные попытки либерализации общественных отношений в России (декабристское восстание, перестройка, реформы 90-х годов), подпитываемые демократической идеей самоуправления, в конечном счете приводили к утверждению авторитаризма. В Древней Руси существовали формы самоуправления (вече, собор и т.д.), но все они были уничтожены тоталитарными амбициями Московского княжества в XV–XVII вв. Поэтому, согласно Ионову И.Н., «в истории России, где влияние авторитарного государства на протяжении многих веков являлось преобладающим, самоуправление было периферийным явлением, не отражающим главные тенденции развития общественно-политического строя страны»⁶¹. В любом случае деятельность данных учреждений (община, дворянские собрания, земства, Дума, советы народных депутатов) была подчинена интересам государства. В настоящее время положение мало изменилось: с одной стороны, в России появилась Государственная дума, достаточно самостоятельная в своих решениях, Общественная палата, но, с другой стороны, на практике мы наблюдаем жесткую президентскую власть, управляющую всей совокупностью государственных учреждений. Такая тенденция есть вполне закономерное явление в условиях российской цивилизационной специфики.

5.3. Государственное управление и политические элиты

Любому государству для исполнения своих функций необходимо достаточное количество людей, способных по своей классификации, ценностной ориентации и т.д. управлять государственными учреждениями, через которые реализуется политическая власть⁶². Людей, составляющих

⁶¹ **Ионов И.Н.** *Самоуправление в России // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь*, М.: Республика, 2001, С. 394.

⁶² **Ильин В.В., Ахиезер А.С.** *Российская государственность: истоки, традиции, перспективы*. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 277; **Мизес Л.** *Бюрократия // Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность*, М.: Дело. 1993. С. 41-46.

государственный аппарат и по сути являющихся политической элитой, т.е. лицами, принимающими стратегически важные решения в масштабе всего общества в целом, можно условно разделить на две группы: политические лидеры и бюрократия. Согласно классификации, предложенной О.В. Гаман-Голутвиной, в категорию политических лидеров входят лица, имеющие высокую степень влияния на принятие ответственных решений и не задействованные в структуре исполнительной власти, а бюрократия включает лица, занимающие высшие должностные позиции, и административных работников/руководителей всех уровней⁶³. Таким образом, политические элиты образуют основу административного аппарата, т.е. чиновников различного ранга, призванных обеспечивать реализацию общенациональных интересов, при этом от уровня их работы во многом зависит результативность государственной власти⁶⁴, поэтому политическая элита может выступать не только как субъект государственной власти, но и как инструмент модернизационных процессов.

Особую важность представляет тот факт, что «несмотря на различие характера исторических форм организации элиты (которые историческая наука определяет как боярство, дворянство, имперская бюрократия, советская номенклатура), системообразующие принципы их формирования во многом совпадают»⁶⁵. ***Основным фактором рекрутирования политической элиты в поле российского государства является служебная корреляция, а не происхождение, землевладение или финансовый капитал, при этом в качестве механизма привлечения людей в государственный аппарат выступает принцип «привилегии за службу». Эффективность элиты характеризуется не***

⁶³ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: Интеллект, 1998. С. 10.

⁶⁴ Рогачев С.В. Российская государственность в системе трансформационных координат. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. С. 22.

⁶⁵ Гаман-Голутвина О.В. Указ. соч. С. 54.

организационными способностями, интеллектом, политической самостоятельностью и т.д., а готовностью к самомобилизации и подчинению, политической волей, предельной собранностью, физической выносливостью и т.д. Поэтому в политико-центричной российской модели является закономерным процессом, что «служебный принцип рекрутирования элиты определяет приоритет политической элиты над экономической; последняя... занимает подчиненное положение»⁶⁶.

Современный этап развития российского общества демонстрирует существенные изменения в доминировавшей модели элитообразования: бюрократический критерий рекрутирования уступает место олигархическому принципу, отличительным признаком которого является экономический вес, уровень финансового состояния и степень финансового контроля⁶⁷. Несмотря на очевидное внешнее соответствие данному механизму, многие исследователи отмечают качественное сходство с прежним «служебным принципом», что позволяет говорить об аналогичной стратегии элитообразования.

Служебный принцип рекрутирования элиты, отсутствие автономных органов самоуправления, девальвация гражданских отношений вследствие этатистского правила конструирования социума, авторитарная форма отправления политической власти – все эти факторы указывают на сущностную специфику российской государственности, которую можно определить как тоталитарную державу или, если перефразировать известного политолога З. Бжезинского, как мобилизационную империю⁶⁸.

5.4. Национальные интересы и модернизация

Выбор в пользу сильного государства был не случайным проектом, а закономерным актом в свете исторической перспективы

⁶⁶ Там же. С. 68.

⁶⁷ **Гаман-Голутвина О.В.** Бюрократия или олигархия // Независимая газета. НГ-сценарий. 13 марта. 2000.

российского бытия. Действительно, Россия вполне могла бы оставаться раздробленной страной, содержащей множество политических центров, но объективация геополитических факторов настоятельно требовала сильной политической власти⁶⁹. Российское государство на протяжении всей своей истории являлось мощным и ответственным субъектом представительства и охраны национальных интересов страны, а также защитником политического и экономического суверенитета на мировой арене. Успешное осуществление поставленных обязательств предполагает жесткую конкурентную борьбу с западноевропейскими странами, постоянно посягавшими на независимость российского общества. Выдержать натиск Запада при хронически низком уровне прибавочного продукта и отсутствии научно-технической базы Россия могла только благодаря модернизации социально-хозяйственной сферы

Целесообразно в исследовании теоретико-методологических проблем российских реформ исходить из концепции модернизации, модель (так называемая догоняющая, форсированная, имперская) которой определяется догоняющим типом развития российского социума. В социуме происходят разнопорядковые и разноуровневые изменения, трансформации, и вектор этих изменений: от традиционного общества к современному обществу, что есть модернизация. Изменения реализуются в различных формах: в интересующей нас форме реформ и связанных с ней форме контрреформ, также в форме революции, которые в своей совокупности составляют единую ткань исторического процесса, процесса модернизации.

Модернизация – это активный, действенный поиск наиболее подходящей для данного социума модели органического развития на пути от его традиционного к современному состоянию, а также

⁶⁸ Бжезинский З. Геостратегия для Евразии // Независимая газета. 24.10.1997.

⁶⁹ Пайнс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета. 1993. С. 35.

концентрация сил и средств государства и общества на воплощение этой модели в жизнь. Под «органическим развитием» подразумевается тип развития, наиболее соответствующий взятым в диалектическом единстве потребностям, возможностям социума, а также господствующим в нем массовым ментальным представлениям об общественном прогрессе и социальном благе. Таким образом, модернизация – это не только просто аналог объективно протекающих социальных макропроцессов перехода общества от его традиционного состояния к современному, а некий итог, проистекающий из реального соотношения в исторической практике исходящего от государства и общества целеполагания в плане реализации встающих перед страной, цивилизационной общностью в целом «вызовов времени» и результата, качества ответа социума на эти вызовы⁷⁰. Данная В.В. Журавлевым формулировка позволяет, на наш взгляд, адекватно понять специфику российской модернизации и под нужным углом зрения в дальнейшем рассматривать процесс реформирования в России.

В западноевропейских странах модернизационный процесс занял длительный период, реализовываясь в эволюционной и революционной формах. В результате модернизация достигла своей цели: были созданы современная рыночная экономика, гражданское общество, правовое государство. Иная ситуация сложилась в России, где суть проводимой по имперской модели модернизации, считает В.Г. Хорос, состояла, во-первых, в выборочном заимствовании, главным образом для военных целей, технических и организационных достижений более развитых стран в обмен на сырье и сырьевые продукты; во-вторых, в ужесточающейся с реформами эксплуатации собственного народа архаическими, добуржуазными способами; в-третьих, в необходимости поддерживать высокую степень централизации и бюрократизации управления. Эти черты

⁷⁰ *Журавлев В.В. Россия XX века: тип, этапы и механизмы модернизации // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. Выпуск № 7. М., ФРПЦ, 2001. С. 6-7.*

с теми или иными отклонениями сопровождали процесс модернизации в России на протяжении последних трех веков, включая советский период⁷¹. Модернизация была инициирована «сверху», волевыми усилиями верховной власти, которая действовала в духе многовековой традиции: любая инициатива преобразований может исходить от самодержца, являющегося единственным вершителем судеб страны и ее подданных.

В то же время, по мнению В.В. Шелохаева, нельзя не видеть определенных позитивных результатов инициированной «сверху» модернизации: отмена крепостного права, индустриализация, реформа армии и судебной системы, политические преобразования 1905-1906 гг., аграрная столыпинская реформа и т.д. В сжатые исторические сроки в России была создана индустриальная база, в основных своих структурных звеньях сложилась система рыночной экономики, проявили себя элементы гражданского общества и правового государства. Значительные успехи были достигнуты в области просвещения и особенно в культуре, интенсивно шел процесс роста национального самосознания, страна стала частью мировой народнохозяйственной системы.⁷² Однако в России модернизация не привела к тем итоговым результатам, которые были достигнуты в ведущих европейских странах, ибо не отвечала указанному критерию «органического развития». Более того, отметим, что модернизация в России не только девуалировала все «язвы» общественного развития, но и явилась сильнейшим катализатором противостояния власти и общества, источником социально-политической нестабильности. Все дело в том, что, как мы уже отметили, характер модернизационных изменений у нас обусловлен догоняющим типом развития, который отражает исторически сложившиеся в России

⁷¹ *Хорос В.Г.* Рецензия на книгу В.И. Пантина «Циклы и волны модернизации как феномен социального развития» // *Pro et contra*. Т. 4. Лето 1999. № 3. С. 211.

⁷² См. подробнее: *Шелохаев В.В.* Модернизационные процессы в России: общее и особенное // *Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энци. словарь* / Ред. кол.: М.П. Мчедлов и др. М.: Республика, 2001. С. 209–213.

идеологию, психологию и возведенную в ранг нормы практику приоритетности государства перед обществом. «В России проводником модернизации всегда являлось государство, а не движение масс. В какой бы форме ни осуществлялась модернизация, ее частью или формой была... идеология, формулировка ценностей, которым пытались придать общенациональное значение»⁷³. В этом состоит принципиальное отличие российского модернизационного процесса (российских реформ) от западного, где импульс сверху выступает лишь в качестве первичного катализатора глубинных процессов, впоследствии развивающихся в самой толще общества.

5.5. Российская цивилизация: политическая организация в XXI веке

Рассмотрение российского социума в цивилизационных координатах является проекцией проблемы, вызывающей самые острые дискуссии в среде представителей различных областей общественности в России – это соотношение универсальных и специфических черт в развитии общества. Исходя из вариаций решения данного вопроса и выстраивается желаемая схема развития российского общества, опосредованно исходным – универсалистским или партикуляристским методологическим установкам. Рассматривая сквозь подобную призму роль и место гражданского общества в строительстве будущего России, можно выделить целый спектр мнений, на полюсах которого находятся представления о гражданском обществе как об всеобщем магистральном пути эволюции социальной и политической реальности и представлении о полной невозможности становления подобной формы организации социума в России. В данном контексте представляется целесообразным остановиться на одном, кажущемся ключевым, аспекте.

⁷³ **Федотова В.Г.** *Возможна ли модернизация без русофобии? // На перепутье (Новые веки): Сборник статей. М.: Логос, 1999. С. 153.*

Бытующие в последнее время представления о гражданском обществе в России либо как о панацее от всех бед, либо как о необходимом условии ее безболезненного вхождения в мировую цивилизацию нового типа, с необходимостью ставит более общие вопросы методологического характера. Прежде всего это выявление соотношения между гражданским обществом, призванным отражать собственные интересы граждан и государством. В мировой общественно-политической мысли существуют различные подходы к интерпретации диалектики государства и гражданского общества. Если Гегель в «Философии права» поставил государство, понимаемое как «шествие Разума по земле», как проявление Абсолюта, над гражданским обществом – сферой частных интересов, то в марксистской традиции гражданское общество связывается с экономическими интересами и, следовательно, подчиняет себе государство. В любом случае для адекватного функционирования и государства, и гражданского общества необходимы самоограничения как с одной, так и с другой стороны, регулирующие правовыми основаниями.

Нас интересует принципиальная установка: каковы эти взаимоотношения? Системообразующий принцип западных демократий, выражающийся в создании политических систем, в рамках которых государство и гражданское общество выступают в качестве равноправных партнеров, закрепляется и в теоретической рефлексии, и в общественном создании. В подобной ситуации рождается: а) система разнообразных эффективных механизмов влияния гражданского общества на государство, б) гражданское общество выступает субъектом строительства государства.

Подобное представление о соотношении государства и гражданского общества, не являясь для России аутентичным, неизбежно становится реактивным. Активно заимствуя западные институты либерального государства, к тому же в их иллюзорно-утопическом варианте, никто не подумал о самой способности России жить по канонам подобной схемы,

применяемой на Западе в диаметрально противоположных координатах: цивилизационных, исторических, экономических, ценностных и проч. Итогом стали деструктивные явления как на уровне государства, выражающиеся в его ослаблении и падении авторитета (что неизбежно ведет к еще одной серьезной проблеме – проблеме легитимности государственных институтов), так и на уровне общества, концентрированной манифестацией которых является апатия значительных общественных слоев, правовой нигилизм и проч. Вероятно, для анализа российской государственности и выявления закономерностей и дальнейших путей разворачивания взаимоотношений между обществом и государством следует в центр методологических изысканий поставить актуализацию отечественной культурно-исторической специфики. Речь идет о рассмотрении взаимоотношений российской государственно-правовой системы и общества сквозь призму национально-исторической и культурно-типологической природы государства, типа развития социума и цивилизационной специфики.

Если исходить из того факта, что двумя центральными функциями политической системы являются адаптация и развитие социума, то логичным является доминирование гражданского общества в условиях экономико-центричного типа социальной организации, поскольку интересы государства и субъектов хозяйствования (гражданского общества) совпадают, одновременно импульсы развития идут снизу, иницируются самим обществом. Условия, когда конструируется общество, в центре которого приоритет политических факторов, прежде всего насильственных, являются следствием основного противоречия: между функциями, политическими целями и задачами государства по адаптации социума и недостаточностью возможностей общества для решения данных вопросов. В подобных условиях субъектом и инициатором развития естественным образом выступает государство, что

и обеспечивает его приоритетную роль во взаимоотношениях с гражданским обществом.

Именно собственные цивилизационные основания России предопределили подобный вариант взаимодействия гражданского общества и государства. П. Струве отмечал, антиобщественность государства и антигосударственность общества в России как историческую традицию. По словам П. Милюкова, на Западе общественная организация обусловила государственный строй, тогда как в России именно государство обуславливало общественную организацию. В современных условиях, несмотря на уменьшение сакрального ореола государства, отсутствие горизонтальных интегративных связей в сфере гражданского, разрушение традиционных общественных институтов, регулирующих общественную жизнь, нельзя не признать, что в России участие государства в формировании гражданского общества неизмеримо важнее и весомее, чем в других странах, поскольку само развитие различных институтов гражданского общества нуждается в сильной политической и государственной власти, которая могла бы обеспечить их функционирование, в первую очередь именно путем создания правовой, законодательной базы, а также выступить гарантом их существования.

Однако и историческая традиция, и специфика социальной организации, и стратегии постоянной догоняющей модернизации требуют кроме государственного патронажа возникновения или эволюции уже существующих ячеек гражданского общества, необходимость интериоризации российским обществом на всех его уровнях самой идеи необходимости и оптимальности в качестве социального устройства гражданского общества.

И здесь мы с неизбежностью вступаем в область, непосредственно связанную с проблемой определения культурной идентичности. Современная российская идентичность (в цивилизационных координатах)

расщепляется на несколько: общегосударственная, локально-региональная и этнонациональная. При этом четко обозначилась тенденция переориентации русской идентичности с государственно-гражданской на этнонациональную.

Следует, вероятно, говорить о двух причинных системах, актуализировавших подобные тенденции. Во-первых, внутренние деструктивные процессы, достаточно хорошо изученные современным социальным знанием. Во-вторых, следует провести аналогию с процессами, происходящими в развитых странах Запада, где сохранение культурных идентичностей вышло в последнее время на первый план в связи с усилением глобализационных тенденций и корпоративизмом. В условиях децентрализации, регионализации, минимизации государства именно институты гражданского общества (прежде всего на региональном уровне) выступают тем рычагом, который не только поддерживает, но и усиливает те или иные формы социокультурной идентичности.

В условиях российской цивилизации сохранение и поддержание культурных идентичностей возможно на базе того консолидирующего фундамента, который условно называется «державным фактором», понимаемым как объединение всех социокультурных общностей России. На данном этапе можно говорить о смене общественной парадигмы, о стремлении к социальному консенсусу как политических сегментов, так и этнических составляющих. Однако в силу отмеченной специфики цивилизационных различий в России эту функцию может исполнять только сильное государство, выступающее и как гарант исполнения правил игры, и как активный субъект социального процесса. ***И не последняя роль в данном процессе принадлежит интегративной идеологии, адекватной для поддержания и укрепления всех культурных идентичностей с одной стороны, с другой – для цементирования всего общества.***

ГЛАВА 6.

ВЫЗОВ ПОЛИТИКИ КАК ВЫЗОВ XXI ВЕКА

Трансформационные процессы современности затронули все сферы и уровни социальной ткани, в том числе и область политического. Более того, произошла опасная инверсия политического и неполитического (У. Бек), что требует изменения алгоритмов политического функционирования общества и формулирования иных стратегий поведения как для различных обществ, так и для отдельного индивида. *Для России понимание сущности политического вызова тем более необходимо, что политические методы в поле российской цивилизации являются наиболее эффективными.* Каковы особенности вызова политики?

Современная политика, понимаемая как многообразие деятельности различных групп по достижению своих интересов, прежде всего по поводу владения и распоряжения властного ресурса, представляет собой нелинейный процесс. Нелинейность проявляется не только в отличных друг от друга пространственно-временных параметрах функционирования и существования различных политических процессов. Одновременное разноскоростное протекание процессов и явлений на различных уровнях современности ставит общества и заинтересованные группы перед необходимостью выработки совершенно новых политических стратегий и решений, коррелирующих как с требованиями общего вектора развития современного мира, так и с целесообразностью и эффективностью результатов для данного сегмента социального пространства.

Долгосрочное политическое прогнозирование в подобной нелинейно-изменчивой системе не может быть действенным, тогда как принимаемые в означенном контексте решения *ad hoc* являются эффективными только на очень короткий промежуток времени.

К одним из основных характеристик современной организации политической реальности следует отнести появление новых субъектов и новых уровней принятия решений, выходящих за рамки традиционно-структурированного политического пространства, прозрачность политических границ и наличие различных властных центров.

6.1. Новые субъекты политики.

Изменение структурной организации социума и ценностных приоритетов, возникновение глобального негетерогенного пространства повлекло за собой необходимость выхода на политическую авансцену новых акторов, являющихся субъектами мировой политики. Кроме традиционных государств-наций, к ним следует отнести межгосударственные и надгосударственные организации, транснациональные корпорации, общественные и гражданские ассоциации, неправительственные объединения и проч.

Современное государство теряет функции, исторически ему принадлежавшие, поскольку традиционные административно-управленческие институты перестают контролировать экономический и политический процесс как в масштабе мировой политики, так и внутри своих границ. Часть государственных функций передается на наднациональный уровень (прежде всего транснациональным структурам, таким как ТНК или межгосударственным организациям – МВФ, МБ, ЕС и проч.). Другая часть традиционно государственных полномочий передается на уровни территорий и регионов, также становящихся субъектами политико-управленческой деятельности, обладающих определенным властным ресурсом и способных обеспечить функционирование локального сообщества в координатах глобального мира.

В современных условиях государство не в состоянии противодействовать новым вызовам своей безопасности в одиночку, поэтому ему приходится выстраивать свою политику в целях достижения оптимального миропорядка: в практику внедряется не только «синдром родственных стран» (С. Гринвей), но и происходит кооперация с новыми политическими акторами, не связанными путами национальных государств. Хотя, как гласит общеизвестное правило: кооперация тем затруднительнее, чем больше лиц в нее вовлечено, и чем сильнее различаются временные горизонты и уровни их действий⁷⁴.

Трансформационный вектор глобализации сужает компетенцию национальных государств, редуцируя суверенитет как основу международной деятельности, часто до неразличимости внутреннего и внешнего. Государство перестает быть единым, унитарным актором под влиянием целого блока причин, три из которых кажутся приоритетными: глобализация рынков, усиливающееся давление со стороны региональных акторов, добивающихся перераспределения компетенций вплоть до факта автономий, всеобщий кризис госбюджетов, оставляющий все меньше возможностей для удовлетворения социальных и экономических интересов. В результате, как правило, внутренние локальные акторы конкурируют друг с другом, преследуют собственные автономные цели и их интересы уже редко аккумулируются в том, что принято называть «национальными интересами».

Часть функций государства отбирают транснациональные акторы, в то же время зависящие от национального государства. Более того, чем шире экспансия ТНК в суверенные государства, тем сильнее корпорации зависят от согласия заинтересованных стран в вопросе о целях, нормах и принципах управления международным бизнесом и политикой⁷⁵.

⁷⁴ Зегбер К. *Шивая лоскутное одеяло. Pro et contra* // Т. 4. № 4. С. 69

⁷⁵ Hirst P., Thompson G. *Globalization and the Future of the Nation State* // *Economy and Society* L. 1995. Vol. 24. № 3. P. 414.

Как на международном, так и на транснациональном уровне действует многообразие акторов, дифференциация интересов и возможностей которых, а также неравномерность и нехронометричность основных узлов и полей их сопряженности не способствуют стабилизации мира, а скорее, наоборот, являются фактором возникновения все большего числа и качества рисков. Помимо этого, координацию и систему подчиненности затрудняет различие в легитимации акторов: одни приобретают мандат, проходя процедуру выборов, другие нет, да и время срока их полномочий часто бывает различным⁷⁶. Возникновения **рисков** как доминанты современности приводит к недобровольной политизации всех общественных сфер, делая общество «квазиприродной реальностью» (Б. Капустин). Одновременно налицо возрастающее недоверие к существующим политическим институтам и организациям, что свидетельствует о кризисе их легитимности и действенности, а также актуализирует вероятность возникновения централизованных режимов, вплоть до авторитарных.

Кроме новых коллективных акторов, современность породила и качественно новый тип политического субъекта, обладающего равнозначными статусом и возможностями как с традиционными агентами политической сферы, так и возникшими недавно. Возникли условия для реализации себя в качестве действенного субъекта политики одной значимой личности, обладающей финансовыми, информационными и символическими ресурсами, сравнимыми с возможностями государственных образований для достижений своих целей. Определения бен-Ладана или Садама Хусейна как «людей, противостоящих цивилизации», «людей, противостоящих мировому сообществу»

⁷⁶ Зегбер К. *Сшивая лоскутное одеяло // Pro et contra. Т.4. № 4. С. 69.*

свидетельствуют об изменении традиционной структуры политической матрицы общества⁷⁷ и распаде прежних социальных скреп.

6.2. Транснациональный мир и власть

Вопрос о власти является принципиальным при исследовании политической реальности. Современные общественные изменения, характеризующиеся признаком транснациональности, привели к реорганизации властных форм и способов ее использования.

Транснациональность предполагает преодоление национально-государственных границ, а также прозрачность традиционных, в том числе и политических барьеров. В подобном контексте власть перестает быть привязанной к исторически-легитимным институтам и субъектам, а подвергается деконцентрации и вплетается в самую социальную ткань. Подобная диффузия власти как внутри государственных образований, так и на транснациональном уровне, приводит к перестройке социальной реальности. Дисперсно-организованный современный мир стал нуждаться в дисперсно-организованной политической системе с много- и разно-уровневым представительством интересов по вертикальной и горизонтальной координатам.

Особой значимостью в такой ситуации обладает возникший эффект атопичности, или детерриторизации, современных феноменов, преодолевших пространственную опосредованность предшествующих эпох. Транснациональность породила **властный** конфликт между национально-государственной политикой и полем деятельности мирового общества. Это выражается не только в отношении национальных государств к мультинациональным концернам, где властный конфликт проявляется наиболее зримо. Но он определяет также утверждение

⁷⁷ *Неклесса А. Внешняя политика нового мира: движение к нестационарной системе мировых связей // Pro et contra. 2002. Т.7. № 4.*

транснационального права, борьбу с транснациональной преступностью, возможности осуществления транснациональной культурной политики или деятельности транснациональных социальных движений и т.п.⁷⁸

Новое политическое пространство предопределило и замену устаревших форм национальных федерализмов на более современную и мобильную региональную структуру, в основании которой лежит экономическая и культурная дифференциация. Выдвижение на первый план локального управления объясняется его способностью сохранить традиционный социальный порядок, являющийся наполнением региональной культурной идентичности. Одновременно кризис государственных суверенитетов в качестве атрибута мировой политики привел не только к возможности применения односторонних политических мер против государства, но и против групп граждан или даже отдельных личностей.

Переплетения глобального и локального в политической сфере фиксируют и новую реальность: в качестве равноправных центров и политических образований могут выступать не только традиционные государства-нации или их коалиции. В подобном качестве начинают выступать регионы и территории, конституируемые по иным, например культурным, экономическим или цивилизационным признакам, интеграционные объединения и полицентричные конгломераты.

Необходимыми составляющими подобной политической структуризации (свойственной прежде всего западному социальному пространству) являются как универсальные вертикально-властные компоненты, так и частные коллективные акторы, репрезентирующие развитое гражданское общество. Вместе с органами местного управления и самоуправления они обеспечивают горизонтальные связи между различными сегментами сообщества. В транснациональной политике

⁷⁸ Бек У. *Что такое глобализация*. М., 2001. С. 188

частные коллективные акторы также являются выразителями интересов разнопорядковых общественных групп на различных уровнях. Подобная многоуровневая система представительства интересов позволяет развивать современные методы политической деятельности, гибко приспособляющейся к глобальным и личностным запросам.

Данная проблема непосредственно связана с проблемой утраты публичной властью, при сохранении ее легитимности, эффективных рычагов контроля и управления. Более того, неформальные неправительственные объединения, причем не всегда институционализированные, сетевые акторы часто обладают большими возможностями для формулирования и реализации политических стратегий и управленческих решений. Принципиальная непубличность подобной власти вступает в противоречие с властью публичной, часто вытесняя последнюю на периферию политического поля.

Возникновение новых форм политической деятельности, структурная перестройка реальности, расщепление власти на множество микро- и макросоставляющих, распределяемых по вертикальным и горизонтальным координатам, поставило вопрос о пересмотре места и роли гражданского общества в современном мире.

Рассмотрение гражданского общества как совокупности самоорганизованных и самоуправляемых социальных связей и отношений предполагает активность в публичной сфере, посредством которой осуществляются организованные, институционально представленные в политическом процессе экономические и политические интересы большинства, прежде всего всевозможных внеэлитных слоев и групп, через различного рода ассоциации и объединения, определяемые как «группы интересов». Таким образом наряду с гражданским и территориальным представительством активизируется деятельность и различных организаций, объединенных общностью интересов, вне

зависимости от их месторасположения и отношения к государственным структурам.

В круг современных проблем, связанных с функционированием гражданского общества, неизбежно попадает проблема политического участия, выдвигающая на передний край «позитивные права граждан» – участие в массовых движениях и коллективных действиях, основными параметрами которых являются мобильность, творчество, продуктивность, ассоциативность и проч. Речь идет о неинституциональных средствах политического участия в различных областях: забота о здоровье, благосостояние, права в сфере образования, этические проблемы, гендерная проблематика и т.д.

Таким образом, все существующее разнообразие уровней политических отношений и их субъектов ставит вопрос о приведении всего разнообразия к общему знаменателю для объяснения возникающего нового состояния мира, где власть находится в текущем состоянии, общества – в постоянной динамике. Ответов множество, однако не один не является приемлемым в долгосрочной перспективе.

Современные трансформации сопровождаются и снижением возможности национальных элит контролировать собственные экономики, а также сферы национальной политики и культуры. Как отмечалось выше, в условиях актуализации непубличной власти субъекта принятия решений менее доступны и легитимны, а их решения принимаются менее гласно и они менее понятны для общества. Необходимость тщательной проработки вопросов закономерно приводит к интенсификации контактов между национальными элитами. Проведение многочисленных саммитов и встреч на министерском уровне, форумов региональных организаций и конференций негосударственных объединений стимулирует формирование взаимозависимых элит. С. Хантингтон справедливо отмечает возникновение «Культуры Давоса» и приходит к выводу, что подобным

образом образуется отчетливо осознающая свою автономность транснациональная элита, слабо подотчетная национальным электоратам. Это означает, что процессы глобализации усиливают политическую власть элит. Таким образом, «опосредованным эффектом глобализации является возвращение элит в состояние неопределенности и высоких рисков, считавшихся нормой в историческом прошлом.... В условиях глобализации власть элит возрастает на наднациональном и снижается на национальном уровне»⁷⁹.

Среди современных реалий, бросающих вызов человечеству и его устоявшимся способам бытия, политика сегодня является, вероятно, одним из наиболее ярко обозначаемым изменением. Призванная обеспечивать стабильность, она дестабилизирует, призванная отражать интересы многих, она прячется за ширму, перемещается за свои классические пределы, оставляя человека в недоумении: а что же дальше?

Российская цивилизация имеет в своем арсенале достаточно рычагов для сохранения своей устойчивости, однако политические воздействия настолько качественно изменились, что исторический опыт необходимо сочетать с новыми политическими регуляторами. Какими – ответ остается открытым.

⁷⁹ *Гаман-Голутвина О. Трансформация роли элит и этики госслужбы в условиях глобализации // Полис. 2000. № 6. С.171.*

ГЛАВА 7.

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВЫЗОВ ИДЕНТИЧНОСТИ

Социальная наука сегодня столкнулась с качественно новым, по сути своей амбивалентным характером современного социокультурного процесса: единством глобализирующей составляющей, ведущей к новому способу социальной интеграции, и стремлением социокультурных общностей различного порядка сохранить свои самобытности. «Способы поведения, способы мысли, способы производства» перед лицом глобализационных процессов либо претерпевают изменения, либо стараются найти действенные механизмы самозащиты, обеспечивая устойчивость общества. Причем данный процесс в различных формах охватывает все общества, все цивилизационные ареалы территории, находящиеся на стыке эманаций различных культур и Больших традиций.

В контексте в современных условиях актуализации проблемы идентичности как на уровне индивидов, так и сообществ, насущным стал методологический вопрос экспликации соответствующего понятия. Это обусловлено, на наш взгляд, рядом причин, приоритетными из которых являются следующие. Во-первых, изменяющаяся реальность потребовала нового категориального аппарата и операциональных схем, поскольку традиционный гуманитарный концептуально-понятийный арсенал перестал быть оптимально действенным. Во-вторых, понятия также становятся жертвами моды, а зачастую и идеологических манипуляций, когда форма полностью вытесняет аутентичное содержание, что не только снижает эвристический потенциал понятия, но и лишает гуманитарную рефлексию необходимой аналитичности и онтологичности.

Следует прежде всего остановиться на цивилизационном уровне, на котором наиболее зримо проявляются проблемы, порожденные современностью. В общецивилизационной перспективе четко

прослеживается противоречивая тенденция: с одной стороны, стягивание мира в определенную целостность, обусловленное объективными современными реалиями, с другой – стремлений цивилизаций сохранить свою культурную самобытность, то самое большое МЫ, где человек чувствует себя в культурном отношении дома и одновременно отделяет то, что отделяет его от «НИХ», «ЧУЖИХ» – тех, что вовне. Это приводит к кризису традиционных представлений о будущем человеческой цивилизации, к пониманию его как «мира миров», что с необходимостью предполагает выработку иных технологий политического разрешения меж- и внутрицивилизационных конфликтов – от обособленности и экспансии к диалогу, о чем, к сожалению, можно говорить только в теории. Как следствие – трагический раскол между теоретическими парадигмами и социально-политической реальностью. На уровне рефлексивных построений все чаще говорят о необходимости признания ИНАКОВОСТИ, замены понимания ЧУЖОГО на ДРУГОГО, насущности проблем толерантности без уничижительных оттенков и акцентации плюрализма различий в качестве действующей силы прогресса. В реальности же чаще всего наблюдаются деструктивные ответы на навязывание унификационных тенденций, только возрождающих старую как мир оппозицию «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ» на различных уровнях социо-культурного пространства.

В современной западной цивилизации прослеживаются признаки культурного распада общества, потери единства и национальной идентичности из-за массового непрерывного вливания чуждых элементов, которые ассимилируются и интегрируются с большим трудом, а чаще всего образуют достаточно замкнутый анклав иной культурной традиции. Даже не заходя далеко в апокалиптических предсказаниях, они все же говорят о маргинализации Запада, теряющего многое в геополитическом плане по мере того, как экономический и демографический вес

перемещается в другие части мира с более прочной традиционной идентичностью и долгой общей исторической памятью. Массовая миграция людей, принадлежащих к иным культурным традициям, в исторические пределы европейской цивилизации ставит вопросы о культурных и политических мерах сохранения ее самобытности.

Кроме маргинализации как определенного тренда, которую, с одной стороны, можно рассматривать как деидентификацию, с другой – как некий дрейф идентичностей, следует отметить потерю идентичности именно как чувства сопричастности к общности на уровне личности. Речь идет о таком феномене, порожденном современной цивилизацией, как THE LONLY CROWD (одинокая толпа), совокупности изолированных индивидов, когда нет понятия МЫ, а только Я и ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ. Современные реалии обозначили в качестве одного из самых болезненных проявлений личностной деидентификации утрату биографии.

Хотелось бы остановиться на психологическом восприятии СВОЕГО и ЧУЖОГО, на проблеме личной идентичности и ее потери. Речь идет прежде всего о самоотождествлении с определенной системой ценностей, являющейся интегративной основой и для любого индивида, и для любой большой или малой социальной группы. При ее расколе, или разрушении происходит потеря личной идентификации, что ведет к деструктивным последствиям как на уровне личности, так и на уровне коллектива. Потерю личной идентичности можно рассматривать в традиционном ключе как проявление психического нездоровья социума на всех уровнях социальной психики: утрачиваются идеалы, смысл, цель существования, т.е. теряется образ желаемого будущего, происходит негативация прошлого и как следствие, разрушение исторической памяти, что вызывает изменения в образе «МЫ» социума.

Если эту проблему рассматривать с феноменологической точки зрения, то в этом аспекте утрата идентификации проявляется как потеря

способности вести себя так, чтобы реакции внешнего мира соответствовали твоим ожиданиям и намерениям. Человек видит, что мир перестает реагировать на его действия адекватным образом. Таким образом, человек как бы перестает отражаться в зеркале социального мира. В результате он становится неузнаваемым для самого себя. Такое состояние порождает чувство неуверенности, тревожности, психосоматические синдромы, острые депрессии и психозы (Г. Гарфинкель).

На утрату личностной идентификации можно взглянуть и со структурной точки зрения, тогда она появляется как несоответствие поведения нормативным требованиям социальной среды. Идентификация формируется в процессе социализации и может быть утрачена по двум причинам: в результате кардинальных психических изменений и в результате значительных и быстрых изменений в окружающей среде. Как правило, идентификации институционализированы, т.е. взаимосвязаны с основными институтами, такими как семья, государство, экономика и проч. Поэтому резкое содержательное изменение или даже разрушение институтов, в которых были социализированы индивиды, вызывает массовую утрату идентификации.

В подобных координатах возможно объяснение зыбких или многоликих идентичностей, свойственных как представителям европейской цивилизации, так и периферийных образований, поскольку и те и другие живут по новым, до конца не осмысленным законам современности. Возникновение информационного общества, культуры Сети, эффекта детерриториализации, существование общества спектакля, актуализация рисков, разрушение традиционных ценностно-нормативных матриц и фабрикация новых символических, не обладающих достаточной незыблемостью, порождают личностные деидентификации, подвижность идентичностей в Сети и даже носителя новой личной идентичности или ее

отсутствия – «нового номада» (Ж. Атталли), кочевника нового мира. Является ли это прогрессивным развитием в структуре социальности или его мертворожденным дитя, покажет будущее.

Одной из главных интенций современности становится стремление социокультурных образований сохранить свою идентичность различными способами, крайними из которых являются сугубо монологичными – от жестких стратегий унификации до деструктивно-архаичных форм сопротивления. Нестационарность современности, перечисленные выше факторы, выраженная универсализация и замена под действием глобализационных процессов традиционных символических структур новыми, вызвали защитную реакцию социокультурных общностей. В ее основе лежит консолидация общностей и составляющих ее индивидов вокруг культурно-ценностной матрицы, которая на протяжении жизни многих поколений обеспечивала устойчивость и выживаемость данной общности. В силу этого, выход на авансцену мирового процесса этнических идентичностей как приоритетных, в силу их наиболее четко-определенной устойчивости, представляется закономерным ответом на постоянно видоизменяющуюся и структурно перестраивающуюся современную реальность. Зачастую в политической плоскости данный процесс приобретает подчас неконструктивную форму требования политических прав и свобод вплоть до создания государствовподобных образований теми этническими сообществами, которые до этого в истории не являли плоды государствоформирующей деятельности.

Этнос характеризуется существованием жестких культурных и социальных механизмов интеграции, которые обуславливают стремление личности видеть оправдание своего существования, основную ценность в своем растворении в сообществе. Архаичное представление о делении на «СВОИХ» отождествляющихся с добром, и «ЧУЖИХ», как воплощении враждебности, остается в основании этнокультурных идентичностей и

выплескивается каждый раз при конфликтных ситуациях. Особенно остро это деление проявляется при наличии угрозы уничтожения. Этнонациональные идентичности, образы СВОЕГО существуют только постольку, поскольку существуют ДРУГИЕ, так что восприятие народами друг друга осуществляется через призму сложившихся этнокультурных стереотипов. Как правило, под этнокультурными стереотипами понимают обобщенное представление о типичных четах, которые характеризуют тот или иной народ. Существование таких стереотипов – несомненный факт. «Французская галантность», «немецкая аккуратность», «русское авось» – эти выражения являются воплощением известных этнокультурных стереотипов. Целесообразно провести различие между автостереотипами – представлениями людей о своем народе и гетеростереотипами, относящимися к другим народам. Оба эти вида этнокультурных стереотипов укореняются в массовом сознании в качестве общепринятых традиционных взглядов. Как правило, гетеростереотипы более критичны, чем автостереотипы, что служит источником национальных предубеждений и предрассудков. Встречаясь с представителями иного народа, люди имеют естественную склонность воспринимать их с позиции своей культуры. Непонимание их языка, символики жестов, мимики и других элементов их поведения ведет к искаженному истолкованию смысла их действий, что легко может породить целый ряд негативных чувств: настороженность, презрение, враждебность, ксенофобию.

Структурная перестройка современного социального пространства потребовала новых, отличных от традиционных, алгоритмов взаимодействия между различными этническими идентичностями. Конечно, можно говорить о прогрессе в национальных отношениях, о стремлении к диалогу, однако прогресс не задан людям, он является результатом их напряженных стремлений к достойной жизни. Прогресс не

исключает постоянной возможности в моменты кризиса возврата к архаичным, более устойчивым ценностям. Отсюда можно проследить опасную тенденцию общей дегуманизации мира из-за архаизации этнонациональных отношений, в основании которой лежат две основные причины: 1) навязывание, посредством глобализационных стратегий новой системы ценностей, 2) быстрый динамизм современной социальности.

Незападные социокультурные образования согласно вызово-ответной логике должны формулировать свою стратегию адаптации и развития исходя из качественно новых, внеположенных им импульсов, испускаемых западной цивилизацией. Однако отмеченный амбивалентный характер процесса глобализации проявляется и внутри самой уникальной, а не универсальной (С. Хантингтон) западной цивилизации и прежде всего, что парадоксально, в странах Европейского Союза. Речь идет об интенсивном процессе поиска возможностей сохранения своей социокультурной идентичности как на национальном, так и на локальном уровнях, когда последний (региональный и территориальный) становится определяющим. Детерминирующий характер территории и регионы приобретают в силу того, что локальное управление является наиболее традиционным, так как сохраняет социальный порядок. Решение поставленного вопроса актуально для самого центра Европейской цивилизации, также находящегося в нестабильном состоянии вследствие целого комплекса причин⁸⁰: необходимость блокирования притока западных мигрантов, последствия выноса материального производства на периферию, виртуальность экономики, превращающей многие ранее казавшиеся онтологически незыблемыми материальные феномены и

⁸⁰ Об этом см.: *Валлерстайн И.* Глобализация или переходный период? // *Экономические стратегии.* 2000. № 2.

процессы в симулякры, кризис государства благосостояния по многим параметрам и проч.

Амбивалентность современного мирового процесса, отмеченные сюжеты влекут за собой актуализацию проблемы сохранения этнонациональной идентичности. Данная проблема является и разрешается по двум основным координационным полям: 1) по линиям межцивилизационных разломов и контактов (прежде всего по оси Запад – неЗапад), 2) по линиям внутрицивилизационного напряжения и конфликтов. Национальные и культурные идентичности внутри одной цивилизации, (это касается и западной) также нуждаются в охране, ибо гомогенность Западного мира не является непреложностью, а глобализирующее влияние настолько явно, что идентичности все более и более локализируются.

Создание Европейского Союза как единого политического пространства заставило с большей остротой, с жизненно важной значимостью почувствовать европейцев представителями тех или иных регионов. Уже не столько важно француз ли ты или немец, гораздо важнее – парижанин или авиньонец, баварец или саксонец. Подобная актуализация региональной идентичности остро поставила вопрос об ее обеспечении на уровне территорий, находящихся в поиске способов подтверждения своей легитимности.

С другой стороны, факт необходимости совместного сосуществования с огромными анклавами, принадлежащими к иным Большим традициям, заставляет переосмысливать идеологию и практику подобного бытия, порождая как различные варианты теоретических и идеологических конструкций, так и попытки институционализации подобных взаимодействий.

Достаточно часто в качестве спасительного рецепта предлагается результат развития европейской публичной политики – нации как согражданства.

Однако в условиях современности следует констатировать ряд причин, препятствующих возникновению нации. Речь идет, во-первых, об отсутствии однородного культурно-ценностного поля в современном обществе и в горизонтальном (наличие разновозрастных этносов и нехрономерно-нелинейного протекания социальных процессов), и в вертикальном (разрыв между культурами различных социальных групп как внутри каждого общества, так и по линии «глобальное – локальное») срезах. Во-вторых, ослабевание позиций государств-наций, размывание государственного суверенитета, замена публичной власти непубличной, прозрачность границ и атопичность современности также требуют переосмысления традиционного принципа согражданства. Вполне может быть, что большинство современных «потенциальных наций» (Б. Андерсен) трансформируются в иные формы социальной коллективности. В-третьих, для существования нации как «продукта работы конституции в теле этноса» (М. Мамардашвили) и национальной идентичности в качестве основополагающей требуется длительный путь развития гражданских и правовых традиций, свойственных западной цивилизации. В нынешних условиях совместного сосуществования больших групп людей, принадлежащих к различным культурным традициям, на одной территории это становится проблематичным. Даже принцип «американского плавильного котла» перестал справляться с задачей через гражданскую идентификационную характеристику сплачивать общество в целостность.

Данную проблему можно рассматривать и под другим углом зрения. Опыт и результаты развития незападных обществ в результате экспансии европейской цивилизации можно осмысливать и в рамках теории

конгломератной внутренней организации (А. Богатуров), поскольку подобные социумы включают в себя более архаичные анклавные «традиционного» и более новые анклавные современного. Эти анклавные соприкасаются и взаимодействуют между собой, но не сливаются в единое целое с гомогенными свойствами, в противовес заявляемой стратегии необходимого уподобления авангарду современной международной политики и экономики. Анклавные устойчиво воспроизводятся и равнополагаются друг другу, поскольку на протяжении исторически длительных периодов они востребуются обществом.

Конгломератные общества можно рассматривать как результат иммунного конструктивного ответа традиционных обществ на импульсы модернизации, в ряде случаев достаточно агрессивные: колонизация, реформы «сверху» и проч. То, что требовалось для жизнеобеспечения, было замкнуто в анклав традиционного, то что было привнесено, – помещено в другой современный анклав, поскольку было уже необходимым и начинало интериоризироваться⁸¹.

Немного в иной плоскости находится феномен, который принято называть поликультурными обществами. Процесс детерриториализации этничности сопряжен и с тем, что на этнические группы, состоящие из иммигрантов, приходится все более значительная часть населения экономически развитых стран. Поведенческие, нравственные и ментальные стандарты подобных анклавов существенно отличаются как от норм страны проживания, так и от тех, что приняты на их исторической родине. В современном обществе возникает «фабрика идентичностей», через которую проходят не только иммигранты, но в значительной мере и граждане принимающих стран. Это уже не «диалог культур», стороны которого воплощают собой неизменные сущности, а

⁸¹ Об этом см. подробнее: *Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: варианты сберегающего обновления // ПОЛИС. 1999. № 4.*

культурное взаимопроникновение, диффузия, изменяющая облик всех участников взаимодействия.

Постепенный уход в прошлое государств-наций и проникновение больших цивилизационных групп на ранее закрытую для них область иной культуры заставили и Европу искать рецепт совместимости часто несовместимого. С одной стороны, этот рецепт предлагает растворить проблему различных этнических групп в Большой Европе, с другой – разрабатывается политика мультикультурализма, направленная на то, чтобы институциональным путем на правовой основе урегулировать принципы совместного бытия групп, принадлежащих к различным Большим традициям. Новым является использование сетевых матриц – студенческие и научные обмены, туризм, Интернет, дискуссии о культурных ценностях, которые играют роль самоорганизующегося катализатора стремления к конструктивному единству.

Однако существуют и далеко не такие благостные тенденции, а, наоборот, способные вызвать деструктивный сценарий развития событий. При все возрастающем отрыве от пространственного опосредования, большая часть людей продолжает рождаться и жить в закрытых анклавах национальных государств, этносов, кланов, других групп, образованных по принципу родства, или единой судьбой. Это ведет к различию основополагающих ценностей, полярным интерпретациям соотношения коллективного и личного, что определяет специфические модели поведения и мировидения. Преодоление архаичной оппозиции «свои – чужие» в таких обществах может занять очень длительное время, особенно в условиях глобальных стратегий. Когда этнические идентичности вооружаются идеологическими и религиозными абсолютами, ситуация усугубляется, и на поверхность, особенно по линиям конфликтов, межкультурных и цивилизационных разломов поднимаются наиболее архаичные формы поведения: ксенофобия, фундаменталистские

идеологии, терроризм, замыкание на авторитарную политическую систему и т.п.

Итак, современные реалии ставят проблему идентичности в ряд наиболее фундаментальных, адекватное решение которой позволит избежать деструктивных вариантов общественного развития.

Российская цивилизация также сталкивается с данным вызовом XXI века и вопрос ее выживаемости напрямую зависит от осмысления этой проблемы и поиска адекватного ответа. Во многом ответ зависит от того, насколько сможет найти свой конструктивный ответ именно русский этнос.

Проблема самоощущения русских в российском государстве может быть рассмотрена в ряде ракурсов, каждый из которых является производным от проблемы определения идентификационных параметров бытия русского этноса в качестве государство- и цивилизациобразующего. Учитывая данную основополагающую характеристику, следует оговориться о методологическом признании за российской цивилизацией такого атрибута, как многоэтничность, что неизбежно накладывает отпечаток на самосознание и самоощущение всех этносов, входящих в единое, внутренне нехрономерное и гетерогенное поле российского социума.

Современные реалии переустройства всего социального мира, политические тренды свойственны и современной России. Прежде всего речь идет о размывании идентичности в современную эпоху (З. Бауман), о возникновении новых социальных идентичностей, подчас вступающих в противоречие с традиционным этническим самосознанием, с усилением локальных и региональных идентичностей в ущерб идентичностям более широкого порядка. Эти и подобные им процессы не могли не отразиться на социально-психологическом самочувствии представителей русского

этноса, оказавшегося в точке пересечения двух разнонаправленных процессов. С одной стороны – разрушение, если не сказать крах, устойчивых характеристик бытия под влиянием внутренних событий, с другой – внешние объективные тенденции видоизменения традиционных форм идентичностей.

Данная проблема и фиксация ее на уровне социально-психологического самочувствия может быть рассмотрена в параметрах внешнего и внутреннего структурирования идентичностных координат русского этноса как входящего в полиэтническую российскую цивилизацию. К подобным координатам следует отнести не только ценностно-культурные основания, обретающие свое бытие в архетипических, поведенческих и идеологических стандартах, но и основания институционального порядка. Как правило, идентификации связаны с общественными институтами, разрушение, неопределенность или размытая легитимность которых влекут за собой негативные последствия на уровне социальной психологии.

Среди внутренних параметров едва ли не самой важной представляется проблема общероссийской национальной, понимаемой как общей для всех ее граждан, идентичности, которая является наиболее многозначной и многоаспектной из всех, определяющих российскую специфику. Исходя из отсутствия однородного культурно-ценностного поля в российском обществе как в горизонтальном (наличие разновозрастных этносов), так и в вертикальном (разрыв между культурами различных социальных групп) срезе, а также ярко выраженной государственно-державной идентификации, исследования общероссийской национальной идентичности не могут не концентрироваться в двух сферах – культурной и политико-государственной.

Можно согласиться с мнением Э. Паина, что «жители России, даже те из них, кто безоговорочно идентифицирует себя с единой российской

гражданской общностью, не готовы отождествить себя с российской нацией»⁸², поэтому при ответе на вопрос об их национальной принадлежности большинство отвечает о своей этнической принадлежности. Не случайно, согласно исследованию Института комплексных социальных исследований РАН «Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998–2004 гг.)», проведенному в сотрудничестве с Фондом Ф. Эберта, с россиянами отождествляют себя вдвое меньше респондентов, чем с людьми своей национальности. Закономерность данного положения подтвердил и ответ на другой вопрос, задаваемый в ходе данного исследования: «Как бы Вы ответили на вопрос о том, кем лично Вы ощущаете себя, если бы Вас спросили об этом, скажем, в Киеве?». 46,8% опрошенных сказала, что назвала бы себя русскими, 2,7% – другой национальности. При этом гражданами России готовы были себя назвать лишь 40,0%⁸³. Интересно, что в исследовании, проведенном тем же институтом 5 годами ранее, доля назвавших бы себя русскими практически такая же (47%), а ощущавших себя гражданами России – 36%⁸⁴. Это свидетельствует о некотором восстановлении надэтнической идентичности по сравнению с предыдущим периодом.

В условиях элиминации скрепляющих надэтнических принципов общероссийской национальной идентичности: династической («сонм народов, скрепленных династией»), имперской, идейно-политической, советской, – произошла актуализация региональной этнической идентичности как основывающейся на более архаичных, а потому более устойчивых основаниях. Это является закономерным процессом, поскольку человеку необходимо опираться на что-то, что помогает ему

⁸² Паин Э.А. Динамика национального самосознания россиян // *Этнопанорама*. 2002. № 1(10). С.10.

⁸³ *Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998–2004гг)*. М., 2004. С. 64.

⁸⁴ *Россия на рубеже веков*. М.: РНИСиНП, РОССПЭН, 2000. С. 223.

ориентироваться в мире, и в подобной ситуации этническая культура представляется тем незыблемым в течение столетий образованием, которое остается непоколебимым в условиях дестабилизации и растворения политических, идеологических и институциональных характеристик.

В наибольшей степени эта тенденция оказалась свойственна нерусскому населению в силу целого комплекса причин. Во-первых, нерусские этносы являются не основными цивилизациобразующими, однако вовлекаемыми в орбиту такового, как следствие, обладающими более четко выраженными этническими традициями. Во-вторых, в силу своей малочисленности (по сравнению с русскими) они сохраняли традиционно-этническую идентичность в качестве инструмента поддержания существования и выживания общности. В-третьих, чаще всего данные этносы компактно проживают на своей исторической территории (20% нерусского населения занимают почти 50% площади России), что также способствует усилению этноконсолидационных механизмов. В-четвертых, вероятно сыграли определенную роль исторические императивы российской цивилизации «сколько малых культур в себя Россия вобрала, столько сохранила» (М. Карамзин). Согласно данным, приводимым Э. Паиным со ссылками на результаты социологических опросов, проведенных в 1999 г. в двух русских областях (Оренбургской и Магаданской) и в четырех республиках (Татарстане, Башкортостане, в Якутии-Саха и Северной Осетии-Алании) сотрудниками института Этнологии РАН под руководством проф. Леокадии Дробижевой, 82% респондентов из этой этнической общности «никогда не забывают о своей национальности». У якутов эта доля составляет до 70%, у татар и башкир – до 60% (причем исследователями зафиксирована восходящая динамика данных самоидентификаций). Одновременно социологические

опросы фиксируют усиление региональной идентичности среди нерусского населения⁸⁵.

Кроме отмеченных собственно социально-культурных предпосылок, следует отметить политические факторы, способствующие усилению и преобладанию этнической идентичности среди нерусского населения. Речь идет не столько о «параде суверенитетов», выдвинутом в качестве парадигмы этнической политики в эпоху Б. Ельцина, или о стремлении национально-региональных элит к обособлению, сколько о более глубоких и сущностных процессах. Во-первых, о приложении западного опыта национально-гражданского строительства «каждой нации – свое государство», что, как показала практика, в условиях самобытности российской цивилизации оборачивается фатальными последствиями. В этой связи важно отметить еще и тот момент, что многие сторонники подобной политики в России, кто по злему умыслу, а кто и не ведая, что творит, «свято уверовав» в благость и гуманизм западного пути построения национальной идентичности, полностью игнорировали азбучную истину, что западные образцы формировались в конкретных исторических и культурных условиях и не являются универсальными, пригодными в одинаковой мере для всех эпох и народов. Одни и те же образцы в различных условиях дают различные результаты, порою прямо противоположные. Еще И.А. Ильин писал, что «механическое заимствование у других народов сулит нам добра меньше, чем когда-нибудь; и только те из нас, которые потеряли живое чувство России или, может быть, никогда не имели его, которые не видят, а может быть, никогда не видели ее своеобразную проблематику (духовную и религиозную, психологическую и национальную, политическую и

⁸⁵ Паин Э.А. Динамика национального самосознания россиян // *Этнопанорама*. 2002. № 1(10). С. 11

хозяйственную), могут думать, что Россия спасается какой-нибудь новой слепой формой западничества»⁸⁶.

Во-вторых, следует отметить, что кризис национальных государств в условиях видоизменения социально-политической матрицы современности, возникновения эффектов транснациональности и атопичности как ее атрибутов, появление новых субъектов политического процесса привело к возможности возникновения политических образований, не носящих необходимых признаков государства (квазигосударственные образования), однако претендующих на статус политического актора. В данном контексте вопрос об эффективности подобных образований остается за скобками, поскольку в большей мере, с одной стороны, служит удовлетворению амбиций национальных элит (подтверждение данной тенденции – приоритетное значение родственных и этнических отношений как характерной черты элитных кланов национальных регионов, что для «русских областей» нехарактерно)⁸⁷, с другой – обеспечивает видимость институционального оформления этнических идентичностей.

А как же ощущают себя русские? Как свидетельствуют исследования ИКСИ РАН «Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998–2004 гг.)», национально-этнический фактор в системе идентификаций русских оказывается гораздо важнее, чем гражданский. Кто же может считаться русским, при условии не только численного доминирования данного этноса, но и при учете его доминирующей цивилизационной роли? 40,9% респондентов считают, что русским можно считать того, кто воспитан в русской культуре и считает ее своей, 37,8% – того, кто любит Россию, 29,3% – того, кто считает себя русским. 26,3% – того, чьи родители русские, 10,4% – православного,

⁸⁶ Ильин И.А. *Творческая идея нашего будущего*. Соч. в 10 т. М., 1993-1999. Т. 7. С. 454.

⁸⁷ *Самые влиятельные люди России- 2003. М. 2004. С. 59.*

9,9% – того, кто русский по паспорту, 6,1% – того, кто говорит по-русски, 3,4% – затруднились ответить. Таким образом налицо существенное доминирование культурного, а не религиозного, гражданского или языкового принципов идентификации. Данная тенденция свидетельствует о глубинных самобытных социокультурных основаниях последней⁸⁸.

Следует отметить, что актуализация этнической принадлежности русских скорее как ответ на регионализацию нерусских этничностей в ходе распада Советского Союза, а не была магистральным процессом. Однако нельзя исключать возможности использования русскими этнизации как в условиях неблагоприятных для них социальных сдвигов, прежде всего в сфере демографии. Наблюдаемый в последнее время рост националистической активности против нерусского населения обусловлен именно негативными тенденциями, угрожающими основным параметрам бытия русского населения. Наметившаяся тенденция, приобретающая ангажированную окраску как в СМИ, так и в определенных идейных и общественных кругах, показывает возможный сценарий развития, если при выработке конструктивной государственной политики не будут учитываться исторические основания русской идентичности, а также особенности сосуществования различных этносов в рамках российской цивилизации.

Следует отметить, что большинство русских – сторонники модели благожелательного этнического и конфессионального взаимодействия, являющегося императивной особенностью российского цивилизационного типа, сторонники традиционно толерантного принципа сосуществования

⁸⁸ *Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998–2004 гг.). М., 2004. С. 64.*

различных конфессиональных групп и отрицания религиозной нетерпимости как этнодифференцирующего признака⁸⁹.

Что касается проблемы воздействия внешних импульсов на российскую идентичность, то неопределенная структура мира, характеризующаяся размыванием традиционных идентичностей и распылением властного ресурса между разноуровневыми субъектами, политическое, культурное, этническое, цивилизационное разнообразие должны прийти к упорядочиванию, общим основаниям.

Сегодня мир предстает не просто привычной совокупностью стран и иерархически выстроенной системой государств, но и многомерным глобальным сообществом, своего рода архипелагом, отдельные острова которого связаны друг с другом многочисленными формальными и неформальными связями⁹⁰.

Общемировые тенденции фиксируют мощную актуализацию локальных идентичностей на месте традиционных. Современный мир, рождающийся в ходе трансформационных процессов нашего времени, «трагически не един». И дело не только в наличии различных политических акторов, но и в колоссальном разнообразии культурных идентичностей, включенных в процесс создания целостного мира и вынужденных искать нетрадиционные формы сохранения своих самобытностей.

Гуманитарное знание в этой области вступает в интеллектуальное и политически-имплекативное противоречие с идеологией. Обществознание признает, что мировое развитие идет не к унификации культур, не к механическому повторению всеми заданного пути, а к культурному, социальному и политическому разнообразию. Идеологические подходы

⁸⁹ Мчедлов М.П., Гаврилов Ю.А., Кофанова Е.Н., Шевченко А.Г. Вероисповедные различия в социальных ориентациях // СОЦИС. 2005. № 6. С. 62.

⁹⁰ См: Тренин Д. Третий возраст: российско-американские отношения на пороге XXI века // Pro et contra. Весна 2000. Т. 5. № 2. С. 8.

настаивают, что в современном мире изменения не подчиняются закономерностям, они зависят от воли людей, а основной стратегией развития незападных социокультурных образований является следование западному образцу – переход от традиционных форм бытия к современным.

Стягивание мира в единую, внутренне противоречивую целостность поставило проблему культурных различий. Процесс детерриториализации этничности сопряжен также и с тем, что на этнические группы, состоящие из иммигрантов, приходится все более значительная часть населения экономически развитых стран. Поведенческие, нравственные и ментальные стандарты подобных анклавов существенно отличаются как от норм страны проживания, так и от норм, которые приняты на их исторической родине. В современном обществе возникает «фабрика идентичностей», через которую проходят не только иммигранты, но и граждане принимающих стран. Это уже не «диалог культур», стороны которого представляют собой неизменные сущности, а культурное взаимопроникновение, диффузия, изменяющая облик всех участников взаимодействия.

Постепенный уход в прошлое государств-наций и проникновение больших цивилизационных групп на ранее закрытую для них область иной культуры заставили Запад искать рецепт совместимости часто несовместимого. С одной стороны, этот рецепт предлагает растворить проблему различных этнических групп в интеграции всех европейских народов, с другой – разрабатывается политика мультикультурализма, направленная на то, чтобы институциональным путем на правовой основе урегулировать принципы совместного бытия групп, принадлежащих к различным традициям, поскольку наличие внутри иных цивилизационно-культурных общностей является мощным вызовом Западу как социокультурной общности. В подобном ракурсе ставится под

вопрос будущее традиционной Европы, что не может не сказываться на идентификационных процессах в России.

Глобальные политические трансформации не могут не сказываться на самосознании и самоощущении государствообразующего русского этноса. Это может рассматриваться как одна из причин опережающего формирования в России локальных идентичностей по сравнению с общегражданскими. Стратегические цели не способны не только реализовываться, но даже выноситься на повестку дня, превалируют сиюминутные настроения, не определяется образ будущего как нормативный. Так, в качестве наиболее значимого приоритета для русских определяют «повышение качества и уровня жизни» 91,1% опрошенных, вне зависимости от идейно-политических ориентаций⁹¹

Особую актуальность для России приобретает и другая глобальная тенденция: когда государство – одно из политико-институциональных оснований идентичности – под влиянием современных тенденций (если оставить в стороне внутреннее ослабление данного политического института) начинает размываться. При этом социокультурная специфика такова, что «государство в России должно обладать смыслополагающей функцией. Функцией исторического целеполагания... Государство выступает не как чисто функциональный институт, но еще как инстанция, задающая «соборное» понимание того, что именно мы делаем и куда движемся. Нашему населению (обществу) важно, чтобы государство указывало на определенную систему смыслов и целей. Это национальное сознание имеет глубокие исторические корни»⁹².

В силу исторических и социокультурных факторов не может не признаваться ролевой идея сильной государственности –

⁹¹ Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998–2004 гг.) М., 2004. С. 99.

⁹² Андреев А.Л. Чего хотели либерал-демократы? // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. Выпуск № 6. М., ФРПЦ, 2000. С. 70.

консолидирующая и мобилизующая. Во-первых, чем большая территория подчинена единой власти, тем сильнее и авторитетнее должна быть эта власть; во-вторых, чем больше население, тем труднее достигается политическое «единодушие и единоволение»⁹³; в-третьих, «кровь и язык, вера и быт, хозяйственный уклад и культурный уровень – дифференцированы в России в высочайшей степени, поэтому государственное единство возможно только при наличии сильной и мудрой власти»⁹⁴; в-четвертых, чем сложнее национальная, культурная, хозяйственная и международная проблематика страны, тем необходимее сильная власть, так как только она может решить государственные задачи страны, в-пятых, чем ниже уровень народного правосознания, тем труднее слабой власти справиться со своим политическим предназначением.

Согласно социологическим исследованиям, образ российского государства несет на себе значительную этнонациональную и этнокультурную нагрузку. В ситуациях, связанных с государством, «русское» неявно сливается, особенно за рубежом, с «русским», и наоборот, – русскость представляет собой синоним российского. При этом большинство русских не ищет особых преимуществ, хотя снять с себя ответственность за государство они не хотят. Так, 48,7% русского населения страны в 2000 году считало, что «все народы равны, но президентом пусть будет все-таки русский». При этом 51,3% в данном отношении достаточно индифферентны⁹⁵. В 2004 году цифра опрошенных, отрицательно отнесшихся бы к нерусскости президента, составила 58,1% против 44,9% в 1998 году⁹⁶.

Неустойчивость современной общегосударственной идентичности во многом связана также тем, что значительное количество населения

⁹³ Ильин И.А. *Наши задачи. Соч в 10-ти т. М., 1993-1999. Т. 2. Кн. I. С. 406.*

⁹⁴ Ильин И.А. *Указ. соч. С. 408.*

⁹⁵ *Россия на рубеже веков. М., 2000. С. 225.*

⁹⁶ *Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998-2004 гг.) М., 2004. С. 96.*

нынешнее государство воспринимает как не вполне легитимное, скорее как временное, как образование с искусственно урезанной территорией, которое со временем должно трансформироваться. 28,4% респондентов считают, что «Россия должна остаться самостоятельным государством, ни с кем не объединяясь»⁹⁷. Однако эта же тенденция может восприниматься как внутренняя потребность к созданию сильного государства.

В условиях необходимости определиться в своем отношении к Европе, русский этнос, как всегда, находясь на перепутье, в периоды самоопределения и поисков адекватного своей социокультурной специфике пути развития (как бы ни было печально, но это привычное состояние) ставит перед собой с особой остротой неизменные вопросы: «что делать?», «куда идет Россия?», «какими должны быть взаимоотношения с Западом?». Из вышеупомянутого исследования 2004 года следует, что вроде бы в культурно-психологическом плане Запад воспринимается как более близкое образование, чем Восток (58% против 16%), однако это отношение несет на себе особый отпечаток: «Россия выступает как вполне самостоятельная цивилизационная и геополитическая величина, – как вторая Европа»⁹⁸. Та же тенденция наблюдается и в отношении к Евросоюзу, чьи достижения и проблемы оставляют равнодушными 40% опрошенных. Таким образом, идея вхождения России в Евросоюз не пользуется популярностью и в качестве стратегического проекта практически не присутствует в идейно-политическом поле (1–2%)⁹⁹.

Социально-историческая онтология российской цивилизации предопределяет и рамки колебания российской, в частности русской, идентичности. Эти рамки представляются инвариантными даже в кризисных состояниях, в силу их атрибутивности самому социальному

⁹⁷ Там же. С. 98.

⁹⁸ Там же. С.105.

⁹⁹ Там же.

бытию русского народа. Однако, отмеченные внутренняя дестабилизация и объективные общемировые тенденции, размывающие традиционные идентичностные формы, актуализируют необходимость выработки определенных экономических, социокультурных и политических стратегий выживания русского этноса.

Построение долгосрочных проектов, позволяющих если не решить, то хотя бы «амортизировать» проблему, в современных условиях кажется не вполне осуществимым. Целесообразным представляется артикуляция целей, вытекающих из цивилизационного статуса России и ее возможностей как «самоорганизующейся системы», способных совместить происходящие мировые тенденции, и поддержание внутренней самобытности.

ГЛАВА 8.

ВЫЗОВ ТОЛЕРАНТНОСТИ: РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Исследование реальности «Большой длительности» – это всегда попытка найти место политическому или социальному явлению в широком и глубоком полотне социальной ткани, проследить диалектику общего и особенного, что возможно при условии фиксации «квзинеподвижной истории» (Ф. Бродель) и тенденций, воспроизводящихся длительное время. Однако, что делать сейчас, когда «судя по всему мир вовсе вышел из под контроля, – мир ускользает из рук»¹⁰⁰.

В данной ситуации даже проверенный нормативный путь или сравнение степени соответствия организации политической и культурной жизни определенному эталону перестают быть адекватными, потому как сами эталоны теряют свою незыблемость даже в общественном сознании.

Современные трансформационные процессы, переустройство самого качества социального ставят проблему нахождения своего места в новом, нестационарном мире, затрагивают все уровни человеческой организации: от личности до цивилизации, заставляя предпринимать попытки поиска оптимальных стратегий выживания в изменяющихся координатах. Причем эти координаты меняются так быстро, что даже «...указатели поставлены на колеса и имеют дурную привычку исчезать из вида, прежде чем вы успеете прочитать то, что на них написано, осмыслить прочитанное и поступить соответственно»¹⁰¹. Происходящее переустройство мирового социально-политического континуума представляется едва ли не самым значительным вызовом различным обществам, поскольку в силу своего

¹⁰⁰ Гидденс Э. *Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь.* М., 2004. С. 18.

¹⁰¹ Бауман З. *Глобализация. Последствия для общества и человека.* М., 2004. С.113-114.

качественного отличия от предыдущих трансформаций и непредсказуемости способно привести если не к уничтожению, то, по крайней мере, к трагическим деформациям существующих социокультурных и государственных образований.

Актуализация проблем этно-конфессиональных идентичностей является закономерным ответом на потерю традиционных оснований структуризации социально-политического континуума. Социокультурные образования, как западные, так и незападные, вынуждены обращаться к тем критериям устойчивости, которые доказали в течение длительного времени свою роль в обеспечении их сохранения и выживаемости. Наиболее стабильной является цивилизационная устойчивость, позволяющая цивилизациям создавать тот мощный фундамент, параметры которого переживают менее долговечные политические и экономические образования, а также сохраняют свои сущностные характеристики в условиях видоизменения внешних параметров бытия. Неслучайной представляется в этой связи актуализация цивилизационного подхода, позволяющего теоретикам современности говорить о цивилизациях как субъектах исторического и политического процесса, а также поиски особенностей манифестаций Больших традиций в современных социально-политических трендах.

Устойчивость российской цивилизации, также как и любой другой, поддерживается приверженностью большинства населения к сохранению своих культурных ценностных представлений, своей концепции бытия. Уникальность российской цивилизации состоит в том, что этносом, образующим как саму цивилизацию, так и государство как форму ее упорядочивания, выступает русский этнос. Более того, российская цивилизация немислима без объединительной и смыслообразующей роли русского языка, позволившего в современных условиях породить феномен, названный Президентом РФ В.В. Путиным «Русским миром».

В свое время ареал французской культуры, ее роль локомотива европейской цивилизации позволила Антуану де Сент-Экзюпери говорить о «аромате Франции, сиянии Франции»¹⁰². То же можно сказать и о русской культуре, своим ароматом притягивающей многие народы в свою орбиту, ибо нет России без добровольного союза исконных этноконфессиональных общностей, традиционно живущих на ее территории. Поэтому и не с русского, а «с российского народа необходимо начинать разговор о Русском мире»¹⁰³.

Даже в самом общем плане разнообразие выступает необходимым условием развития, поэтому полиэтничная основа российской цивилизации, состоящая из физически и социально-исторически разновозрастных этносов, населяющих Россию, представляет собой залог выживаемости России. (Неслучайно сегодня, под влиянием интенций мирового развития, в американском обществе происходит переход от стратегии «национального плавильного котла» к политике «миски с салатом» для учета манифестирующего и заявляющего о своих правах этно-культурного многообразия).

В России, на цивилизационном фундаменте которой сохранились все автохтонные общности, включая самые малые, существует содружество народов с глубокими этническими и историческими корнями, привязанностью к определенной территории, имеющих в ряде случаев традиции самостоятельного государственного развития. «Россия – не Европа, но и не Азия, и даже не Евразия. Это просто – Россия. Совершенно своеобразный национальный и государственный комплекс, одинаково четко отличающийся и от Европы, и от Азии»¹⁰⁴. Может быть и в силу этого, сегодня России (еще только Испании, Франции и Китаю) удалось породить «мир», в данном случае «Русский», –

¹⁰² Сент-Экзюпери А. Де. Избранное. М., 1987. С.341–342.

¹⁰³ Тишков В. Русский мир: смысл и стратегии // Стратегия России, 2007. № 7. С. 22.

¹⁰⁴ Солоневич И.А. Народная монархия. Мн.: Лучи Софии, 1998. С. 15

«трансгосударственное и трансконтинентальное сообщество, которое объединено своей причастностью к определенному государству и своей лояльностью к его культуре»¹⁰⁵.

Как известно, ни одно устойчивое социокультурное образование не может существовать без религиозно-этических систем, подпитывающих культурную матрицу. В российской традиции цивилизационная устойчивость может быть интерпретирована и как сосуществование различных конфессиональных традиций. Определение российской цивилизации как православной кажется не вполне достаточным, хотя, безусловно, с православием ни одна религия не может конкурировать по силе и степени влияния на историю и культуру России. Нельзя не признать вклад других религиозных традиций (ислама, иудаизма, буддизма, протестантизма, национальных религий), что свидетельствует о взаимовлиянии и взаимообогащении, совместном создании и защите общих ценностей и государственных структур в едином географическом, политическом, экономическом и духовном пространстве. Это формирует чувство сопричастности к единой исторической судьбе, архетипические представления, общие для сознания различных этноконфессиональных общностей. Существование в поле российской цивилизации религий, самих по себе имеющих цивилизациобразующий статус¹⁰⁶, уже является свидетельством и атрибутом более глубокой субстанциальной сущности.

Насколько такое проверенное временем устройство способно поддержать цивилизационную сущность России в современных условиях? Ведь Россия, также как и другие социокультурные и политические образования, испытывается на выживаемость под воздействием двух пересекающихся потоков импульсов: внутренних и внешних.

¹⁰⁵ **Тишков В.А.** *Русский мир: смысл и стратегии* // *Стратегия России*. 2007. № 7. С. 23.

¹⁰⁶ *Выделение цивилизаций по религиозному основанию в общественном сознании связано с именами И. Данилевского, А. Тойнби, С. Хантингтона. Особую значимость подобный подход приобрел в последнее время в связи с актуализацией религиозных различий в культурном и политическом планах.*

Экономические, политико-идеологические трансформации последних 15 лет привели в России к видоизменению привычных ориентиров, поэтому естественным представляется выход на первый план тех ценностно-смысловых структур, которые представляются наиболее устойчивыми, выдержавшими проверку в течение не одного столетия. Одним из подобных аттракторов общественных исканий и стала религия, особенно в той своей ипостаси, которая становится основанием культурных традиций. Неслучайно количество приверженцев конкретных конфессий в России больше, чем верующих в Бога. Таким образом, идентификация с определенным религиозным течением выступает скорее как приверженность культурно-цивилизационному основанию, чем доктринальным убеждениям.

Внешнее воздействие на устойчивость российской цивилизации определяется прежде всего тем, что неопределенная структура современного мира, размывание традиционных идентичностей и распыление властного ресурса между разноуровневыми субъектами инициирует поиски новых форм упорядочивания для политического, культурного, этнического, религиозного, цивилизационного разнообразия. Стягивание мира в единую, внутренне противоречивую целостность акцентировало проблему культурных и религиозных различий до состояния горящего факела. Стремление социокультурных формирований защитить свою самобытность, колоссальные массы детерриториализированных мигрантов, размывающих автохтонные идентичности и видоизменяющих внутреннюю гомогенность уступающих свое доминирующее положение государств-наций, появление новых универсальных идентичностей заставляют российскую цивилизацию, наряду с другими, искать рецепты поддержания устойчивости.

Включение в общемировые процессы незападных социокультурных образований, их объективно-насильственное

встраивание в глобальный мир на основе монистического принципа, исходящего от субъектов глобального развития, порождает защитную реакцию, направленную на охранение своей самобытности, часто достаточно архаичными формами. Речь идет прежде всего о насильственных стратегиях (экстремизм, терроризм), связанных, с одной стороны, с культурно-цивилизационными, с другой – с политико-экономическими противоречиями. Причем достаточно часто нецивилизованные формы взаимодействия различных культур не только преодолевают пространственные границы, становясь глобально опасными, но также выступают в качестве манипуляторов в межгосударственном и внутригосударственном управлении.

Данная тенденция нашла свое объяснение в теории американского исследователя Д. Рапопорта о четырех волнах насилия применительно к пониманию терроризма: анархистской, антиколониальной, новой левой и наблюдаемой сегодня религиозной¹⁰⁷. Следует подчеркнуть, что названия волн отражают доминирующую, но не единственную особенность каждой из волн: национальный компонент присутствует во всех волнах. Международный характер, стремительное распространение и идеологическое обоснование каждой из волн насилия (сегодня – религиозной) обусловлено процессами глобализации и стягивания мира в единую целостность. Одновременно, апелляции к аутентичным религиозным ценностям являются следствием разочарования в модернизационных идеологиях и практиках. Экстремизм с религиозной окраской становится одной из доминирующих угроз, порождаемой неопределенностью современности.

Россия не может не испытывать на себе влияние подобных деструктивных процессов, происходящих в мире, однако в ее арсенале есть

¹⁰⁷ **Rapoport D.** *Generations and Waves: The Keys to Understanding Rebel Terror Movement.* UCLA International Institute, 2003// http://www.international.ucla.edu/cms/files/David_Rapoport_Waves_of_Terrorism.pdf

достаточно действенные средства противостояния разрушительным тенденциям, эксплуатирующим религиозную компоненту. Прежде всего, это традиционно высокий уровень межконфессиональной толерантности, присущий российской цивилизации. Так, по данным проведенного в 2006-2007 годах Центром «Религия в современном обществе» Института социологии РАН исследования¹⁰⁸, от 85 до 94% опрошенных высказались за неприемлемость насильственных методов в отношении лиц другой религиозной принадлежности, также как подавляющее большинство опрошенных не видят препятствий во взаимодействии с лицами, принадлежащими к другим мировоззренческим и религиозным традициям в различных сферах общественной жизни.

Однако, налицо целый блок негативных причин ценностно-культурного характера, обусловленный внешними и внутренними воздействиями, приводящий к расшатыванию и дискредитации традиционной культурной матрицы российского общества, таких как: агрессивная реклама, засилье примитивной масскультуры на телевидении, дискредитация отечественной истории и культуры в средствах массовой информации, дискредитация традиционных нравственных норм, дискредитация института семьи, распространение алкоголизма и наркомании и проч.

Навязывание народам России стереотипов поведения, ведущих к разрушению духовно-нравственных основ российской цивилизации, при одновременной дискредитации отечественной истории, культуры, традиционных религий и нравственных ценностей выступает в глазах населения как своего рода духовная опасность, порождающая ответные действия.

¹⁰⁸ Исследование проводилось в два этапа: 1 этап – среди населения, выборка 1500 человек, 2 этап – среди экспертов.

Падение нравственности и культурная деградация не могут не приводить к пустотам в общественном сознании, общественной психологии, и, как следствие, в поведении. Они начинают заполняться всевозможными суррогатами, легко воспринимаемыми, маскирующимися под собственно духовные.

Культурные нормы и ценности находятся в тесном, сложном и взаимоопосредующем переплетении, находя свое выражение не только в традиционных способах поведения или образе жизни, но и, а может быть и прежде всего, в языке. Язык – «дом бытия» (М. Хайдегер), когда начинает рушиться дом, его пытаются починить. В современной России русский язык рушится на глазах, «... а некоторые забыли и самый язык отечественный»¹⁰⁹. Эта угроза фиксируется и в озабоченности верховной власти «коррозией русского языка» (Д. Медведев). Элиминация смыслозначимых, несущих конструкций из языка, как следствие из культурной матрицы, порождает лакуны, которые нуждаются в заполнении. И заполняются они тем, что, с одной стороны, архаично, а с другой – не требует долгой рефлексии, проще говоря, «подделками», «клише», «мифами». Когда речь идет о религиозной сфере, эти суррогаты в сопряжении с инерцией религиозных систем и их апелляцией к эмоционально-психологической области человеческого бытия порождают явления, способные расшатать устои социальной стабильности. Среди них – угроза религиозного экстремизма, обозначившегося в последние годы, проникающего в различные углы российского общества и человеческого сознания и вклинивающегося в императивы мирного сосуществования различных конфессий.

Под религиозным экстремизмом можно понимать приверженность к крайним мерам в сфере межрелигиозных отношений, проявляющуюся в насильственных попытках приверженцев той или иной религии навязать

¹⁰⁹ Карамзин Н.М. История государства российского. В 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 46.

собственную систему религиозных воззрений и принудить к отречению от собственного религиозного мировоззрения, нередко с применением физического насилия. Методологически важно подчеркнуть, что собственно религиозный экстремизм всегда имеет доктринальные предпосылки, поскольку каждая религия утверждает свой абсолютный и всеобъемлющий характер. Однако доктринальная несовместимость далеко не всегда приводит к конфронтационным стратегиям сосуществования. История знает множество вариантов и способов мирного сосуществования различных конфессиональных общностей. Один из наиболее ярких примеров – российская цивилизация, атрибутом которой является полирелигиозный характер. Показательно, что в ходе упомянутого исследования 2006–2007 гг. представители всех сегментов экспертного сообщества (79,8%) высказались однозначно за возможность сотрудничества по конкретным проблемам, несмотря на доктринальную несовместимость различных религий и деноминаций.

Межрелигиозные конфликты в «чистом виде», где религиозный экстремизм проявляется со всей силой, происходят достаточно редко. Гораздо чаще религиозный фактор используется в конкретных целях различных политических акторов, в качестве идеологической и организационной поддержки. Однако использование подобного рычага способно мобилизовать достаточное количество верующих (либо самоидентифицирующих себя с той или иной религией как культурной средой), что приводит к особенно деструктивным последствиям. Абсолютное большинство респондентов (от 78,4% до 83,2% в зависимости от вероисповедной принадлежности)¹¹⁰ указали на террористическую активность как основное проявление религиозного экстремизма, второе место занял призыв к насильственным действиям в отношении лиц иных вероисповеданий и мировоззрений (от 62% до 76%), третье – подрывная

¹¹⁰ Здесь и далее ссылки на исследование 2006–2007 гг.

антигосударственная деятельность (от 38% до 58,4%). Также на террористическую активность как на одно из основных проявлений религиозного экстремизма указали 82,1% опрошенных экспертов, 77,4% – на подрывную антигосударственную деятельность¹¹¹.

Второе лицо религиозного экстремизма в России – национальное. Чаще всего оно проявляется в качестве одного из рычагов или следствий националистической или ксенофобской деятельности. Подобное положение дел, когда религиозное и национальное выступает в России в ярко выраженном симбиозе, а религиозная идентификация представляется не доктринальной, а, скорее, культурно-национальной, является питательной средой для деятельности экстремистских националистических группировок, активно эксплуатирующих религиозные лозунги. Этническая преступность также является причиной распространения среди россиян национальной и религиозной нетерпимости, прежде всего как общественный ответ на наличие криминальных группировок, сформированных по этническому принципу.

Еще одним следствием тенденции неразличения национального и религиозного является нетерпимое отношение к мигрантам и «торговым диаспорам». Это вызывает экстремистские настроения и среди традиционного населения, и у пришлых социальных групп, нередко выливаясь в насильственное поведение.

Говоря о распространении религиозного экстремизма, нельзя не отметить и использование религиозных лозунгов в популистских стратегиях различных не очень дальновидных политиков. Не всегда продуманное и взвешенное использование политическими деятелями религиозных «козырей» зачастую приводит к недовольству и агрессивной реакции приверженцев различных вероисповеданий, способствует разжиганию межконфессиональной розни. С другой стороны, достаточно

¹¹¹ Сумма превышает 100%, так как респондентам предлагалось выбрать несколько вариантов ответа

часто религиозный фактор используется в политической борьбе сознательно, с провокационными целями. Подобная политика – «цель оправдывает средства» – чревата в многонациональной и многоконфессиональной стране актуализацией разделяющих общности смысловых границ и расшатывает традиционные толерантные принципы сосуществования.

На подобном фоне выглядит примечательным, что лишь небольшая доля опрошенных среди национально-этнических причин религиозного экстремизма указала на «голос крови», ощущение своей этнической принадлежности (не более 19% среди мусульман – самый высокий показатель). Это позволяет сделать вывод об устойчивости исторической традиции российской поликонфессиональности, исключая императив «охоты за скальпами» по религиозному принципу.

Однако нельзя не остановиться на двух сюжетах, представляющихся маркерами той опасности, которая может нависнуть над российским обществом. Во-первых, около 50% респондентов в массовом опросе и 53,7% экспертов отметили, что религиозные различия препятствуют семейным отношениям и воспитанию детей. Подобная ситуация не может не вызывать обеспокоенности, ведь межнациональные и межконфессиональные браки традиционно являлись гарантией и залогом стабильности российского общества, также как и основанием того мощного потенциала устойчивости и жизнеспособности, который обеспечивается наличием разнообразия, в том числе и генетического. Одновременно, повышение значимости религиозной принадлежности при вступлении в брак в условиях срастания в общественном сознании религиозного и этнического («русский – значит, православный», «татарин – значит, мусульманин» и т.д.) в перспективе, при условии превращения в тенденцию, может способствовать разведению по национальным

квартирам. Так, наиболее откровенны в своей нетерпимости при собственном вступлении в брак или родственников с людьми другой национальности мусульмане и православные – 56% и 52%, 47,6% и 41,2% соответственно. Причем значимость национальной принадлежности другого человека при вступлении в брак самих опрошенных и их родственников возрастает в группах **религиозно активных** мусульман и православных: 70,5% и 58,6%, 62,3% и 49,6% соответственно.

Во-вторых, наименьший уровень религиозной и национальной терпимости демонстрирует молодежь самой младшей возрастной группы (35% интолерантных). Среди комплекса причин, обуславливающих такое положение дел, следует остановиться на одной, кажущейся приоритетной. Именно в условиях размывания традиционной ценностно-культурной матрицы эксплуатация определенными политическими субъектами архаической оппозиции «свой–чужие», мобилизация ими религиозных средств для создания определенного семантического и смыслового информационного пространства достигает своего результата. Наиболее подверженной подобным деструктивным идеям становится молодежь. Что можно противопоставить в данной ситуации? Ответ очевиден: если на неотрефлексированном уровне традиционные регуляторы и смыслы элиминируются или вытесняются на периферию и заменяются деструктивно-архаичными, то вариантом противодействия могут быть рациональные методы, и прежде всего образование.

Переломить отмеченную тенденцию можно и нужно, используя воспитательные и образовательные каналы, рациональные знания, способность к системному анализу. Ведь функции каналов социализации, и прежде всего образовательного, не ограничиваются только подготовкой человека к самостоятельной жизни в обществе. В их число входит также воспроизводство или формирование необходимых

установок сознания и алгоритмов поведения, способствующих выживанию и развитию социокультурной общности.

Однако, к сожалению, и школьники, и студенты – вчерашние школьники демонстрируют глубокое незнание, граничащее с невежеством, в областях, связанных с религией и социокультурной спецификой прежде всего родной страны, не говоря уже о мире (для большинства студентов становится потрясающим открытием, что в России есть буддисты, что католики и протестанты – христиане, не говоря уже о том, что на Кавказе есть народы, исповедующие православие. Можно приводить и другие, не менее печальные, примеры). Такое невежество превращается в питательную среду для проявлений религиозной и национальной нетерпимости, ибо, как известно, подобные люди думают, что их «вульгарные мысли» (Х. Ортега-и-Гассет), а также навязанные клише являются абсолютно истинными. Довольствование подобными мыслями, уверенность в обладании монополией на истину делает невежество воинствующим, что приводит затем к экстремистским мыслям и поступкам.

Отсутствие элементарных знаний у школьников и студентов о религиях и народах, видоизменение общественных дискурсов, формируемых прежде всего СМИ, педалирование проблемы религиозных различий приводит к тому, что молодежь становится либо легкой добычей экстремистски настроенных политических субъектов, либо носителем подобных умонастроений, что не менее опасно. Ибо без знаний нет понимания и возможности отличать «зерна от плевел», подлинное духовное возрождение от искусно создаваемых подделок.

Из мировых тенденций мы видим, что светскость государства отнюдь не гарантия от нетерпимости и экстремистских стратегий. Так, Франция, являющая собой наиболее длительные традиции светскости, столкнулась с проявлениями насильственных стратегий со стороны

анклавов иной Большой традиции, носителей иной религии, в том числе и в силу отсутствия в матрице европейской цивилизации императивов толерантности. Несколько примеров: еще тридцать лет назад в школах этого государства объясняли, что мусульманин – это враг; протестные настроения против Турции как потенциального члена ЕС обусловлены и внутренними культурологическими причинами: Турция 500 лет оккупировала Грецию – колыбель европейской цивилизации. Конечно, эти примеры не исчерпывают всего круга исторических и современных проблем, они просто демонстрируют некоторые клише, циркулирующие в общественном сознании Франции и накладывающие достаточно яркий отпечаток на технологии межкультурного взаимодействия.

Вектор развития европейской публичной политики в сторону «нации-государства» привел к исчезновению многих этносов и языков, религиозным войнам, насильственному уничтожению культур. Именно монологичные стратегии поставили европейскую цивилизацию в современных условиях перед необходимостью выработки новых вариантов межкультурного и междивизиационного взаимодействия, и, таким образом, она была вынуждена сознательно обратиться к толерантности как алгоритму сосуществования частей в рамках поликультурного бытия. Поэтому в политику мультикультурализма закладываются рациональные рычаги и регуляторы сосуществования различных социокультурных образований. Показательно в этом отношении возникновение и развитие в поле Европейского Союза «языкового права», защищающего существование языков этнокультурных меньшинств, а также внимание гуманитарной науки к локальным сообществам.

В иных координатах следует рассматривать существование российской цивилизации, в которой толерантность заложена в само ее основание. Традиционно толерантный принцип сосуществования различных конфессиональных групп и отсутствие религиозной

нетерпимости как дифференцирующего признака сохраняется и сегодня. Согласно исследованию «Роль религии в формировании толерантного сознания и поведения в изменяющейся России», проведенного Центром «Религия в современном обществе» ИКСИ РАН в мае-июне 2004 г., мнение о России как о государстве исключительно русских людей («Россия для русских») поддерживает очень небольшая часть респондентов (13,5 % православных, 16,1% неверующих), тогда как тезис «Россия – общий дом многих народов» поддерживает подавляющее большинство представителей основных религиозных конфессий и 55,6% неверующих респондентов¹¹². В исследовании 2006–2007 г. утверждение «Россия для русских» поддерживают всего 7,6% православных и 16% неверующих, тогда как тезис «Россия – общий дом многих народов» – подавляющее большинство представителей основных конфессий, 52,6% православных, 52 % неверующих.

Являясь естественным способом бытия для российской цивилизации, толерантность не вставала как рефлексивная конструкция. Актуализация этой проблемы произошла в современных условиях под влиянием социальных и гуманитарных трендов извне и отмеченных выше процессов разрушения традиционной ценностно-культурной структуры. Эта проблема преломляется в возникающей нетерпимости по отношению к Другим, нарушающей сложившийся этноконфессиональный баланс на территории российской цивилизации. Россия – страна многонациональная и многоконфессиональная, поэтому неправильные лозунги и идеи провоцируют всякого рода нетерпимость. «Быть русским – значит, быть православным» может вызвать недовольство других этнических групп, представителей неправославной вероисповедной традиции русских по национальности. То же относится и к крайним

¹¹² Мчедлов М.П., Гаврилов Ю.А., Кофанова Е.Н., Шевченко А.Г. Вероисповедные различия в социальных ориентациях // СОЦИС. 2005. № 6. С.62.

формам ислама и буддизма, демонстрирующим агрессивные формы претензий на монополизм: «Мы, и никто другой». Такого рода поведение со стороны религиозных институтов вызывает реакцию нетерпимости по отношению к Другим со стороны приверженцев этих религий. Доминирование религий в определенных регионах, сращивание религиозного и этнического факторов (в том числе и существование этнической преступности) при подобных тенденциях вполне реально могут послужить причинами и детонаторами деструктивных политических сценариев, вплоть до самых драматичных.

Длительные традиции мирного, интегрального сосуществования различных этнических и конфессиональных общностей в российском цивилизационном ареале представляются весомым фактором, способным уберечь российскую специфику, поддержать ее устойчивость в современном мире, бросающим все более угрожающие вызовы государствам и социокультурным общностям. Однако расшатывание этих устоев, деструктивные социальные причины, неадекватные политические стратегии могут существенно ослабить адаптивные возможности российской цивилизации. Поэтому необходимы консолидированные усилия государства и общества, целенаправленная государственная политика, учитывающая исторический опыт, поскольку «цивилизационная принадлежность страны – не столько вопрос свободного выбора, сколько явление исторической судьбы»¹¹³, а цивилизация – «это прежде всего добрая воля к совместной жизни»¹¹⁴.

¹¹³ Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. *Реформы и контрреформы в России. М., 1996, С. 367.*

¹¹⁴ Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 145.*

ГЛАВА 9.

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Исследования особенностей российской цивилизации – трудная, многосложная, но в то же время открытая тема. Существование различных, порой полярных мнений о самой возможности ее наличия обуславливается прежде всего отсутствием однозначных критериев цивилизованности, что подразумевает простор и открытость для расширения и движения общественности. Следовательно, сама постановка проблемы «российская цивилизация» имеет большой научный и эпистемологический потенциал, использование которого создает определенные предпосылки для достижения если не единых теоретических схем, то, по крайней мере, общего знаменателя в подходах к изучению социальной реальности.

Во-первых, изменение структуры социального и политического пространства, интегральная направленность цивилизационного процесса в современную эпоху и стремление включенных в него социальных образований к унификации имплицитно содержит в себе ряд негативных последствий. Данная тенденция обуславливает необходимость теоретического осмысления и выработки новых технологий разрешений меж- и внутрицивилизационных противоречий (на политическом, социокультурном, этническом уровнях) как во всеобщем масштабе, так и в отдельных регионах.

Современные трансформационные процессы, происходящие в мире, видоизменение всего привычного облика социального мироздания приводят к поиску как отдельными личностями, так и социокультурными образованиями новых стратегий и алгоритмов взаимодействия. Конец XX и начало XXI в. характеризуются новыми беспрецедентными возможностями взаимодействия цивилизаций Востока и Запада, и именно

социокультурные образования берут на себя функции участников диалога в современном динамично изменяющемся мире.

Именно цивилизационная идентичность, гораздо более устойчивая, чем политические и экономические образования, позволяет людям осознавать свое место в этом мире, определять свое отношение к Своим и Другим, надеяться на счастье и стремиться к лучшему.

Цивилизационный анализ предполагает выделение глубинных факторов, архетипических черт, долговременных признаков (культурные, религиозные, этнические характеристики, исторические традиции, особенности ментальности и т.д.). Среди этих факторов и глубинные психологические явления, связанные с определенными поведенческими и психическими стереотипами, духовной идентификацией, коллективными представлениями общества, включающего группы с различными социальными и идеологическими ориентациями. И эти долговременные явления нельзя смешивать с сиюминутными факторами, очередными политическими перипетиями, не говоря уже об узкопартийных и клановых пристрастиях.

Следует также остановиться на существующем векторе понимания цивилизации, даже об идеологии цивилизации, берущем свое начало из нормативной концепции XVIII века. Действительно, теория цивилизации возникла в форме идеологии, оправдывающей и закрепляющей превосходство одних обществ над другими, что породило череду не только позитивных, но и деструктивных событий. Идеологией **цивилизации**, необходимостью ее «защиты», степенью цивилизованности оправдывалось уничтожение целых культур, практика колониализма, войны. Идеологией **цивилизации** продолжает оправдываться экономическая и политическая экспансия развитых стран в настоящее время, трансляция и насаждение соответствующих ценностей, религиозных и моральных императивов,

гражданских и политических институтов (европоцентризм в различных его модификациях, американоцентризм и др.). Существование данных идейных течений подпитывается современными реалиями. Речь идет о возрастающей тенденции к унификации мира, порожденной новыми технологическими (экономическими, информационными и проч.), культурными (прежде всего связанными с явлениями стандартизации в культуре, глобальными проблемами), политическими (существование мирового политического пространства) основаниями, в ходе реализации которой в известном смысле стираются особенности различных локальных цивилизаций. Часто невозможность безболезненной ассимиляции определенных ценностей и достижений, вследствие их чуждости и насильственного привнесения, порождает политику и различные идеологические течения, стремящиеся оградить свою историческую и цивилизационную специфику (например, славянофильство, евразийство, африканоцентризм, религиозно-фундаменталистские идеологии), возводящие определенный барьер, препятствующий, с одной стороны, унификационным тенденциям, с другой – достижению конструктивного взаимодействия, взаимопонимания.

Между тем вся сумма знаний, имеющаяся в обществоведении, убедительно свидетельствует об оригинальной сущности древних и настоящих цивилизаций, их самостоятельных и исторически значимых достижениях. Они вскрывают несостоятельность европоцентристских, америкоцентристских, азиоцентристских и любых аналогичных систем взглядов, произвольно провозглашающих способ существования и деятельность конкретных сообществ в виде эталона для всего человечества. Очевидно, что ближе к истине был великий физик Нилс Бор, когда в своей речи на Международном конгрессе по антропологии и этнологии в 1938 г., предостерегая от опасности недооценки культур

разных обществ, подчеркивал, что «разные человеческие культуры дополнительно друг к другу»¹¹⁵.

Именно принцип дополнительности призван ориентировать на раскрытие постоянного взаимовлияния культур. Каждая цивилизация при всей своей специфике и своеобразии – составная часть единой целостной общности – человечества. Поэтому, подчеркивая традиционное своеобразие локальных цивилизаций, важно учитывать, что эволюционирует и развивается, модернизируется каждая из них, как и то, что наряду с дискретностью исторического процесса, есть и его континуитивность, действуют общечеловеческие глобальные закономерности. *Поэтому сегодня, в условиях цивилизационного многообразия, для любого общества актуально естественное сращивание традиционной культуры с требованиями современности.*

С учетом вышесказанного очевидно, что у нас нет намерения противопоставлять российскую и иные цивилизации, но при этом важно объективно показать их взаимодополняемость, взаимное влияние и цивилизационное своеобразие в контексте межцивилизационного и межкультурного диалога, не игнорируя при этом их «хорошие» и «плохие» традиции.

Понимание сути многообразных процессов, исторически свойственных России, ключевых характеристик полиэтнического и многоконфессионального российского социума как субъекта истории, коренных интересов этой веками сложившейся евразийской социокультурной общности (при гетерогенной этнической и религиозной основе), органической связи между ее прошлым, настоящим и будущим – необходимая предпосылка для осмысления роли России в современном диалоге цивилизаций.

¹¹⁵ Бор Нилс. *Атомная физика и человеческое познание.* М., 1961. С. 49.

В подобном взаимообогащающем взаимодействии каждая из цивилизаций предлагает свои определенные характеристики, способные стать ключевыми для разрешения проблем, с которыми ранее иные цивилизации не сталкивались. *Одним из императивов российской цивилизации выступает ее традиционная толерантность, лежащая в самой ее основе, несмотря на различные негативные процессы, проявляющиеся сегодня.*

На наш взгляд, принцип толерантности как философский императив имеет две взаимосвязанные составляющие. С одной стороны, можно говорить о пассивной толерантности, которая характеризуется социальным атомизмом, личной независимостью и, в конечном счете, изоляционизмом. История нередко показывала нам, как пассивная толерантность вела к конфликту и хаосу. С другой стороны, на повестке дня стоит вопрос о позитивной, активной толерантности, которая основывается на гуманистических ценностях, международном праве и предполагает открытость к межкультурному и межцивилизационному диалогу, взаимообогащению различных народов и культур. Однако активная толерантность также имеет свои «узкие места» – она может в некоторых случаях использоваться для навязывания чужих взглядов и традиций.

Основное требование толерантной культуры в следующем: свободное исповедание каждым гражданином, общественной группой, обществом свободно избранных нравственных, социально-политических, мировоззренческих предпочтений предполагает их лояльное, терпимое, не враждебное, уважительное отношение к аналогичному выбору других. Поэтому важным компонентом терпимости является понимание воззрений, нравов, привычек, чувств, способов действий, отличных от наших.

Терпимость базируется на признании, уважении универсальных прав и основных свобод человека. Уважительный компонент в толерантной культуре – личной, общественной или межгосударственной – обусловлен

принятием и правильным пониманием, как сказано в Декларации принципов толерантности, утвержденной ЮНЕСКО в 1995 г., «богатого разнообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности»¹¹⁶. А этому способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений, позволяющие видеть не только различия в плюралистическом мире, но и единство в многообразии. Очевидно, что лишь при следовании подобным ориентирам есть шанс достичь согласия и мира между *различными* индивидуумами, общественными стратами, государствами, цивилизациями.

При интенсивных процессах глобализации проблемы диалога между цивилизациями, необходимости их толерантного взаимодействия и взаимообогащения при сохранении своих самобытных культур все настойчивее ставятся их выдающимися представителями – учеными, духовными лидерами, государственными деятелями. Каждый из них, отталкиваясь от своих вероучительных и этноцивилизационных традиций приходит, по сути, к сходным выводам о важности познания не только других культур и цивилизаций, но и своей собственной культурно-цивилизационной идентичности, об ущербности бездумного и одностороннего следования одним нормам и ценностям — ценностям и нормам, выработанным в рамках ныне материально процветающих стран, составляющих западную цивилизацию. *Именно такой подход может быть предпосылкой диалога, сотрудничества последователей различных мировоззрений, культурных традиций.* В свое время известный немецкий философ И. Кант говорил, что закон добрососедства должен стать нормой человеческого общежития.

¹¹⁶ Права человека, толерантность, культура мира // Документы. М., 2002. С. 32.

История диалога культур и цивилизаций всегда есть история диалога народов, представляющих различные цивилизации и национальные культуры.

Именно поэтому изучение российской цивилизации как кросс-культурного феномена более чем своевременно. При всей самобытности российской цивилизации она – будучи в рамках современной мировой цивилизации – не может не воспринимать ее лучшие достижения, ценности, нормы. *Современное цивилизационное многообразие мира, смещение традиционных акцентов и ролей предполагает возможность использования конструктивного потенциала цивилизационного подхода, выражающегося в признании равноправия всех цивилизационных образований, чьи взаимоотношения должны выстраиваться с позиций толерантности и диалога.*

Литература

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для общества и человека. М.,2004.
2. Вера. Этнос. Нация. М.,2007.
3. Галкин А.А. Новые лики национальной проблемы.
4. Гаман-Голутвина О. Политические элиты России. Вехи политической эволюции. М.,2007.
5. Гидденс Э. Ускользящий мир. М.. 2004.
6. Глобалистика. Международный энциклопедический словарь. М., 2006
7. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации. М.,2000
8. Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998-2004 гг). М., 2004.
9. Губогло. Идентификация идентичности. М.,2003.
10. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М.,2000.
11. Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего. Соч. в 10-ти т. М.,1998. Т. 7.
12. Ильин И.А. Наши задачи. Соч в 10-ти т. Т. 2.М.,1996. Кн. I.
13. Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9-ти тт. Т.1, М.,1987.
14. Лапин Н.И. Пути России: Социокультурные трансформации. М.,2000.
15. Логинов А.В. Власть и вера. М.,2006.
16. Международные процессы. Том 4, № 1(10). М., 2006.
17. Мчедлова М.М. Глобальный мир и сохранение самобытности. Вестник МГУ, Сер.12. 2002, №3.
18. Мчедлова М.М. Новые грани идентичности современной России// Вестник МГУ, Сер. 12, 2007, №3.
19. Мчедлова М.М. Империиум: пространство власти // Поликультурное общество: стабильность и коммуникация. М., 2003.

20. Паин Э.А. Динамика национального самосознания россиян // Этнопанорама, 2002, №1(10). С.10.
21. Парламентаризм в России и Германии. История и современность. М., 2007.
22. Рогачев С.В. Российская государственность в системе трансформационных координат. М.,2000.
23. Российская цивилизация. Энциклопедический словарь. М.,2001.
24. Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. М.,1998.
25. Россия реформирующаяся. М., 2007.
26. Русский вопрос. М.,2007.
27. Самые влиятельные люди России. 2003. М.: ИСАНТ, 2004.
28. Солоневич И. Народная монархия. М..1991.
29. Сравнительное изучение цивилизаций. М.,1998.
30. Тишков В. Русский мир: смысл и стратегии // Стратегия России, 2007, №7.
31. Тишков В.А. Реквием по этносу. М.,2003.
32. Толерантность, М.,2004.
33. Три века отечественных реформ. // Pro et contra. 1999. Том 4, № 3.
34. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций// Pro et contra. Т.2,№2. М.,1997.
35. Russian civilization(ded. to the official visit of RF V.V.Putin to India in January, 2007)FK Publications. New-Delhi. 2007.

ОПИСАНИЕ КУРСА И ПРОГРАММА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ КУРСА

Цель курса: прояснение специфики и сущности российского общества в русле цивилизационного подхода, формирование адекватного понимания российской цивилизации как устойчивого образования, а также ее значения в мировой истории и современные особенности. Данная цель интерпретируется как методологическое признание за Россией статуса цивилизационного образования с присущими ей объективными самобытными характеристиками, определяющими ее место в мировой истории. Вопросы о соотношении общего и особенного, традиций и инноваций, потенциала исторического опыта в культурной и политической сферах, также как и стратегии поисков ответа на изменившиеся параметры современности и внутренние трансформации представляются ключевыми.

Исследования особенностей российской цивилизации - трудная, многосложная, но в то же время открытая тема. Это обуславливается не только тем вкладом, который на протяжении веков вносила и продолжает вносить Россия в мировую историю, но и наличием широкого спектра мнений о самой сущности российского социума, чьи лучшие черты неизменно проявлялись в ходе истории и могут служить одними из алгоритмов разрешения противоречий в нынешнем переустройстве мира.

Понимание места России в современном мире связано с более широким философским контекстом принципов исследования современной социокультурной и политической реальности, а также новыми гносеологическими подходами ко взаимодействию различных цивилизаций, культур, народов, отдельных личностей, принадлежащих к различным культурным и политическим традициям.

Именно поэтому изучение российской цивилизации как кросс-культурного феномена в условиях современного нестационарного мира, в координатах вызово-ответной логики, испытывающих на прочность социокультурные и политические образования представляется актуальным. При всей самобытности российской цивилизации она - будучи в рамках современной мировой цивилизации - не может не воспринимать её лучшие достижения, ценности, нормы. Современное цивилизационное многообразие мира, смещение традиционных акцентов и ролей предполагает возможность использования конструктивного потенциала цивилизационного подхода, выражающегося в признании равноправия всех цивилизационных образований, чьи взаимоотношения должны выстраиваться с позиций толерантности и диалога, что позволяет определять и политические стратегии.

Таким образом, цель данного курса может быть рассмотрена в конечном счете как формирование системного восприятия современного мира и места России в нем, воспитания установок толерантного сознания на основе рациональных знаний и поведенческих, в том числе гуманитарных стратегий.

Задачи курса:

- выявить основные критерии современной парадигмы понимания цивилизационного процесса, объективные и субъективные механизмы обеспечения цивилизационной устойчивости;
- осветить вызово – ответную логику функционирования цивилизационных образований, проблему межцивилизационного взаимодействия и глобализационные трансформации;
- определить онтологию российской цивилизации, причинные системы, обеспечивающие самобытность российской цивилизации,

- качественные характеристики российской цивилизации; определить преемственность, изменения и узлы противоречий во внутреннем цивилизационном устройстве современной России
- выявить ключевые характеристики политической власти и государства в российской цивилизации, проблему построения и функционирования гражданского общества в российской цивилизационной модели;
 - определить общее и особенное в модернизационных процессах и стратегиях российского реформирования;
 - выявить наметившиеся в последние десятилетия основные направления трансформации структуры и характеристик российской цивилизации, обусловленные новыми реалиями как общемирового, так и внутреннего порядка;
 - обозначить проблему поиска интегративной идеологии, адекватной национальным и стратегическим интересам российской цивилизации
 - рассмотреть идентичность как вызов XXI века и ее воздействие на поле полиэтничной российской цивилизации;
 - определить основные свойства политики как вызова XXI века и проблему выбора Россией адекватной стратегии как ответа на вызов изменения политических парадигм современности;
 - рассмотреть актуализацию религиозной идентичности как вызова XXI века и потенциал исторического опыта многоконфессиональности в России
 - определить статус России в современном мировом диалоге цивилизаций: политическое и гуманитарное измерения, исследовать потенциал конструктивного разрешения внутри- и междивизиональных противоречий, исторически выступивший интегральным системообразующим свойством российской цивилизации

Область знания:

Курс разработан на стыке проблемных областей теории политики, социальной философии, сравнительной политологии, политической истории, политической социологии. Использование методов и инструментария различных областей общественнознания позволяет не только всесторонне определить и изложить цели и задачи курса, но и повышает гносеологический и эвристический потенциал предлагаемой в курсе концепции и проблемного поля. Подобное построение курса расширяет границы исследовательского поля студентов, поскольку упор в магистратуре делается именно на научную составляющую. Поскольку курс предлагается для магистров-политологов, то рассмотрение политических импликаций и проявлений более глубоких тенденций и процессов повышает их теоретическую подготовку и способствует формированию всестороннему, творческому и системному мышления.

Курс предлагается для студентов- магистров 1 или 2 года обучения по специальности «Политология» (520900(030200)). Курс является обязательным для направления «Политические проблемы глобализирующегося мира» (520900(030200)), а также является составной частью совместной магистерской программы РУДН- институт политических исследований Бордо-4 « Политические проблемы европейской интеграции» (520900(030200)).

Курс является теоретическим, однако предполагает сочетание теоретического и прикладного уровней гуманитарного знания.

Организационно-методическое построение курса: курс состоит из лекций, семинарских занятий, самостоятельной работы.

Формат лекций – изложение материала преподавателем, освещение методологии исследования, интерактивность занятия: студенты вправе

свободно задавать вопросы и высказывать мнения, быть со-творцами лекции

Формат семинара – свободное обсуждение проблематики курса на основе необходимых знаний, критическая оценка хрестоматийных источников-текстов по курсу.

Формат самостоятельной работы - изучение материала, подготовка творческих работ, эссе, участие в публичных мероприятиях по теме курса, участие в Интернет-конференциях и в дискуссиях на специализированных сайтах.

ИННОВАЦИОННОСТЬ КУРСА:

Инновационность содержания курса:

Инновационность содержания курса определяется теоретической и практической злободневностью проблемы выживаемости конкретных цивилизационных образований в условиях современных качественных социально-политических трансформаций. Исследование цивилизационных образований – задача многотрудная и не всегда благодарная: подчас теоретические обобщения не находят должной оценки в угоду сиюминутным идеологическим и политическим запросам и целям. Гораздо проще и «зрелищнее» описать текущие события и дать их комментарий, чем пытаться вскрыть глубинные тенденции и те причины, которые послужили побудительными механизмами для возникновения и свершения описываемых событий. Поэтому данный курс направлен на более широкую и трудную цель - попытаться найти место политическому или социальному явлению в широком и глубоком полотне социальной ткани, проследить диалектику общего и особенного. Это возможно при условии фиксации «квзинеподвижной истории» (Ф.Бродель) и тенденций, воспроизводящихся длительное время. Однако

что делать сейчас, когда « судя по всему мир вовсе вышел из под контроля, - мир ускользает из рук»¹.

В данной ситуации даже проверенный нормативный путь или сравнение степени соответствия организации политической и культурной жизни определенному эталону, перестают быть адекватным, потому как сами эталоны теряют свою незыблемость даже в общественном сознании.

Современные трансформационные процессы, переустройство самого качества социального ставят, проблема нахождения своего места в новом, нестационарном мире затрагивают все уровни человеческой организации: от личности до цивилизации, заставляя предпринимать попытки поиска оптимальных стратегий выживания в изменяющихся координатах. Причем эти координаты меняются так быстро, что даже « ...указатели поставлены на колеса и имеют дурную привычку исчезать из вида, прежде чем вы успеете прочитать то, что на них написано, осмыслить прочитанное и поступить соответственно»². Происходящее переустройство мирового социально-политического континуума представляется едва ли не самым значительным вызовом различным обществам, поскольку в силу своего качественного отличия от предыдущих трансформаций и непредсказуемости способно привести если не к уничтожению, то, по крайней мере, к трагическим деформациям существующих социокультурных и государственных образований.

Выявление и интерпретация сущности российского социума, его устойчивых глубинных черт, архетипических констант, также как и преходящих признаков позволяет осмысливать и облегчать поиск адекватных стратегий ответов на современные вызовы. Автор курса исходит из понимания российской цивилизации как самобытной социокультурной общности, обладающей специфическими глубинными

¹ Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004, С.18.

² Бауман З. Глобализация. Последствия для общества и человека. М.,2004. СС.113-114.

параметрами, задающими уникальные характеристики России как полиэтнического и многоконфессионального субъекта истории. Ключевой предпосылкой для осмысления роли России является выявление ее коренных интересов как веками сложившейся евразийской социокультурной общности (при гетерогенной этнической и религиозной основе), органической связи между ее прошлым, настоящим и будущим. **Инновационность курса** определяется не только самой постановкой проблемы, но и определяется использованием наряду с доказавшими свою эвристичность традиционных методологических подходов (цивилизационный подход) новых концептуально-понятийных комплексов и вариантов интерпретации действительности, новых операциональных схем к объяснению социально-политических процессов в России и мире. К последним следует отнести:

- многосубъектность международных отношений,
- полиакторность современного социально-политического процесса
- многоуровневость современной социальной реальности,
- нестационарность современной модели мироустройства,
- амбивалентность глобализационных процессов,
- реструктуризацию социального пространства,
- возникновение новых форм культурно-цивилизационных, этнонациональных и политических форм сопряжения гетерогенности человеческого бытия.

При всей самобытности, российская цивилизация является неотъемлемой частью мирового поступательного развития, поэтому изучение ее конструктивного потенциала способствует утверждению и прояснению роли России в качестве равноправного участника мировой политики и межцивилизационных взаимодействий, проясняет как статус России в мире, так и влияние глобальных тенденций на Россию. Политическая плоскость решения заявленных проблем предполагает

формирование понимания политических процессов как опосредуемых более глубокими основаниями.

Особо следует отметить в качестве **инновационности** включение в курс принципа толерантности и как философского принципа, и как императива российской цивилизации. Последний представляется атрибутом, способным стать ключевыми для разрешения проблем, с которыми ранее иные цивилизации не сталкивались.

Инновационность содержания проявляется также в использовании при изучении влияния современных вызовов на Россию данных современных социологических исследований, эмпирически подтверждающих теоретические положения

Инновационность задач образовательного порядка, решаемого данным курсом, представляется в следующем:

- 1) включение в поле высшего образования концепции Российской цивилизации как субъекта исторического и социально-политического процесса ,
- 2) ориентацию студентов, в том числе и иностранных, на адекватное понимание исторических традиций и современных трансформаций в России,
- 3) воспитание уважительного отношения к национальным и конфессиональным образованиям, столь необходимого в России,
- 4) формирование толерантных гражданских позиций при межкультурных и междивизиационных контактах.

Инновационность по методике преподавания.

Методика преподавания предполагает включение студентов в процесс «со-творчества» с преподавателем, позволяющим уйти от

традиционной монологичной лекционной модели преподавания. Поскольку образование на уровне магистерского обучения предполагает упор на научно-исследовательскую работу, то преподавание направлено на стимуляцию научного поиска, постановку проблем, активизирующих «поисковый» и исследовательский потенциал студентов. Это предполагает постоянную коммуникацию, пересечение дискурсов студентов и преподавателя: возможности построения вопросно-ответных лекций, освещение конкурирующих точек зрения и оценка их студентами.

Выполнение творческих заданий предполагает совместное осмысление и интерпретацию заявленных проблем, а также совместное обсуждение тестов по курсу с целью выработки широкого видения проблемы и включения конкретных научных материалов в более широкую канву научных парадигм и концептуальных направлений. Отмеченное использование конкретных социологических исследований в процессе преподавания позволяет не только обучать студентов методам навыкам теоретических и прикладных исследований, но и демонстрировать проявления соотношения общего и особенного, опосредование политических процессов более глубокими доминантами.

Также предполагается в процессе самостоятельной работы участие студентов и интернет-конференциях, дискуссиях и публичных научных мероприятиях, существующих и проводящихся по тематике курса. Это позволяет расширять коммуникативные горизонты студентов, выводить их на более широкое дискуссионное пространство и формировать навыки совместных обсуждений (тактика «мозгового штурма») и публичных выступлений.

Использование в курсе методологий сравнительных исследований, построение определенных положений на основе требований компаративистики и включение в образовательный процесс принципа

уважительного и терпимого отношения к Другому (как в методологическом ключе, так и уважении мнения своего коллеги) способствует формированию у студентов навыков толерантности и как ученых, и как граждан. На наш взгляд, принцип толерантности как философский императив имеет две взаимосвязанные составляющие. С одной стороны, можно говорить о пассивной толерантности, которая характеризуется социальным атомизмом, личной независимостью и, в конечном счете, изоляционизмом. История нередко показывала нам, как пассивная толерантность вела к конфликту и хаосу. С другой стороны, на повестке дня стоит вопрос о позитивной, активной толерантности, которая основывается на гуманистических ценностях, международном праве и предполагает открытость к межкультурному и межцивилизационному диалогу, взаимообогащению различных народов и культур. Однако активная толерантность также имеет свои «узкие места» - она может в некоторых случаях использоваться для навязывания чужих взглядов и традиций.

Основное требование толерантной культуры в следующем: свободное исповедание каждым гражданином, общественной группой, обществом свободно избранных нравственных, социально-политических, мировоззренческих предпочтений предполагает их лояльное, терпимое, не враждебное, уважительное отношение к аналогичному выбору других. Поэтому важным компонентом терпимости является понимание воззрений, нравов, привычек, чувств, способов действий, отличных от собственных.

Методика построения курса как творчески-дискуссионного предполагает выработку подобных навыков и компетенций и студентов-магистров.

В курсе используются материалы на электронных носителях и предполагаются варианты представлений творческих работ в формате мультимедийных презентаций.

Инновационность по литературе.

В курсе используется литература, теоретические материалы, в том числе научные статьи, монографии, учебники, не включенные ранее в образовательный процесс и высокий гносеологический и эвристический потенциал. В ее числе входит: тексты мыслителей 19-20 веков (В.Ключевский, И.Солоневич и др.), чьи интересы были сконцентрированы на выявлении глубинной сущности российской цивилизации, новейшая литература последних 10 лет , материалы научных дискуссий по проблематике курса.

В курсе используются результаты и аналитические обобщения социологических исследований последних лет (2000-2007) по заявленной проблематике. Прежде всего это касается блока вопросов, связанных с актуальнейшим вызовами современности: этническая идентичность, религиозное многообразие, политические вызовы, проблема толерантности, роль и место России в мире, отношение россиян к происходящим переменам.

Инновационность по организации учебного процесса.

Инновационность по организации учебного процесса состоит в его построении как кредитно-модульного, в использовании системы зачетных единиц (кредитов), что позволяет использовать данный курс в соответствии с требованиями формирующегося международного образовательного пространства.

СТРУКТУРА КУРСА:

Кредитов - 3. Лекции – 18 часов, семинарские занятия – 18 часов, защиты творческих работ – 2 часа, экзамен – 2 часа, самостоятельная работа - 68 часов.

Темы лекций:

Тема 1 (аудиторная работа – 2 часа, самостоятельная работа –2 часа)

Цивилизационный подход к объяснению социальной реальности: история и современная парадигма. Цивилизационный подход к политике, цивилизации как субъекты политического процесса.

Тема 2. (аудиторная работа – – 2 часа, самостоятельная работа -2 часа)

Онтология и ключевые характеристики российской цивилизации

Тема 3. (аудиторная работа – – 2 часа, самостоятельная работа –2 часа)

Российская идентичность в свете цивилизационного подхода и современных неклассических парадигм. Стратегии межцивилизационных контактов.

Тема 4. (аудиторная работа – 2 часа, самостоятельная работа –2 часа)

Российская цивилизационная модель: политическая власть, государство, гражданское общество. Сопряжение цивилизационных доминант и политических процессов

Тема 5. (аудиторная работа – 2 часа, самостоятельная работа –2 часа)

Современные трансформации социально-политической реальности и изменения в России: реформы, национальные интересы, идеология.

Тема 6. (аудиторная работа – 2 часа, самостоятельная работа –2 часа)

Вызов политики как вызов глобального мира: проблема выбора стратегии ответа российской цивилизацией

Тема 7. (аудиторная работа – 2 часа, самостоятельная работа –2 часа)

Амбивалентность глобализации: вызов идентичности и полиэтничность России как глубинный атрибут.

Тема 8. (аудиторная работа – 2 часа самостоятельная работа –2 часа)

Актуализация религиозных различий как вызов современности и исторический опыт России

Тема 9. (аудиторная работа – 2 часа, самостоятельная работа –2 часа)

Современный диалог цивилизаций: статус России и технологии взаимодействия

Темы семинарских занятий.

Тема 1. (аудиторная работа – 2 часа, самостоятельная работа –4 часа)

Теория цивилизация: соотношение мировой и локальных цивилизаций. Идеология цивилизации: политические и моральные импликации.

Тема 2. (аудиторная работа – 2 часа, самостоятельная работа –6 часов)

Глубинные социокультурные и ценностные основания российской цивилизации. Поликонфессиональность и полиэтничность как атрибуты российской цивилизации.

Тема 3. (аудиторная работа – 2 часа, самостоятельная работа –4 часа)

Глобализация, вызово-ответная логика, преемственность ,изменения и узлы противоречий во внутреннем устройении России,

Тема 4. (аудиторная работа – 2 часа, самостоятельная работа –4 часов)

Государство и гражданское общество в России: проблема демократических трансформаций и политических предпочтений.

Тема 5. (аудиторная работа – 2 часа, самостоятельная работа – 4 часа)

Роль идеологии в России и метафизика реформирования

Тема 6. (аудиторная работа – 2 часа, самостоятельная работа –4 часа)

Новые правила политики: национальные интересы и транснациональная реальность

Тема 7. (аудиторная работа – 2 часа, самостоятельная работа –4 часа)

Новые реалии межкультурных контактов: проблема видоизменения идентичности в поле российской цивилизации и в мире.

Тема 8. (аудиторная работа – 2 часа, самостоятельная работа –4 часа)

Религиозные различия и практика мирного сосуществования в России : почему возникает религиозная нетерпимость.

Тема 9. (аудиторная работа – 2 часа, самостоятельная работа –4часа)

Политика толерантности исключает индифферентизм: проявления диалога цивилизаций на различных уровнях

ОПИСАНИЕ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

Правила выполнения письменных работ:

Вопросы для контрольных работ даются студентам непосредственно во время аттестационных испытаний, из списка, имеющегося в материалах к данной программе. Контрольная работа представляет собой письменный ответ на достаточно узкий и четко сформулированный вопрос (2 вопроса для каждой аттестации) по пройденному на лекциях и семинарских занятиях материалу. Объем ее задается двумя академическими часами.

Список тем рефератов предлагается студентам в начале учебного семестра. Студент вправе выбрать тему из данного списка или предложить свою (неприменно согласовав ее с преподавателем). Не разрешается представлять одну и ту же работу (тему) более чем по одному предметному курсу. Форматные требования к набранным на компьютере рефератам: полуторный межстрочный интервал; кегль – 14; цитирование, сноски, библиография – в соответствии с принятыми стандартами. В случае затруднений, связанных с оформлением реферата, студент может проконсультироваться у преподавателя. Текст реферата не должен превышать 8 страниц.

Тезисы (не более 2-х электронных страниц; 1,5 интервал, 14 кегль) должны содержать основные идеи предстоящего выступления на семинаре, а также вводящую в их проблемную суть аргументацию.

Тестовые вопросы-задания по рассмотренным на семинаре текстам становятся известны студентам непосредственно перед началом тестирования. Тестирование выявляет умение читать, тщательно анализировать и концептуально понимать изложенный в лекциях материалах, а также хрестоматийные тексты по курсу.

От студентов требуется внимательное отношение к орфографии, пунктуации и стилю изложения, так как погрешности в языке влияют, и существенно, на чистоту аргументации, а, следовательно, и на общую оценку.

Экзамен проводится в форме тестов по всему пройденному материалу.

Правила форм устного контроля.

Устный контроль предполагает выявление степени осмысления и овладения студентами пройденного материала, а также умения на основе постижения логики и методологии предлагаемого подхода сформулировать и экстраполировать исходные положения на иные области. Таким образом, основным представляется не простое пересказывание прочитанного, а возможность использования концептуальных положений и операциональных схем при рассмотрении определенных процессов. Это позволяет студентам глубже овладевать гуманитарной рефлексией и развивает способность к системному анализу. Одновременно, устный контроль предполагает не монолог или диалог, а скорее полилогическую стратегию, позволяющую одновременно сосуществовать различным дискурсам и нарративам, в процессе смешения которых и происходит осмысление проблем. Подобная коммуникативность позволяет формировать креативность мышления, уважительное отношение к другим мнениям, навыки нахождения истинны в конкурирующих течениях.

Примерная форма устного контроля.

Пример 1: В рамках темы о цивилизационном подходе как парадигму исследования истории и политики, студентам предлагается дискуссия на тему: «*Цивилизация: теория и идеология*». Предполагается вычленение нормативного и дескриптивного моментов понятия и теории цивилизации, возможностей их использования в современном обществознании и политике.

Пример 2: В рамках темы актуализации религиозной идентичности как вызова XXI века и исторического опыта многоконфессиональности в России предлагается поиск ответа на вопрос: *Религиозный экстремизм в координатах современности: что происходит в России и что такое современное невежество*. Студентам, на основе теоретических концепций и материалов социологических исследований, предлагается определить ключевые характеристики религиозного экстремизма в России, причины его возникновения сегодня и предложить пути решения данной проблемы с использованием исторических параллелей и современных тенденций, выявить связь между знанием и его отсутствием и деструктивностью современности.

Шкала оценок:

Кредит	Сумма баллов	Неуд 2		Удовл 3		Хор 4	Отл 5	
		F	FX	E	D	C	B	A
		2	2+	3	3+	4	5	5+
3	108	менее 37	37	55	64	73	91	100

Пояснение оценок:

- A Выдающийся ответ
- B Очень хороший ответ
- C Хороший ответ
- D Достаточно удовлетворительный ответ
- E Отвечает минимальным требованиям удовлетворительного ответа
- FX Оценка 2+(FX) означает, что студент может добрать баллы только до минимального удовлетворительного ответа
- F Неудовлетворительный ответ (либо повтор курса в установленном порядке, либо основание для отчисления)

Условия и критерии выставления оценок: от студентов требуется посещение лекций и семинарских занятий, выполнение всех заданий преподавателя. Особо ценится:

- активная работа на семинаре (умение поддержать дискуссию, адекватно изложить материал, пояснить мысль ярким примером, поставить интересный вопрос, привести необходимый и логически оправданный аргумент);
- глубина и качество самостоятельной работы (использование разностороннего материала, овладение дополнительной литературой, участие в специализированных дискуссиях в Интернете, подготовка на основе освоенных методологических подходов эссе и устных выступлений, а также научно-исследовательских работ);
- качество письменных аттестационных работ (творческий подход, аналитическая стройность).

Балльная структура оценки:

Посещение занятий – 13 баллов

Активная работа на семинаре – 20 баллов

Представление тезисов выступления на семинаре – 10 баллов

Внутрисеместровая аттестация – 15 баллов

Реферат – 10 баллов

Творческая работа – 20 баллов

Экзамен (итоговый) (*в форме тестовых заданий по хрестоматийным текстам*) – 20 баллов

Всего – 108 баллов

Академическая этика.

Все имеющиеся в письменной работе сноски необходимо снабжать «адресами». Случаи плагиата должны быть исключены. Плагиат есть не что иное, как присвоение авторства. Более конкретно, к плагиату относится:

а) включение в свою работу выдержек из работ других авторов без указаний на это (в виде соответствующей ссылки);

б) близкий к тексту пересказ какого-то «места» из чужой работы без отсылки к ней;

в) использование чужих идей без указания первоисточника.

Данное требование относится также и к источникам, найденным в Интернете: необходимо указать полный адрес сайта (сайтов). Студенты должны писать работы своими словами, упоминая все использованные источники информации. Прямое цитирование должно быть сведено к минимуму и не превышать 40-50 слов. В конце письменной работы обязательно дается список использованных источников. В случае контрольных работ, ссылки не могут удовлетворять всем вышеназванным требованиям, но должны присутствовать.

ПРОГРАММА КУРСА

Кредиты – 3. Лекции – 18 часов, семинарские занятия – 18 часов, защиты творческих работ – 2 часа, экзамен – 2 часа, самостоятельная работа - 68 часов.

Актуальность курса.

Теоретическая актуальность. Исследования особенностей российской цивилизации - трудная, многосложная, но в то же время открытая тема. Существование различных, порой полярных мнений о самой возможности ее наличия обуславливается, прежде всего, отсутствием однозначных критериев цивилизованности, что подразумевает простор и открытость для расширения и движения общественности. Следовательно, сама постановка проблемы: « российская цивилизация» имеет большой научный и эпистемиологический потенциал, использование которого создает определенные предпосылки для достижения если не единых теоретических схем, то по крайней мере общего знаменателя в подходах к изучению социальной реальности.

Глобальные тенденции, вызовы современности, изменение структуры социального и политического пространства имплицитно содержит в себе две рацдионаправленные тенденции: стремление к унификации и актуализацию различий, в первую очередь социокультурных. Данная тенденция обуславливает необходимость теоретического осмысления и выработки новых технологий разрешений меж- и внутрицивилизационных противоречий (на политическом, социокультурном, этническом уровнях) как во всеобщем масштабе, так и в отдельных регионах, что позволяет обеспечить поиски стратегий обеспечения социокультурных и политических образований, а также конструктивное использование исторического опыта и соотношений новаций и традиций

Современный трансформационные процессы, происходящие в мире, видоизменение всего привычного облика социального мироздания приводит к поиску как отдельными личностями, так и социокультурными образованиями новых стратегий и алгоритмов взаимодействия. Конец XX и начало XXI вв. характеризуются новыми беспрецедентными возможностями взаимодействия цивилизаций, потому что именно социокультурные образования берут на себя функции субъектов в современном динамично изменяющемся мире. Политические проекции данной проблемы определяют параметры субъектов политического целеполагания и адекватности политической системы глубинным потребностям общества.

Именно цивилизационная идентичность, гораздо более устойчивая, чем преходящие политические и экономические образования, позволяет людям осознавать свое место в этом мире, определять свое отношение к Своим и Другим, воспроизводить самобытность и плюралистический принцип бытия..

Цивилизационный анализ предполагает выделение глубинных факторов, архетипических черт, долговременных признаков (культурные, религиозные, этнические характеристики, исторические традиции, особенности ментальности и т.д.). Среди этих факторов и глубинные психологические явления, связанные с определенными поведенческими и психическими стереотипами, духовной идентификацией, коллективными представлениями общества, включающего группы с различными социальными и идеологическими ориентациями. И эти долговременные явления нельзя смешивать с сиюминутными факторами, очередными политическими перипетиями, не говоря уже об узкопартийных и клановых пристрастиях.

Следует также остановиться на существующем векторе понимания цивилизации, даже об идеологии цивилизации, берущем свое начало из

нормативной концепции 18 века. Действительно, теория цивилизации возникла в форме идеологии, оправдывающей и закрепляющей превосходство одних обществ над другими, что породило череду не только позитивных, но и деструктивных событий. Идеологией **цивилизации** необходимости ее “защиты”, степенью цивилизованности оправдывалось уничтожение целых культур, практика колониализма, войны. Идеологией **цивилизации** продолжает оправдываться экономическая и политическая экспансия развитых стран в настоящее время, трансляция и насаждение соответствующих ценностей, религиозных и моральных императивов, гражданских и политических институтов (европоцентризм в различных его модификациях, американоцентризм и др.). Существование данных идейных течений подпитывается современными реалиями. Речь идет о возрастающей тенденции к унификации мира, порожденной новыми технологическими (экономическими, информационными и проч.), культурными (прежде всего связанных с явлениями стандартизации в культуре, глобальными проблемами), политическими (существование мирового политического пространства) основаниями, в ходе реализации которой в известном смысле стираются особенности различных локальных цивилизаций. Часто, невозможность безболезненной ассимиляции определенных ценностей и достижений, вследствие их чуждости и насильственного привнесения, порождает политику и различные идеологические течения, стремящиеся оградить свою историческую и цивилизационную специфику (напр. славянофильство, евразийство, африканоцентризм, религиозно- фундаменталистские идеологии), возводящих определенный барьер, препятствующий, с одной стороны, унификационным тенденциям, с другой - достижению конструктивного взаимодействия, взаимопонимания .

Между тем вся сумма знаний, имеющаяся в обществоведении, убедительно свидетельствуют об оригинальной сущности древних и

настоящих цивилизаций, их самостоятельных и исторически значимых достижениях. Наиболее адекватным в данном контексте представляется принцип дополнительности, призванный ориентироваться на раскрытие постоянного взаимовлияния культур. Каждая цивилизация при всей своей специфике и своеобразии – составная часть единой целостной общности – человечества. Поэтому, подчеркивая традиционное своеобразие локальных цивилизаций, важно учитывать, что эволюционирует и развивается, модернизируется каждая из них, как и то, что наряду с дискретностью исторического процесса, есть и его континуитивность, действуют общечеловеческие глобальные закономерности. Поэтому сегодня, в условиях цивилизационного многообразия, для любого общества актуально естественное сращивание традиционной культуры с требованиями современности.

С учетом вышесказанного очевидно, что у нас нет намерения противопоставлять российскую и иные цивилизации, но при этом важно объективно показать их взаимодополняемость, взаимное влияние и цивилизационное своеобразие в контексте межцивилизационного и межкультурного диалога, не игнорируя при этом их «хорошие» и «плохие» традиции.

Понимание сути многообразных процессов, исторически свойственных России, ключевых характеристик полиэтнического и многоконфессионального российского социума как субъекта истории, коренных интересов этой веками сложившейся евразийской социокультурной общности (при гетерогенной этнической и религиозной основе), органической связи между ее прошлым, настоящим и будущим – необходимая предпосылка для осмысления роли России в современном диалоге цивилизаций.

Отмеченная амбивалентность современности бросает вызовы всем социокультурным образованиям. Среди них наиболее значимых

представляются: вызовы политики и актуализации идентичности и религиозной принадлежности. Насколько и могут ли исторически-проверенные доминанты российской цивилизации приспособиться к качественным трансформациям. Среди политических вызовов, основными представляются: транснационализация, полиакторность и настионарность политики, кризис традиционных форм политического устройства, возникновение многоуровневого и нелинейного политического континуума.

Среди вызовов идентичности существенными представляются видоизменение традиционных форм идентичностей, распыление и диффузия идентичностей, приводящая к актуализации наиболее устойчивых форм идентичностей: этнической и религиозной. В наложении на актуализацию различий и проникновением больших иноцивилизационных групп в традиционные культурные ареалы определенных социокультурных образования, это приводит к смещению акцентов в сторону деструктивных форм обеспечения своей самобытности, таких как национализм, экстремизм, нетерпимость, использование политическими силами националистических и религиозных идей.

В современном поиске новой модели мироустройства, одновременно политического и социокультурного, в постоянном взаимодействии каждая из цивилизаций предлагает свои определенные характеристики, способные стать ключевыми для разрешения проблем, с которыми ранее иные цивилизации не сталкивались. Одним из императивов российской цивилизации выступает ее традиционная толерантность, лежащая в самой ее основе, несмотря на различные негативные процессы, проявляющиеся сегодня.

Терпимость базируется на признании, уважении универсальных прав и основных свобод человека. Уважительный компонент в толерантной культуре - личной, общественной или межгосударственной - обусловлен

принятием и правильным пониманием, как сказано в Декларации принципов толерантности, утвержденной ЮНЕСКО в 1995 г., «богатого разнообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности»¹. А этому способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений, позволяющие видеть не только различия в плюралистическом мире, но и единство в многообразии. Очевидно, что лишь при следовании подобным ориентирам есть шанс достичь согласия и мира между *различными* индивидуумами, общественными стратами, государствами, цивилизациями.

Практическая актуальность. Изучение студентами подобной проблематики вводит их в широкое поле современной научной и политической проблематики, основными парадигмами которой являются варианты концептуализации современных трансформаций, изменение мира в 21 веке, раскрытие угроз и преимуществ современности, определение места и роли России в истории, мире и политике.

Изучение данного курса позволяет вырабатывать у студентов навыки научно-исследовательской, творческой работы, а также принципы и установки толерантного сознания и гражданской позиции. Учение вести себя в современной мультикультурной среде, возможность уважительного, на основе современных подходов, отношения к иным традициям, к ценности любого рефлексивного и практического опыта, одновременно с пониманием специфики собственной страны, представляется основной практической нагруженностью данного курса.

¹ Права человека, толерантность, культура мира //Документы. М., 2002. С. 32.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

Общий объем раздела в зачетных единицах – 1 кредит (36 часов)

1. **Лекция (2/2).** Цивилизационный подход к объяснению социальной реальности: история и современная парадигма. Цивилизационный подход к политике, цивилизации как субъекты политического процесса

Методология исследования общества и социокультурных образований различного порядка. Основные критерии современной парадигмы понимания цивилизации. Многозначность понятия «цивилизация» и необходимость экспликационных технологий в зависимости от исследовательских целей. Соотношение нормативного понимания цивилизации, понятий мировой и локальных цивилизаций. Понятие цивилизационной устойчивости.

2. **Семинарское занятие(2/4).** Теория цивилизация: соотношение мировой и локальных цивилизаций. Идеология цивилизации: политические и моральные импликации.

1. Чтение: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций// Pro et contra. Т.2,№2. М,1997.

2. Мчедлова М.М. Теория цивилизации: проблемное поле,, Вестник РУДН. Серия философии.2000, № 1

3. Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. М.,2001. СС.479-484, 486-490

4. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998, СС.36-79

3. **Лекция (2/2)** Онтология и ключевые характеристики российской цивилизации.

Проблема определения цивилизационного статуса России: история и современные дискуссии. Специфика цивилизационного фундамента. Полиэтничность и поликонфессиональность российской цивилизации как

ее качественные характеристики. Расколотость российской цивилизации. Социокультурные условия российской цивилизации.

4. **Семинарское занятие (2/6).** Глубинные социокультурные и ценностные основания российской цивилизации. Поликонфессиональность и полиэтничность как атрибуты российской цивилизации
Чтение. Солоневич И. Народная монархия. Минск, Луч Софии. 1998. СС. 12-22

Обновление России: трудный поиск решений.

Российская цивилизация. Энциклопедический словарь. М.,2001. СС.484-486, 495-498, 291-293,513-534

Ильин В.В. , Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М.,2000. СС.18-93

5. **Лекция (2/2).** Российская идентичность в свете цивилизационного подхода и современных неклассических парадигм. Стратегии межцивилизационных контактов. Кризис традиционно-действенных технологий межцивилизационного взаимодействия и проблема видоизменения качества социального. Логика функционирования и адаптации, соотношение исторического опыта и необходимых инноваций. Новые нестационарный мир, изменение ключевых параметров современности и место России.

6. **Семинарское занятие (2/4)** Глобализация, вызово-ответная логика, преемственность, изменения и узлы противоречий во внутреннем устройении России

5. Гидденс Э. Ускользящий мир. М.. 2004. СС. 17-97

6. Бауман З. Глобализация: последствия для общества и человека. М., 2004. СС. 113-130

7. Хантингтон С. Кто мы? М.,2004. С.21-71

8. Международные процессы. Т.4, №1. М.,2006. СС.55-95

7. Лекция (2/2) Российская цивилизационная модель: политическая власть, государство, гражданское общество. Сопряжение цивилизационных доминант и политических процессов.

Российская цивилизация как политико-центричная модель социума и роль государства. Дискретный тип государственности в России. Современное состояние российского государства. Проблема выбора Россией адекватной стратегии на вызов изменения политических парадигм современности. Современные демократические общества: дисперсно организованные социумы. Цивилизационные основания и возможности демократических преобразований в России: варианты подходов. Патерналистский тип государства и политической культуры и перспективы гражданского общества в России.

Общий объем раздела в зачетных единицах – 1 кредит (36 часов)

Семинарское занятие (2/4) Государство и гражданское общество в России: проблема демократических трансформаций и политических предпочтений

Чтение. Гаман-Голутвина. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М., 2007. СС.8-41.

Парламентаризм в России и Германии. История и современность. М., 2007. СС.38-74, 236-264.

Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998-2004гг). М., 2004,

9. Лекция (2/2) Современные трансформации социально-политической реальности и изменения в России: реформы, национальные интересы, идеология. Пределы реформирования, цели и задачи реформ. Континуум национальных интересов: методологическое различие коренное, преходящее. Новые форм поддержания национальных интересов. Проблема поиска Россией адекватной идеологии для обеспечения

выживаемости и обеспечения равноправного статуса в мировом политическом процессе.

10. *Семинарское занятие (2/4)* Роль идеологии в России и метафизика реформирования

Чтение: Три века отечественных реформ. // Pro et contra. 1999. Том 4, № 3. Дискуссия.

11. *Лекция (2/2)* Вызов политики как вызов глобального мира: проблема выбора стратегии ответа российской цивилизацией. Тотальность трансформационных процессов современности, изменение всех сферы и уровней социальной ткани, в том числе и области политического. Инверсия политического и неполитического (У. Бек), требующая изменения алгоритмов политического функционирования общества и формулирования иных стратегий поведения как для различных обществ, так и для отдельного индивида.

К одним из основных характеристик современной организации политической реальности следует отнести появление новых субъектов и новых уровней принятия решений, выходящих за рамки традиционно-структурированного политического пространства, кризис национальных прозрачность политических границ, наличие различных властных центров, возникновение новых качеств политических элит.

12. *Семинарское занятие (2/4)* Новые правила политики: национальные интересы и транснациональная реальность

Чтение: Мчедлова М.М. Империя - пространство власти // Поликультурное общество стабильность и коммуникация. М., 2003.

Глобалистика. Международный энциклопедический словарь. М., 2006. Три века отечественных реформ. // Pro et contra. 1999. Том 4, № 3.

13. *Лекция (2/2)*. Амбивалентность глобализации: вызов идентичности и полиэтничность России как глубинный атрибут. Современные реалии переустройства всего качества социального, фиксируемые гуманитарной наукой политические тренды свойственны и современной России. Проблемы размывания идентичности в современную эпоху (З. Бауман), возникновения новых социальных идентичностей, подчас вступающих в противоречие с традиционным этническим самосознанием, с усилением локальных и региональных идентичностей в ущерб идентичностям более широкого порядка. Данная проблема и фиксация ее на уровне социально-психологического самочувствия может быть рассмотрена в стратегических параметрах внешнего и внутреннего структурирования идентичностных координат этносов как входящих в полиэтничную российскую цивилизацию. К подобным координатам следует отнести не только ценностно-культурные основания, обретающее свое бытие в архетипических, поведенческих и идеологических стандартах, но и основания институционального порядка.

14. *Семинарское занятие (2/4)* Новые реалии межкультурных контактов: проблема видоизменения идентичности в поле российской цивилизации и в мире.

Чтение: Бьюккенен П. Смерть Запада. М., 2004. СС.4-44

Мчедлова М.М. Глобальный мир и сохранение самобытности Вестник МГУ, Сер.12. 2002, №3

Мчедлова М.М. Новые грани идентичности современной России// Вестник МГУ, Сер. 12, №3

Губогло М.Н. Идентификация идентичности. М., СС.32-44,195-252

Общий объем раздела в зачетных единицах – 1 кредит (36 часов)

15. **Лекция (2/2)** Актуализация религиозных различий как вызов современности и исторический опыт России. Проблема различения по религиозному основанию. Взаимодействие религии и политики. Многоконфессиональность России как ключевая характеристика и современные реалии. Проблема взаимоотношения религий в поле российской цивилизации и внешние импульсы. Деструктивные тенденции как современные вызовы и предпосылки преодоления.

16. **Семинарское занятие (2/4)** Религиозные различия и практика мирного сосуществования в России : почему возникает религиозная нетерпимость
Чтение: Логинов А.В. Власть и вера. СС.5-13, сс.336-344, сс.457-463

Международные процессы. Т.4, №3. СС.95-104

Россия реформирующаяся. Вып.6. М.,2007. СС.356-386

Губогло М.Н. Идентификация идентичности. М., СС.252-289

17. **Лекция (2/2)** Современный диалог цивилизаций: статус России и технологии взаимодействия. Проблемы межцивилизационного взаимодействия как одна из приоритетных в условиях прощности политических и социокультурных мировых доминант. Проблема использования ключевых характеристик субъектов взаимодействия для достижения интересов или как технологии разрешения деструктивных ситуаций. Основания единства разнородного и функционирования «мира миров».

18. **Семинарское занятие (2/4)** Политика толерантности исключает индифферентизм: проявления диалога цивилизаций на различных уровнях.
Чтение: Толерантность М., 2004. СС.15-36, 142-170, 276-308

Тишков В. Русский мир: смысл и стратегии.//Стратегия России, 2007, №7.

Защита творческих работ- 14

Экзамен – 2 часа

Литература:

1. Гаман-Голутвина О. Политические элиты России. Вехи политической эволюции. М.,2007.
2. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации. М.,2000
3. Ключевский В.О. Курс русской истории// Соч. в 9-ти тт. Т.1, М.,1987. СС.47-50, С.59.
4. Российская цивилизация. Энциклопедический словарь. М.,2001.
5. Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. М., 1998.
6. Рогачев С.В. Российская государственность в системе трансформационных координат. М.,2000.
7. Ильин В.В. , Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М.,2000.
8. Лапин Н.И. Пути России: Социокультурные трансформации. М.,2000.
9. Обновление России: трудный поиск решений. Вып.7. М.,1999.
10. Солоневич И. Народная монархия. М..1991.
11. Сравнительное изучение цивилизаций. М.,1998.
12. Три века отечественных реформ. // Pro et contra. 1999. Том 4, № 3.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций// Pro et contra. Т.2,№2. М,1997.
14. Толерантность, М.,2004.
15. Вера. Этнос. Нация. М.,2007.
16. Логинов А.В. Власть и вера.
17. Парламентаризм в России и Германии. История и современность. М., 2007

18. Гидденс Э. Ускользящий мир. М., 2004
19. Паин Э.А. Динамика национального самосознания россиян // Этнопанорама, 2002, №1(10). С.10
20. Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998-2004гг). М., 2004, С.64
21. Россия реформирующаяся. М., 2007.
22. Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего. Соч. в 10-ти т. Т. 7. С. 454.
23. Ильин И.А. Наши задачи. Соч в 10-ти т. Т. 2. Кн. I. С. 400-410
24. Самые влиятельные люди России- 2003. М.: ИСАНТ, 2004. С. 59
25. Бауман З. Глобализация. Последствия для общества и человека. М., 2004. СС.113-114.
26. Тишков В. Русский мир: смысл и стратегии // Стратегия России, 2007, №7.
27. Губогло. Идентификация идентичности. М.,2003.
28. Русский вопрос. М.,2007
29. Международные процессы. Том 4, № 1(10). М., 2006
30. Галкин А.а. Новые лики национальной проблемы.
31. Тишков В.А. Реквием по этносу. М.,2003
32. Глобалистика. Международный энциклопедический словарь. М., 2006
33. Мчедлова М.М. Глобальный мир и сохранение самобытности Вестник МГУ, Сер.12. 2002, №3
34. Мчедлова М.М. Новые грани идентичности современной России// Вестник МГУ, Сер. 12, №3
35. Мчедлова М.М. Империиум: пространство власти// Поликультурное общества: стабильность и коммуникация. М., 2003
36. Russian civilization(ded. to the official visit of RF V.V.Putin to India in January, 2007)FK Publications. New-Delhi. 2007

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ и ЭССЕ

1. Основания российской цивилизации и современное переустройство мира
2. Россия и Запад: извечный вопрос или реальность?
3. Поликонфессиональность российской цивилизации: современные проблемы.
4. Гражданское общество в России: варианты подходов.
5. Возможности демократических преобразований в России
6. Стратегии современного реформирования: соотношение эффективности и социальные издержки
7. Вызовы современности: перспективы российской цивилизации
8. Способы конструирования общества: различия цивилизационных координат
9. Идеология цивилизации и современные преобразования
10. Современные инновации: соотношение традиций и инноваций
11. Место России в глобальном мире: проекции цивилизационного диалога
12. Политика в современном мире и цивилизационный подход к политике
13. Общероссийская идентичность сегодня и новые стратегии межкультурных контактов
14. Политика и общество: новые точки пересечения и технологии властвования
15. Политические парадигмы современности: политические и культурные плюрализм и монизм
16. Границы современного политического пространства: национальные интересы России
17. Российские особенности социально-политического процесса и необходимость ответов на вызовы современности
18. Социо-культурная идентичность: содержание, уровни, виды .

19. Гражданские и этнические механизмы регуляции общества.
20. Способы сохранения культурной самобытности.
21. Эвристическая функция цивилизационной парадигмы
22. Национализм в России: новое лицо.
23. Транснациональные и национальные элиты: алгоритмы поведения и последствия для России.
24. Гетерогенный мир и универсальность политики
25. Роль государства в российской цивилизации
26. Вызовы современности: перспективы российской цивилизации и стратегии межкультурного диалога
27. Вызовы глобализации и мультикультурализм: как использовать конструктивный потенциал России
28. Зыбкость современных идентичностей и перспективы мира. Россия на пересечении тенденций.

ТЕМЫ АТТЕСТАЦИЙ:

1. Эвристическая нагруженность цивилизационного подхода для объяснения современности
2. Специфика цивилизационного устройства России и современный мир
3. Политические парадигмы современности: стратегии России
4. Роль государства в российской цивилизации и проблема становления гражданского общества в России
5. Поиски интегративной идеологии. Вариант «Русского мира»
6. Современные трансформационные требования и менталитет: проблемы глубинной опосредованности и инноваций
7. Общероссийская идентичность сегодня: различные подходы
8. Глобализация и сохранение идентичности: уровни и проблемы
9. Толерантность и экстремизм: варианты интерпретации и подходов

недели	Темы и виды занятий	Ауд. работа	Самост. работа
1	<i>Лекция.</i> Цивилизационный подход к объяснению социальной реальности: история и современная парадигма. Цивилизационный подход к политике, цивилизации как субъекты политического процесса	2	2
2	<i>Семинарское занятие.</i> Теория цивилизация: соотношение мировой и локальных цивилизаций. Идеология цивилизации: политические и моральные импликации	2	4
3	<i>Лекция.</i> Онтология и ключевые характеристики российской цивилизации	2	2
4	<i>Семинарское занятие.</i> Глубинные социокультурные и ценностные основания российской цивилизации. Поликонфессиональность и полиэтничность как атрибуты российской цивилизации	2	6
5	<i>Лекция.</i> Российская идентичность в свете цивилизационного подхода и современных неклассических парадигм. Стратегии межцивилизационных контактов	2	2
6	<i>Семинарское занятие.</i> Глобализация, вызово-ответная логика, преемственность, изменения и узлы противоречий во внутреннем устройении России	2	4

7	<i>Лекция.</i> Российская цивилизационная модель: политическая власть, государство, гражданское общество. Сопряжение цивилизационных доминант и политических процессов	2	2
8	<i>Семинарское занятие.</i> Государство и гражданское общество в России: проблема демократических трансформаций и политических предпочтений.	2	4
9	<i>Лекция.</i> Современные трансформации социально-политической реальности и изменения в России: реформы, национальные интересы, идеология	2	2
10	<i>Семинарское занятие.</i> Роль идеологии в России и метафизика реформирования	2	4
11	<i>Лекция.</i> Вызов политики как вызов глобального мира: проблема выбора стратегии ответа российской цивилизацией	2	2
12	<i>Семинарское занятие.</i> Новые правила политики: национальные интересы и транснациональная реальность	2	4
13	<i>Лекция.</i> Амбивалентность глобализации: вызов идентичности и полиэтничность России как глубинный атрибут	2	2
14	<i>Семинарское занятие.</i> Новые реалии межкультурных контактов: проблема видоизменения идентичности в поле российской цивилизации и в мире.	2	4

15	<i>Лекция.</i> Актуализация религиозных различий как вызов современности и исторический опыт России	2	2
16	<i>Семинарское занятие.</i> Религиозные различия и практика мирного сосуществования в России : почему возникает религиозная нетерпим	2	4
17	<i>Лекция.</i> Актуализация религиозных различий как вызов современности и исторический опыт России	2	2
18	<i>Семинарское занятие.</i> Политика толерантности исключает индифферентизм: проявления диалога цивилизаций на различных уровнях	2	4
	Защита творческих работ	2	12
	<i>Экзамен</i>	2	